

ISSN 1812-1985

*«Придумать можно все,
кроме психологии»
Л.Н. Толстой*

.....
Человеческий фактор
.....

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

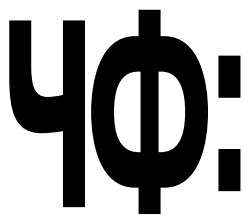
.....

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2010

№ 2 (20)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации — ПИ № 77–15751
Подписной индекс Агентства «Роспечать» — **36053**

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

Выпуск № 2(20) 2010

ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ЦЕНТР
ЭРГОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК
МИНПРОМНАУКИ РОССИИ

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Главный редактор журнала
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»
В.В.Новиков

Главный редактор серии
«Социальный психолог»
В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»
В.М.Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»
Д.П.Пискарев

Редакционная коллегия серии
«Социальный психолог»
*А.В.Карпов, В.В.Козлов, В.М.Львов,
В.А.Мазилев, Н.В.Клюева,
И.Н.Карицкий, Н.П.Фетискин*

Редакционный совет серии
«Социальный психолог»
*Г.В.Акопов, И.П.Волков,
А.Л.Журавлев, Т.П.Емельянова,
М.М.Кашапов, Ю.А.Клейберг,
Г.М.Мануйлов, В.В.Марченко,
В.И.Назаров, Р.С.Немов, Н.Н.Обозов,
Б.Д.Парыгин, Ю.П.Поваренков,
А.Л.Свенцицкий, В.Е.Семенов,
В.А.Урываев, А.В.Филиппов*

Оригинал-макет: *М.Н.Федоров*

Адрес редакции:

150057, г. Ярославль,
ул. Матросова, дом 9, офис 206
Тел.: (4852) 728–394;
факс (4852) 478–666.

Адрес издателя и распространителя:

ООО «Исследовательская группа
“Социальные науки”»
249031, г. Обнинск, а/я 1023
Тел.: (48439) 74–126. E-mail: ig_socin@mail.ru

Отпечатано на Фабрике офсетной печати. 249039, г. Обнинск, ул. Королева, 6
Формат 70x100/16. Тираж . Заказ №

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2010 выпуск № 2 (20)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Брудный А.А. Воля, эго и очевидность	5
Бурыкина М.Ю. Содержание и виды личностных потребностей человека: теоретический аспект	15
Карпов А.В. Рефлексия как детерминанта стратегической организации процессов принятия решения	18
Козлов В.В. Психологический смысл кризиса	29
Мазилев В.А. Основные направления методологических исследований в психологической науке в современной России	34
Санникова Н.А. Особенности творческого процесса	56

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Абдулаева А.В., Козлов В.В. Роль коммуникативных возможностей в процессе адаптации студентов к условиям обучения в вузе	60
Боллигер Л.В., Просекина А.Н. Влияние традиций на гендерную идентичность женщин	69
Буровихина И.А., Лидерс А.Г. Особенности переживания актуальной семейной ситуации и представления о перспективах будущей семейной жизни у современных подростков	77
Витютина Т.А. Социально-психологический контекст экзистенциальных переживаний больных шизофренией	80
Грязнов И.М. Формирование мотивации на снижение уровня аддикций у студентов в их профессиональном становлении	95
Грищенко Е.Г. Специфика детско-родительских отношений в казахских и русских семьях поликультурного пространства	99
Диденко М.Н. Особенности самосознания личности при алкогольной зависимости	103

Ерохин Д.О. Некоторые особенности трансформации системы ценностей под воздействием средств массовой информации	108
Недозрелов А.В. Матрица мифа как основа моделирования	113
Останина А.И. Особенности переживания субъективного одиночества и его взаимосвязь с системой жизненных смыслов личности	119
Стародубцева Г.А. Экспериментальное изучение организационной лояльности	124

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Козлов В.В., Карпов А.А. Психология игры и ее трансцендентная сущность	133
Калиниченко Н.В. Социальная реклама: психологический очерк	142
Даугелавичюс Марюс. Духовный кризис — путь преобразования личности	144
Селищев В.Ю. Понимание смысла в эпоху постмодерна	147

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семенова Т.В. Созерцающая сознание: самарский калейдоскоп	151
Наши авторы	160

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Брудный А.А., Бишкек

ВОЛЯ, ЭГО И ОЧЕВИДНОСТЬ

Статья посвящена проблеме воли как психологического феномена и его роли в функционировании личности. Также в статье анализируется понятие сознания, которое всегда подразумевает сопоставление различных взглядов на предмет и рассматривается как продукт общения.

Ключевые слова: воля, личность, сознание, цивилизация, энергия, архетип, мир, система.

В свое время один из великих физиков XX века Эрвин Шредингер указал на важность «неопровержимого личного опыта» в вопросах, непосредственно касающихся «Я» (Эго), воли и поведения (16). Неопровержимый личный опыт, утверждающий очевидность существования эго и воли, говорит нам и об очевидной континуальности существования индивида и мира, частью которого человек является.

Существование мира континуально, и это вполне очевидно. Но что касается его *q̄*итоста, то тут дело обстоит не так просто. Отнюдь не случайно, что системы, приписывающие всему существующему единый субстрат: будь то материя, идея, энергия — не обладают достаточной объясняющей силой и не стали общепринятыми. Нет ничего невозможного в том, что сущность мира дискретна, и правильнее было бы говорить о сущностях, образующих основу существования мира. Это вполне соответствовало бы философским предпосылкам, которых требует теория множественного интеллекта (Theory of multiple intelligence) Говарда Гарднера (4).

Здесь мы затрагиваем чрезвычайно любопытный вопрос об очевидности существования некоторых феноменов психической жизни; она, эта очевидность, как бы вытекает из неопровержимого личного опыта. Прекрасный при-

мер приводит В.А.Иванников. Обращаясь к студентам, он говорит: «Если я вас сейчас спрошу — есть ли у вас воля, то я услышу много жалоб на то, что она у вас слабая. Никто не задает мне вопрос, про что я спрашиваю, потому что все понимают, про что я спросил» (5, с. 187). Я, разумеется, повторил этот вопрос на одной из лекций в АУЦА и получил полное подтверждение наблюдений, сделанных В.А.Иванниковым в МГУ. Подтвердился и следующий его тезис «Проблема воли в том и состоит, что никто не сомневается в ее наличии, но никто не знает, что это такое» (5, с. 187). Наличие или недостаток воли настолько самоочевиден, что студенты с некоторым недоумением узнают, что воля — это конструкт (см. 6, 13). «Но тогда и внимание — тоже конструкт?» Да, несомненно. Стоит добавить, что дифференциация синонимов воля (в условном значении «власть») и воля (в условном значении «свобода») вызывает — в контексте — затруднения: так, название известной революционно-террористической организации «Народная воля» чаще толкуют как «свободу народа», чем «исполнение воли народа». Между тем, правильно последнее толкование. Определения же «воли» как феномена психики индивида вообще разноречивы. И это касается не только проблемы воли. «Теперь вызывает опасения та лег-

кость, с которой огромные массивы накопленных знаний предаются забвению, не будучи востребованы современными парадигмами. Парадигма из инструмента мобилизации накопленных знаний превращается в инструмент элиминации. Это новая ситуация, и мы не

знаем, во что она разовьется» (6, с. 7–8).

Хотелось бы в этой связи напомнить, что в «Тэвистокских лекциях» К.Г.Юнг помещал в центр скрещения основных психических функций «эго, с присущей ему энергией, это — энергия воли» (17,

Матрица Тимоти Лири.

Уровень энергии и сознания	Центр энергии и сознания	Информационная структура	Наука, изучающая этот уровень	Медиатор, выводящий на этот уровень	Религия этого уровня	Религиозная метафора	Искусство	Ритуальный метод
Атомный	Ядро атома	Электрон	Физика, астрофизика	ЛСД	Буддизм	Белый свет пустоты	Психоделическая музыка	До психоделиков — спонтанный
Клеточный	ДНК	РНК	Биология, биохимия	Пейот, псилоцибин	Индуизм	Реинкарнация	Индийское искусство	Длительный пост
Соматический	Узлы автономной нервной системы	Органы тела	Физиология	Гашиш	Тантра	Чакры, кундалини	Босх	Сенсорная депривация
Сенсорный	Мозг	Органы чувств	Нейрология	Марихуана	Дзен-буддизм, суфизм	Сатори	Чувственное искусство	Танцы, музыка
Ментально-социальный	Импринтирование и кондиционирование сознания	Общественное поведение	Психология	Стимуляторы	Иудаизм, протестанство	Мессия, Иисус	Репродукции и эстампы	Проповеди
Эмоциональный	Железы внутренней секреции	Эмоциональное поведение	Психиатрия	Алкоголь	Католицизм, фундаментализм	Сатана	Пропаганда	Ритуалы, суеверия
Пустота			Анестезиология	Наркотики, ОВ	Культы смерти	Зияющая черная пустота		Суицид, ритуальное убийство

с. 26). Это представление развито и систематизировано Т.Лири.

В предложенной Т.Лири схематизации энергия и сознание определяются как ее сопряженные с различными материальными носителями. Конечно, эта матрица в своих основаниях оспорима, и на ней сказались, в частности, и личное увлечение Т.Лири психоделической проблематикой. Но попытка связать сознание и энергию сама по себе заслуживает внимания. Хотелось бы при этом подчеркнуть, что расхождение упоминания об «энергетике» отдельных личностей и даже текстов к науке отношения не имеют и являются в лучшем случае метафорами. (Писал же В.Шкловский, что он чувствует себя «в упругой массе понимания», и всем было ясно, что масса эта — нефизическая, метафорическая). В то же время все сказанное не снимает вопроса об энергетической стороне психических феноменов.

Согласно «принципу однополюсной траты энергии», предложенному в свое время К.Н.Корниловым, внутренне присущая организму энергия движется по условной вертикальной оси. Идея эта в современной интерпретации приблизительно такова: существование организма имеет своей сущностью энергию. То, что объективно является энергией, субъективно ощущается как воля. Воля — это энергетический субстрат выбора. Когда воля уходит, условно говоря, «вверх», в мозг, в neocortex — она обращается в интеллект, в выбор знаков, их сочетаний, в мысль. Когда энергия уходит в тело, в мышцы — она реализуется в поведении, обращается в мышечные движения (Фиг. 1). Вообще говоря, К.Н.Корнилов не был первооткрывателем трансформационной связи воли и интеллекта: еще Шопенгауэр утверждал, что интеллект — это своего рода «вещь для нас», которой соответствует «вещь в себе» — воля, и проводил такую аналогию: «воля есть теплота, а интеллект — свет» (15, с. 12). Хотя это срав-

нение относится к временам свечей и газовых рожков, речь здесь идет о том, как нечто исходное не узнаваемо в последующей трансформации: по этому поводу В.Шкловский писал, что «сырье шоколада не сладко, руда не звенит, электричество в проводах не светит» (13, с. 89). Так и в напряженной интеллектуальной деятельности не всегда ощущается волевая природа умственных усилий.

Фигура 1*

Вертикальный стержень отображает ось движения энергии эго (воли) между полюсом интеллекта (neocortex, вверху) и полюсом поведения (мускулатура тела, внизу). Ступенчатая линия отображает движение воли к реализации целей эго в поведении: это движение проходит ряд стадий, на которых попеременно доминируют интерес, побуждение (дефицит или избыток) и выбор (включая перебор возможных вариантов действия).

И Л.С.Выготский считал, что «самым характерным для овладения собственным поведением является выбор, и

* Рисунки для иллюстрирования положений статьи взяты из книги: Анкорах Д.Т. Удивительные фигуры. — М.: АСТ-астрель, 2002.

недаром старая психология, изучая волевые процессы, видела в выборе самое существо волевого акта» (3, с. 274). Это не только к «старой психологии» относится: слова Жан-Поля Сартра «Ты — это твой выбор» прозвучали (и стали общеизвестными), много лет спустя — после Пиаже в трудах психологов Запада имя Л.С.Выготского упоминалось редко.

Надо сразу же отметить, что с энергетической точки зрения выбор вторичен по отношению к побуждению и действию и его силе. Более того, в крайнем выражении поведенческая активность как бы заслоняет момент выбора (столь важный для эго), и там, где это фактически не представлено, где царствует *id*, энергия обретает свободу выражения. Полное овладение собственным поведением приводит к тому, что воля приобретает все признаки своего второго значения: становится свободой. Это блестяще показано у М.Зощенко:

Автор стоял у клетки, набитой обезьянами, и следил за ихними ужимками и игрой...

Ужасно бурные движения, прямо даже чудовищная радость жизни, страшная, потрясающая энергия и бешеное здоровье были видны в каждом движении этих обезьян.

Они ужасно бесновались, каждую секунду были в движении, каждую минуту лапали своих самок, жрали, какали, прыгали и дрались.

Это был просто прекрасно. Это был настоящий и даже, говоря возвышенным языком, великолепный пир здоровья и жизни.

Автор любовался этой картиной и, понимая свое ничтожество, почтительно вздыхая, стоял у клетки, слегка даже пришибленный таким величием, таким великолепием жизни.

«Ну что ж, — подумал автор, — если старик Дарвин не надул и это действительно наши почтенные родичи, вернее — наши двоюродные братья, то доволь-

но-таки грустный вывод напрашивается в этом деле».

Вот рядом с клеткой стоит человек — автор. Он медлителен в своих движениях. Кожа на его лице желтоватая, глаза усталые, без особого блеска, губы сжаты в ироническую, брезгливую улыбку. Ему скучновато. Он, изволите ли видеть, зашел в зверинец поразвлечься. Он зашел под крышу, чтобы укрыться от палящих лучей солнца. Он устал. Он опирается на палку.

А рядом в неописуемом восторге, забыв о своей неволе, беснуются обезьяны, так сказать — кузены и кузины автора.

«Черт возьми, — подумал автор, — прямо даже великолепное здоровье в таком случае я соизволил порастрасти за годы своей жизни, за годы работы головой...»

Точки сопоставления избраны крайне. Проблемы выбора для обезьян в вольере не существует. Энергия бурно выплескивается наружу, в телесную динамику существования. И ее с усталой иронической усмешкой наблюдает тот, чья энергия ушла в движение мысли, в выбор наиболее точных и действенных форм ее выражения. И «он устал». Устал «за годы работы головой». Результаты этой работы опять-таки обрели внешнюю, знаковую форму, свойственную продукту творческого труда писателя.

Отметим, что эксплицитный результат существует на обоих полюсах оси, которую постулировал К.Н.Корнилов.

Побуждение к изменению действительности, несомненно, существует, и В.А.Иванников закономерно связывает понятие воли (как объяснительное) именно с побуждением наряду с выбором. Надо, однако, отметить, что действительными являются и факты психической жизни человека, причем, желание изменить действительность может быть направлено и на изменение сознания.

Быть может, попытки изменять состояние сознания могут найти принципиальное объяснение в концепции Поля Рикера (7). Желание и воля, в сущности, предшествуют познанию, осознанию экзистенции эго, да и сознанию вообще. Отсюда следует, что изменение состояния сознания пралогически не различается с намеренным (или ненамеренным) изменением объективной действительности.

Попытки воздействовать на состояние сознания и тем самым изменять его место известны издавна, начало им было положено в Азии, и не случайно. «Азия — это человечество в своей, человеческой судьбе. Величиной своей, множеством народов, высотой былых побед и глубиной темных раздумий она очень похожа на то, о чем мы думаем, когда говорим «весь мир». Она скорее космос, чем континент. Таков мир, созданный человеком, и в нем немало прекраснейших человеческих творений. Тем самым Азия — полноправный представитель язычества и единственный соперник христианства. Там, где она перебралась на южные архипелаги дикарей, или там, где безымянные чудища кишат в загадочном сердце Африки, или там, где остатки погибших рас ютятся на холодном вулкане доисторической Америки, повторяется одно и то же, разве что иногда до нас доходят только последние главы» (12, с. 242).

Попытки изменения сознания Р.Г.Уоссон связывает с галлюциногенным воздействием мухомора красного. «Коренные жители Чукотки, долин Оби и Енисея не разглашали информацию, которая казалась им самоочевидной: в их обществе каждый знает, почему превозносится береза (на языке теории информации это была избыточность — А.Б.). Что касается микологов, которые, безусловно, знакомы со специфическими взаимоотношениями березы и мухомора красного, то они привыкли обсуждать собственные достижения между

собой, но никак не с антропологами... Говоря кратко, я утверждаю, что легенды о Древе Жизни и о Чудесном Растении появились в лесополосе Евразии, дерево представляет собой не что иное, как сибирскую березу, а чудодейственное растение — мухомор красный, сома, rongo (гриб) угорских племен. На самом деле, мы знакомы с этой легендой из клинописных источников Шумера и стран, лежащих западнее. Там береза осталась лишь воспоминанием, и невозможно дать ответ на вопрос, как много даже самые осведомленные жрецы могли знать о чудодейственном растении. Но легенды, повествующие о силе сомы, сохранили свое влияние, они были представлены в рисунках, скульптурах, надписях на глиняных дощечках. Не стоит забывать, что шумеры, хетты, митаннийцы и другие племена, известные и неизвестные, пришли с севера, где о чудесном растении знали по собственному опыту. С собой они унесли все сказания, которые и были зафиксированы на глине сразу после изобретения ими письменности» (11, с. 180).

В связи с публикацией в номере «Академического Вестника» статьи А.Кронберг об инвариантах мотива *Axis mundi* и «космического дерева» в Центральной Азии, хотелось бы привести мнение редактора «Flash of Gods» П.Фурста относительно гипотезы Р.Г.Уоссона. — «Возможно, это касается и религии американских индейцев, в которой встречается похожий образ мирового (шаманского) дерева: символическая мировая ось — *Axis mundi* — с водоемом, полным живой воды у основания дерева, и хтоническим стражем — Змием» (11).

Однако эта форма жизнепользования обрела культурно-историческое значение лишь в Центральной и Южной Америке; там она стала частью традиционной индейской культуры и цивилизации.

Определяя «цивилизацию» как жизнепользование, мы имеем в виду, что

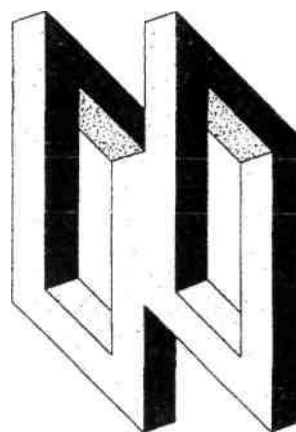
под историческим углом зрения понятия «культура» и «цивилизация» близки, и объем их частично перекрывает друг друга. Тем не менее, заслуживает внимания точка зрения Освальда Шпенглера, который подчеркивает то обстоятельство, что культура на конкретных (позднейших) этапах своего развития как бы вытесняется цивилизацией: формы жизнепользования умножаются, удовлетворяя потребности людей так, что «ценность» все больше замещается «ценой». Ранее мы пытались охарактеризовать культуру как опредмечивание отношений между людьми (2). При этом опредмечивание это осуществляется двояко: семиотично и ценностно. Семиотические аспекты цивилизации постепенно вытесняют ценностные аспекты культуры: ярмарка занимает место карнавала, лицо общества изменяется. Не выражение лица (это дело культуры), а именно лицо. Можно даже сказать, что когда утверждают, что общества более не существует (есть такие утверждения), имеют в виду, что общество потеряло лицо. Глобализация — симптом этой потери. Цивилизация порождена обществом и удовлетворяет потребности людей; культура порождается людьми и выражает ценности общества или, что то же, опредмечивает отношения, которые общество создает. Возможно, что это опредмечивание содержит в себе какое-то решение (или попытку решения) проблемы человека. Что касается цивилизации, то ее достижения нацелены более всего на удовлетворение потребностей человека и формы реализации этих потребностей. При этом культура ориентирована, скорее всего, на развитие сущностных сил личности, достижения же цивилизации имеют тенденцию к массовидности, не к индивидуальному, но к массовому сознанию.

В сущности своей сознание всегда подразумевает сопоставление различных взглядов на предмет. Соответственно общению, порождающее сознание, и

есть встреча различающихся, даже противоречивых точек зрения, а прославленная философами диалектика есть проекция общения на предметный мир. И это естественно. Ведь познание природы и социума не сводимо к мыслям единичного субъекта, оно является продуктом взаимодействия субъектов познания, в конечном счете — их общения.

Другое дело, что в философских трудах мы постоянно встречаем *единого* субъекта познания, заменяющего множество *единичных* — заменяющего их в силу классической традиции, а, может быть, и по воле коллективного бессознательного. Архетипы имплицитно присутствуют во всей психической жизни индивида и общества. Возможно, архетипическую основу имеет и взаимодействие двух когерентно функционирующих систем, обеспечивающих существование общества. Назовем их витальными, имея в виду их жизнеобеспечивающую роль. Первая витальная система носит предметно-энергетический характер и выражается в перемещении вещества, вторая выражается в передаче информации (Фиг. 2).

На схеме отображен когерентный характер функционирования двух виталь-

Фигура 2.

ных систем общества: потоки энергии и транспортировка грузов (1 витальная система) и передача информации, регулирующая эти процессы (2 витальная система). Смычка отображает отношение взаимоподкрепления общественно-энергетических и информационных аспектов жизни общества.

В основе своей дифференциация этих систем условна: передача информации предполагает материальный ее носитель (сигнал) и требует определенных энергетических затрат; перемещение вещей имеет информационный аспект, как это афористически сформулировал В. Берестов: «Вещь — это весть».

Тем не менее, различение витальных систем вполне оправдано, ибо для первой витальной системы в первую очередь важны именно вещество и энергия, а для второй — информация. Еще на донаучной стадии развития картины мира различались: существующая функция и то, без чего существование функции невозможно. Известно, что аборигены Новой Каледонии различали камо (настоящее функционирующее) и то, без чего это «камо» не существует: для существования кольца необходима пустота, для существования ночного небосвода — Млечный Путь, для функционирования топора — топорщице, его рукоятка.

Существование двух витальных систем, их значение для рыночных отношений и психики индивида резкими, четкими штрихами нарисовано А. Н. Толстым:

Около Невзорова появился продавец мерлушек. Это был беспокойный человек.

— Мерлушкой интересуетесь?

— Почему? — небрежно спросил Невзоров.

— Сто карбованцев шкурка.

— Товар или только накладная?

— Какая вам разница?

— Тогда идите к черту, — сказал Невзоров, отвернулся... А в голове засели

проклятые мерлушки. Да и как им не засесть, подумайте только. В Константинополе цена каракуля три английских фунта. Если вывезти, на плохой конец, две тысячи шкурок...

Связь двух витальных систем здесь просматривается очень отчетливо. Презрительно отвергая накладную, Невзоров, однако, видит за ней обитые цинком ящики с каракулем и уже прикидывает, на каком корабле их можно вывезти. За знаковой формой, присущей второй витальной системе, находится принадлежащий первой витальной системе предмет транспортировки, предмет обмена на денежные знаки, обладающий уже не единичным (накладная), но универсальным (валюта) значением.

Иными словами, знак здесь репрезентирует товар. Вторая витальная система репрезентативна. Но на схеме (Фиг. 2) обе системы соединяет перемычка — мир маркетинга — непосредственная ориентация на покупателя, мир позиционирования, брэндов, лейблов... Мир, в котором товар презентует знак: это, конечно, часы, но, главным образом, это Rolex; это не просто автомобиль, но BMW; это джинсы, но это и «Wrangler». «Хороший фирменный знак может стоить больше, чем фабрика, которая производит этот продукт» (1, с. 127).

Существует соблазн расширить перемычку до пределов полного соединения обеих систем. Но в действительности они разъединимы — и разъединяются. Вспомним культ карго у туземцев, живших на островах Великого океана. Карго, то есть груз, перевозимый (и, соответственно, привозимый) на кораблях, неизменно производил огромное впечатление на местных жителей. Корабль ушел, но событие осталось. И вот уже ставится высокий шест, к нему привязывают лиану или просто канат. У противоположного его конца служитель культа быстрым и ритмичным стуком камня о камень взывает к карго:

«Вернись!» Вы уже догадались, что шест с канатом имитирует антенну, стук камней — морзянку, а наивный жрец — радиста. Ведь островитяне видели, как по радио вызывали корабли, и корабли появлялись, как бы в ответ на странные движения руки радиста, на повисшую над землей антенну. Казалось бы, все это можно повторить и симулякром вызвать аналогичный результат.

Все это не так уж примитивно, как может показаться на первый взгляд. Вспомните, как рыночную экономику вызывали к жизни организацией сотен бирж, обществ с ограниченной ответственностью, ваучерами и т.п. — одним словом, имитацией «настоящего» капитализма, который ранее уже существовал в России и, казалось, мог быть реиницирован.

Апогеем и символом возвращения ко второй витальной системе прошлого стал «Ъ» — твердый знак, необходимый элемент письменности прежних времен. Его можно увидеть и сейчас: в заголовках («Коммерсантъ»), на этикетках вин, конфет и т.п. Настоящие рыночные отношения вошли в нашу жизнь иным путем, но природа симулякров XX века станет поучительным примером относительной самостоятельности витальных систем.

Проблема воли как побуждения к действию и его силы связана с функциями эго, не сводимыми к классическому id. Именно эго имеет кардинальное, непосредственное, очевидное отношение к решению генеральной проблемы общества как порождающей себя генеалогической машины.

Это проблема самопорождения человека. На уровне телесном она решается путем полового отбора. О нем уже шла речь. Он, согласно Дарвину, и породил человека. И очевидно, что человек тут зародился и вырос потому, что и отношения на этом — телесном — уровне были выражением любви, то есть экстремального интереса и понимания.

Иначе это были бы отношения животных.

Но человек вне труда и орудий труда — не вполне человек. И возникает проблема производства орудий труда, идеальное решение которой — самопорождение человека на *орудийном* уровне.

Как вы помните, Аристотель делил орудия производства на *instrumentum mutum, instrumentum semivocale et instrumentum vocale*: на орудия немые (плуг, мельничное колесо), полуговорящие (рабочий скот) и говорящие (рабы). Последние, несомненно, были наиболее разнообразными функционально, но работать они не хотели, и этот факт сыграл огромную роль в истории общества. И это роботы — Чапек впоследствии ярко их описал, а сейчас их начали и изготавливать, хотя они еще очень дороги. Традиционно считается, что идея эта, однако, родилась в пражском гетто, где Львом Бен Бецалелем был создан первый робот — Голем. Голем был послушен, человекоподобен и исключительно силен. Сразу же возникла проблема его пуска и выключения — генеральная проблема всех механических устройств — и проблема его повиновения — вечная проблема рабовладения. Все легенды о Големе связаны с его выходом из повиновения. Видимо, это относится и к Голему из Хелма, о котором говорится у Соучека (9, с. 110). О бунте роботов писал и Чапек. Все эти вопросы еще не поставлены в порядок дня. Но к ним не стоит относиться легкомысленно.

И, наконец, третья форма самопорождения — *знаковая*. Это тексты. Но и портреты. Но и фильмы. И текст как самоподобие. Все это изучено пока очень слабо, хотя еще в 20-е годы видный лингвист Григорий Винокур отмечал, что развитие индивида есть не что иное, как только синтаксически (а вовсе не эволюционно) развернутая личность. Это очень сильно. Тогда еще о гипотезе Ингве и речи не было; между тем, Вино-

кур, в сущности, утверждал, что на глубину одной памяти развертывается одна личность.

По-видимому, эго как носитель воли имеет прямое отношение к вероятностному прогнозированию (10). И ожидание наряду с волей — самоочевидный феномен психической жизни — является необходимой частью процесса существования человека как родового существа. Нельзя исключить, что источник воли находится в первооснове пирамиды Маслоу, в потребности. Но для индивида (а самоочевидность связана именно с индивидуальностью) воля — это желание (несколько неуклюжий термин «воление» так и не привился).

С радикально-психологической точки зрения именно воля превращает общераспространенные потребности, циклические, взаимосвязанные, мотивированные самой родовой и социальной природой человека, в желания — индивидуальные и в силу этого разнообразные, управляемые, направленные на конкретные предметы. Желания, собственно, и возникают благодаря интимной связи воли и выбора. На генезис этой связи оказал определяющее влияние половой отбор — этот решающий, по Дарвину, механизм происхождения человека. С культурно-исторической точки зрения примечательно, что в свое время роль полового отбора замалчивалась и вытеснялась тезисом «человека создал труд», хотя коллективному характеру труда обязано своим происхождением, прежде всего, *общество* — этот могучий посредник между человеком и природой. Извечное стремление посредника заменить подлинного хозяина конкретизировано в функциях супер-эго. Но что бы ни породило желание, эго остается его носителем.

Множественный интеллект, по Гарднеру, именно и есть конструктор, отображающий под когнитивным углом зрения множественность сущностей. Воля

же ориентирована на существование, она и есть самоочевидность того, что человек и эго существуют.

Теория множественного интеллекта здесь упомянута отнюдь не случайно. Как известно, Фрейд именовал Эго «службой трех господ»: (1) требующего свободы поведения id, (2) настаивающего на жестких ограничениях этой свободы «супер-эго» и, наконец, (3) окружающего мира, предполагающего адаптацию поведения к объективным закономерностям физической (в широком смысле) реальности. И естественно задуматься над тем, способен ли единообразный интеллект успешно справиться с исполнением столь различных (а то и противоречивых) требований. Здесь как раз желателен множественный интеллект — констелляция интеллектов.

Они не равносильны... Но в плане существования эго здесь обретает очертания его особая функция — констелляционная. Как бы ни различались составные части множественного интеллекта, сущностно они могут быть совсем разными, их существование объединяет эго. Эго создает неповторимый колорит личных потребностей и сущностных сил.

Познание мира — это проникновение в него через окно сознания. Но «если искусство можно сравнить с окном, то только с нарисованным» (4, с. 329). В этом окне нарисован и тот, кто в него смотрит, скажем, герой романа. «Личность героя в первоначальном романе — это способ соединения частей» (14, с. 329). Герой романа и есть в этом смысле эго. Постепенно, по мере эволюции литературных форм, способ соединения частей начинает интересовать читателя все больше, появляется поток сознания, «Улисс» Дж.Джойса.

У.Джемс справедливо считал «поток сознания» реальным феноменом психической жизни индивида. Художественные (литературные) приемы — лишь попытки приблизиться к этому феномену.

Но поток сознания вариативен, и первые попытки изменить сознание сопутствовали попыткам изменения окружающего мира и человеческих отношений.

Эти попытки не потеряли своего значения и до сих пор.

Литература

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. — М.: Лабиринт, 1998.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 3. — М., 1983.
4. Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интереса. — М.; СПб.; Киев: Изд. дом Вильяме, 2007.
5. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. — М.; СПб.: Питер, 2006.
6. Красилов В.А. Палеонтология и парадигмы современного естествознания // Эволюция биосферы и биоразнообразие. — М., 2006.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. — М.: Академический проект, 2009.
8. Смит Н. Современные системы психологии. Глава 2. — М.: ОЛМА-пресс; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
9. Соучек П. Энциклопедия всеобщих заблуждений. — Минск: Старый свет-принт, 1994.
10. Фейгенберг И.М.. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека и поведении животных. — М.: НЬЮДИАМЕД, 2008.
11. Уоссон Р.Г. Что такое сома арийцев? // Измененные состояния сознания и культура / Автор-составитель Гардеева О.В. — М.; СПб.: Питер, 2009.
12. Честертон Г.К. Вечный Человек / Пер. с англ. Н.Л.Трауберг. — М.: Политиздат, 1991.
13. Шкловский В.Б. Третья фабрика. — М.: Круг, 1926.
14. Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. — М.: Новости, 1990.
15. Шопенгауэр А. Статьи эстетические, философские и афоризмы. — Харьков, 1888.
16. Шрендингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики. — М: Издательство, 1948.
17. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология, ее теория и практика. — М: АСТ, 2009.

Brudny A.A. Will the ego and the visibility of

Problem will both psychological phenomenon and its role in the functioning of the individual. The article examines the concept of consciousness that always implies a comparison of the different views on the subject and is regarded as a product of communication.

Keywords: Will, personality, consciousness, civilization, energy, archetype, a world, system.

Бурыкина М.Ю., Брянск

СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ ЛИЧНОСТНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена специфике потребностей личности. Они, в отличие от биологических потребностей, рассматриваются как активность человека, направленная на достижение цели в связи с осознанием нужды, на содержание деятельности, в которой личность имеет возможность самореализации.

Ключевые слова: личность, потребность, деятельность, самореализация, базальная, активность.

Понятие «личностные потребности» не имеет целостного рассмотрения ни в философии, ни в психологии и в основном обозначается термином «потребности личности». В содержание понятия «потребности личности» исследователи вкладывают различный смысл. С одной стороны, спецификой потребностей личности, в отличие от биологических потребностей, является активность человека, направленная на достижение цели в связи с осознанием нужды, на содержание деятельности, в которой личность имеет возможность самовоплощения, самореализации. С другой стороны, важным показателем потребностей личности является стремление человека принадлежать к определенной социальной группе и занимать в ней место, быть принятым в обществе.

На этом основании следует выделить два направления рассмотрения содержания потребностей личности. Первое направление характеризуется отношением к потребностям личности как к стабильному, функционирующему в определенном порядке компоненту личности, независимо от вида и степени их развития. В этом случае потребности личности наряду с физиологическими имеют общие характеристики: границы напряжения и разрядку, определенные средства удовлетворения, детерминированные объективными средовыми условиями; строго определенную последовательность процедур протекания в потребностном цикле; однозначный результат (удовлетворение,

неудовлетворение, частичное удовлетворение потребности).

Второе направление рассмотрения потребностей личности характеризуется представлениями о них как о подвижной, изменяющейся, нестабильной структурной единице личности. Данный взгляд указывает на нестандартность, неопределенность, динамичность потребностей, готовность выйти в их исследовании за рамки известного. Субъективная и объективная стороны потребностей личности дополняют друг друга. Их различные соотношения могут характеризовать содержание и динамику развития различных видов потребностей личности.

В нашем исследовании акцентируется внимание на том, что возникая в общении, личностные потребности формируются независимо от витальных. Потребности личности как ее компонент реализуются в процессе овладения информацией о себе и о других, человеческих сообществах, что является признаком адаптированности человека к социальной среде. Нами представлено определение понятия «личностные потребности», что позволяет уточнить содержание, выявить совокупность существенных признаков личностных потребностей человека. **Личностные потребности — это динамические функциональные состояния напряжения, возникающие вследствие переживания необходимости в межличностных отношениях, предметно-опосредованном взаимодействии с людьми.**

Личностные потребности нами рассматриваются в узком смысле слова в связи со взаимодействием с окружающими людьми в конкретной деятельности, имеющей смысл, который «открывает субъекту особую значимость в связи с актуальностью потребности в конкретной ситуации» (Д.А.Леонтьев, 1999). Личностные потребности как смысловые структуры, имеющие социальное «смысловое поле» (понятие введено Б.В.Зейгарник, Г.В.Биренбаум), задают направление активности человека (на предмет или другого человека) и «определяются через форму деятельности» (А.Н.Леонтьев, 1971), в которой они реализуются.

С нашей точки зрения личностные потребности могут развиваться гармонично (или дисгармонично), способствовать адекватному (или неадекватному), целесообразному (или нецелесообразному) функционированию личности в обществе и регулированию собственной активности. Развитие личностных потребностей осуществляется через осознание и рефлексию своих переживаний, поведения, деятельности. Появляясь в разные возрастные периоды, они совершенствуются и наполняются новым содержанием и регулируют активность личности в окружающей среде. При этом их функции и компоненты одновременно «не включаются», а находятся в иерархической связи в зависимости от вида личностных потребностей, их содержания, степени овладения способами их удовлетворения в условиях взаимодействия с окружающими людьми.

В определенном возрастном периоде доминируют те или иные личностные потребности в зависимости от субъективно переживаемых взаимосвязей между людьми (межличностными отношениями в общении, совместной деятельности — В.Н.Мясищев, 1968; Я.Л.Коломинский, 1985, 2000; Б.Ф.Ломов, 1981; А.В.Петровский, 1987). К ним мы относим потребности в межличностном (контакт с людьми, изменяющий поведение, деятельность) и предметно-обусловленном взаимодействии со средой в условиях конкретной деятельности (контакт с людьми, имеющий следствием овладения предмет-

ной средой или ее знаково-символьным обозначением).

Личностные потребности мы подразделяем на базальные, производные, а также гармоничные и дисгармоничные. Базальные личностные потребности проявляются в возрастных новообразованиях и формируются на основе ведущей деятельности. Например, к базальным потребностям, формирующимся в период дошкольного детства, относятся потребности во впечатлениях, в доброжелательном внимании, в привязанности и принятии, подражании, контакте с окружающими людьми, в восприятии, понимании другого человека, идентификации и самосознании, в признании и поддержке, в уважении, во взаимопонимании, в сопереживании, в самовыражении, в одобрении.

Производные личностные потребности — это контекстные личностные потребности, формирующиеся в результате перехода базальных потребностей в новые и появляющиеся в деятельности межличностном взаимодействии. Они появляются в дошкольном детстве и развиваются на протяжении всей жизни человека в процессе освоения предметно-обусловленных действий и общении с окружающими людьми. Под их влиянием, в контексте воздействия окружающей среды, происходит адаптация и интеграция человека в общество при сохранении своей индивидуальности и реализации своих потенций. Удовлетворяясь, базальная потребность преобразуется впоследствии в производную, включенную в сложные иерархические изменения вторичного, третичного и т.д. порядков. Например, базальная личностная потребность дошкольника в признании и поддержке взрослым и сверстником в дошкольном возрасте, включаясь в контекст сюжетно-ролевой игры, преобразуется в производную потребность в ролевом межличностном взаимодействии. В младшем школьном возрасте эта потребность включается в различные формы одобрения и положительное оценивание взрослым в учебной деятельности. В подростковом возрасте принятие сверстником в интимно-личностном общении является меркой сравне-

ния и оценивания себя на уровне реальных равных возможностей.

Доминантная потребность — та, которая реализуется в данный момент в соответствии со значимым объектом, деятельностью. Внутреннюю динамику напряжения доминантной в данный момент потребности и угасание предыдущей личностной потребности мы представили в виде трехмерной матрицы. Личностные потребности упорядочиваются в матричной иерархической динамической сети и преобразуются в дискретном возрастном порядке (смена ведущих видов деятельности). Перемещение личностной потребности ребенка или взрослого в матрице в ранг второго, третьего и иного порядка происходит соответственно возрастным возможностям человека и потребностному опыту. Развиваясь, каждая базальная личностная потребность становится производной, закрепляется и функционирует в различных видах деятельности человека, «отвязывается» от конкретного «потребностного состояния», и тогда происходит «сдвиг потребности» (понятие А.Н.Леонтьева, 1971) на неосвоенное контекстное содержание, которое при необходимости становится доминантным, в новых или привычных условиях.

Базальные и производные потребности группируются (если потребности не доминантны, равнозначно производны и определяются одним рангом), транспонируются. Транспонирование позволяет удовлетворенным личностным потребностям поменяться рангами, своим иерархическим положением, степенью напряжения и доминирования в матрице. Этот процесс протекает волнообразно, нелинейно — гармонично. Удовлетворенная личностная потребность имеет положительный знак (валентность), отражается в поведении и положительных эмоциях человека.

Дисгармоничные личностные потребности мы рассматриваем как личностные потребности, не удовлетворенные адекватными способами, соответствующими их содержанию, и замещенные неадекватными взаимодействиями с окружающими людьми. Неудовлетворенная базальная личностная потребность находится в зависимости от объектов ее удовлетворения, окружающих людей или материальных предметов, способных разрядить напряжение замещенной потребности. В этом случае в матрице личностных потребностей возникает дисгармонизация процесса их развития и нарушается степенная взаимосвязь каждого ранга потребностей, и пропорциональность межличностных и предметно-обусловленных взаимодействий.

Нарушающаяся упорядоченность в матрице личностных потребностей детей препятствует их коммутативности (перемещение личностных потребностей), ассоциативности (сочетание), взаимодействию, что приводит к целостной дисгармонии всей потребностной сферы. Дисгармоничные потребности могут вплетаться в иерархию потребностей, фиксировать доминантность нереализованных потребностей и не позволять им переходить на производный более высокий уровень развития. Таким образом, дисгармоничные потребности препятствуют самореализации человека, его адаптации и интеграции в общество.

Выделенные характеристики личностных потребностей человека позволяют определить их значимость в организации взаимодействия с людьми, собственного поведения в контексте деятельности. Все вышеизложенное заставляет переосмыслить и объяснить детерминанты дисгармоний личностного потребностного опыта и определить пути его коррекции.

Bourikina M.Y. The content and the types of personal human needs: the theoretical aspect

Article is devoted to the specific needs of the individual. Unlike biological needs, are treated as human activity aimed at achieving the knowledge needs maintenance activities in which individuals can self-realization.

Keywords: Identity, activity, activity of self realization, basal.

Карнов А.В., Ярославль

РЕФЛЕКСИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТРАТЕГИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ *

Статья посвящена рефлексии как детерминанте стратегической организации процессов принятия решения. Вопрос о закономерностях собственно процессуальной (функциональной) организации психических образований и процессов рассматривается при этом в операциональном составе.

Ключевые слова: рефлексия, детерминанта, стратегическая организация, процесс, принятия решения, интегральная.

Постановка проблемы исследования. Процессы принятия решения и рефлексии являются, как известно, одними из наиболее сложных среди всех известных в настоящее время психических процессов. Первый из них принадлежит к классу *интегральных* процессов психической регуляции деятельности и поведения [5, 6, 7], а второй — к еще более обобщенному и синтетическому уровню организации психических процессов, во многом репрезентируя *метакогнитивную* регуляцию в целом. Кроме того, следует иметь в виду, что, в силу глубоких и многочисленных связей, существующих между этими двумя процессами, исследование каждого из них может способствовать лучшему пониманию другого, и наоборот. В общем плане роль исследования рефлексивных процессов как способа и метода познания процессов ПР обусловлена следующими — принципиальными обстоятельствами.

Во-первых, потребность в этом обусловлена общей логикой развития современных представлений о целостной структуре психических процессов, а также об уровне принципах их организации и функционирования. Подобно тому, как интегральные процессы выступают синтетическими и производными по отношению к традицион-

но выделяемым классам психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных), рефлексивные процессы также являются синтетическими и производными от системы интегральных процессов [7, 10, 11]. Напомним, что одним из важнейших интегральных процессов как раз и выступает процесс принятия решения (ПР). Причем он, согласно мнению большинства исследователей, является отнюдь не рядовым, а центральным процессом данного класса (и уровня) процессов. В силу этого, вопрос о связи процесса ПР с рефлексивными процессами — это, фактически, вопрос о *соотношении двух уровней* в общей структурно-функциональной организации всей системы психических процессов. Именно в этом состоит общий смысл и методологическое значение данного вопроса.

Во-вторых, связи и отношения рефлексии с процессом ПР являются, пожалуй, наиболее специфическими и глубокими, нежели со всеми иными интегральными процессами. Рефлексия и принятие решения — это два процесса, во многом противоположные и даже — антагонистические по своей функциональной направленности [8, 11]. Они, однако, во многом — близки и сходны

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда; № проекта 09-06-00269а.

по своей психологической природе, а потому — взаимодополняют и взаимополлагают друг друга. Действительно, рефлексия (и как процесс, и как состояние, и как свойство) особенно необходима во всех тех ситуациях, организация поведения в которых сопряжена с выбором, со снятием неопределенности. «Рефлексивная пауза» нигде так не важна, а рефлексивные процессы и механизмы нигде не являются столь значимыми, как в этих «точках разрыва поведенческого континуума». Тем самым процессы ПР объективно предполагают актуализацию рефлексивных процессов и в значительной мере состоят в них. Фаза так называемой «информационной подготовки» решений в традиционных схемах описания этого процесса во многом тождественна «внутреннему сканированию» — поиску, то есть, по существу, процессу рефлексии.

Диалектика отношений рассматриваемых процессов, однако, такова, что они имеют и черты принципиальных различий и даже — противоположности. ПР — это, по определению, процесс, предполагающий непосредственный «выход» на организацию и реализацию поведения, деятельности. И в этом смысле он представляет собой, действительно- и деятельностно-ориентированный процесс. Рефлексия же, наоборот, по самой своей сути требует «приостановки» — паузы в поведенческом и деятельностном континууме. Она — активна, но не действительна. Понятно, что такого рода противоположность обусловлена функциональной специализацией указанных процессов, которые — именно в силу этой специализации — органично взаимодополняют друг друга.

В-третьих, несмотря на очевидную и глубокую взаимосвязь рефлексивных процессов с процессами ПР, именно их отношения исследованы наименее полно, нежели связь рефлексии со многими иными интегральными процессами. Так, в частности, рефлексивные процес-

сы и механизмы достаточно хорошо изучены в контексте процесса целеобразования — например, в аспекте так называемого «рефлексивного принятия цели», а также тех средств, которые его обеспечивают. Другой интегральный процесс — антиципация также частично изучен в связи с рефлексивными процессами, в результате чего выявлен и описан особый уровень процессов антиципации — рефлексивная антиципация [9]. В еще большей степени рефлексивные процессы и механизмы изучены в связи с другими интегральными процессами — планированием, прогнозированием и особенно — контролем и самоконтролем. Очевидно поэтому, что изучение взаимосвязи процесса ПР и рефлексии необходимо просто для того, чтобы восполнить охарактеризованный выше «пробел» в общей проблематике взаимосвязей процессов рефлексии и интегральных процессов как таковых. Заметим также, что сам факт такого «пробела» именно в звене «ПР — рефлексия» отнюдь не случаен, а обусловлен наибольшей сложностью отношений именно этих двух процессов.

В-четвертых, как было показано в [10, 11], рефлексия и по своему функциональному генезу, и по своей структурной организации возникает в результате своеобразного механизма — механизма «деятельностного рефлексирования». Он состоит в том, что вся система интегральных процессов может иметь либо преимущественно *внешнюю*, либо преимущественно *внутреннюю* ориентацию — быть направлена либо непосредственно на организацию предметной деятельности (и поведения), либо на организацию «внутренней» — то есть собственно психической деятельности. Во втором случае и возникает рефлексия как таковая, а организация деятельности и поведения обретает черты осознанности, произвольности.

При организации исследования, а также при формулировке и конкретиза-

ции его основных задач мы руководствовались следующими общими методологическими положениями.

Как показано в ряде фундаментальных общепсихологических работ (Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, А.В.Брушлинский, В.Д.Шадриков и др. [2, 3, 13, 16]) вопрос о закономерностях собственно процессуальной (функциональной) организации психических образований и процессов — это, фактически, вопрос об их *операциональном составе*. Именно он обуславливает качественную определенность любого психического процесса, его своеобразие и специфику по отношению к другим процессам, а, в конечном итоге, — и правомерность выделения того или иного процесса в относительно автономный от других процессов вид. В свою очередь, при исследовании операционального состава психических процессов оформилось специальное «стратегическое» направление, в рамках которого изучается содержательно-динамический аспект психических процессов — их операциональный состав и стратегии его развертывания. Кроме того, именно стратегический подход к изучению функциональной роли рефлексивных процессов в организации процессов принятия решения позволяет рассчитывать на получение эмпирических материалов достаточно высокой степени конкретности, поскольку он направлен на раскрытие конкретных способов рефлексивного контроля за процессами выбора. Тем самым частично разрешается и одна из самых «острых» проблем психологии рефлексии — проблема перехода от абстрактно-философского уровня ее изучения к конкретно-научному уровню.

Методические основы и процедура исследования. Сформулированная проблема исследования изучалась нами в двух основных аспектах — собственно *процессуальном* и *результативном*. Первый из них был направлен на выявление и анализ основных *рефлексивных*

стратегий, которые, имея общий характер, проявляются поэтому и в наиболее значимых жизненных и деятельностных ситуациях — в ситуациях выбора, принятия решения. Второй (результативный) предполагает выявление возможных зависимостей количественного характера между уровнями параметрами развития рефлексивности как интегрального психического свойства и количественными параметрами рефлексивных стратегий (их числом — репертуаром, а также степенью разнообразия). При проведении исследований в первом из указанных аспектов нами в качестве базового был использован метод «феноменологического анализа», предложенный в работах представителей феноменологического направления [17, 18] и обозначенный С.Е.Олишевским как «экзистенциально-феноменологический» анализ, «...направленный на изучение сущности, структуры или формы как человеческого опыта, так и человеческого поведения, рассматриваемого с помощью описательных техник, включая организованное наблюдение» (цит. по [11]). В нашем исследовании был реализован один из наиболее современных вариантов феноменологического анализа, разработанный К.Мау-стакосом [8]. Данная процедура включает 10 основных «шагов» работы с индивидуальными феноменологическими описаниями субъективного опыта.

1. Исследователь собирает как можно более полное описание опыта.

2. Каждое высказывание исследуемого оценивается как релевантное или нерелевантное изучаемому феномену.

3. Из описания удаляются все нерелевантные высказывания.

4. Из описания удаляются повторяющиеся и синонимичные высказывания. Осуществление первых четырех шагов получило название «сужение горизонта исследования». Далее следует работа непосредственно с самим содержанием материала.

5. Все содержание описания разбивается на несколько тематических групп, отражающих различные аспекты переживания опыта. Каждое высказывание относится к определенной тематической группе, в результате чего образуются своеобразные «кластеры», формирующие структуру опыта.

6. На основании кластеров создается сущностное описание опыта, при этом приводятся примеры высказываний испытуемых.

7. На следующем этапе исследователем осуществляется рефлексия над качественным содержанием опыта, в результате чего составляется его структурное описание, отражающее специфику основных составляющих опыта и взаимосвязи между ними.

8. На восьмом шаге должны быть объединены сущностное и структурное описание. В результате исследователь должен получить рефлексивное описание структуры опыта, в которое включены наиболее иллюстративные высказывания испытуемого.

9. Все указанные восемь шагов повторяются для каждого индивидуально-го описания опыта.

10. В результате составляется единое для всех исследуемых, целостное описание опыта, отражающее его структуру и наиболее распространенные вербализованные примеры способов его проживания.

На наш взгляд, именно данный подход наиболее адекватен специфике задач исследования рефлексивных стратегий как формы реализации рефлексивных процессов. Опыт рефлексирования достаточно хорошо поддается вербализации и, в то же время может иметь существенные различия по форме и содержанию у разных испытуемых. Экзистенциально-феноменологический подход представляется наиболее адекватным для качественного анализа операционального состава рефлексии как источника и способа получения внутреннего опыта.

Кроме того, исследование включало и использование собственно экспериментальных методик. В качестве основных были взяты следующие методики.

1. Интеллектуальный аспект рефлексивности измерялся с помощью методики «Точки» (цит. по [11]). (Модифицированный вариант методики М.Т.Фрумкиной, 1984). Методика направлена на диагностику интеллектуальной рефлексии, в частности, на выявление стратегий реализации интеллектуальной рефлексии. Испытуемому предъявляется бланк с некоторым множеством точек, расположенных следующим образом: часть точек находится в непосредственной близости друг от друга, образуя своего рода три гештальта по принципу пространственной близости. Остальные точки в случайном порядке располагаются по всему пространству бланка. По инструкции испытуемый должен сгруппировать все точки наиболее логичным, естественным и удобным с его точки зрения способом и обвести выделенные группы точек линиями. Во время выполнения задания с испытуемым проводилось составленное нами фокусированное интервью, направленное на выявление используемых для выполнения задания рефлексивных стратегий. В результате проведения методики вербализованные испытуемыми стратегии обрабатывались с помощью процедуры методологического анализа, а само выполнение задания оценивалось следующим образом: 1 балл — глобальная группировка (большинство точек объединяются в одно-два множества); 2 балла — выделение трех основных гештальтов с тенденцией к их размыванию за счет подключения к ним случайных точек; 3 балла — четкое структурирование на основе трех выделенных гештальтов, а также организация остальных точек в отдельное множество; 4 балла — многомерное структурирование в виде взаимного наложения выделенных множеств точек, совмещения

одних и тех же точек в рамках разных выделенных множеств.

Во время проведения методики испытуемому задавался ряд вопросов, направленных на выяснение используемых ими интеллектуальных рефлексивных стратегий.

1. Личностный аспект рефлексивности исследовался с помощью методики измерения рефлексивности [10]. Однако при этом модифицировался способ предъявления утверждений: испытуемому предлагалось не отвечать непосредственно на вопрос, а постараться определить осуществляемые ими мыслительные или другие операции в умственном плане в процессе формулирования ответа и дать самоотчет об этих операциях. Полученные данные рассматривались как стратегии реализации личностной рефлексии.

2. Коммуникативный аспект рефлексивности изучался с помощью модифицированного варианта предъявления методики фрустрационных реакций Розенцвейга. Испытуемому предлагалось оценить заданные коммуникативные ситуации с позиции стороннего наблюдателя и дать возможные варианты ее развития и исхода.

3. Общий уровень развития рефлексивности измерялся с помощью методики измерения уровня рефлексивности [10].

В качестве испытуемых в исследовании принимали участие 50 человек в возрасте 18–58 лет, среди них 19 мужчин и 31 женщина, с высшим, незаконченным высшим, средним специальным и средним образованием. Среди испытуемых были студенты ярославских ВУЗов, рабочие и служащие. Соотношение в выборке людей с различным уровнем образования приблизительно одинаковое.

Результаты и их обсуждение. Как отмечалось выше, процессуальный аспект исследования предполагал выявление и качественный анализ основных рефлексивных стратегий.

В свою очередь, качественный анализ базируется на методе «феноменологического анализа сознания» (К. Маустакас), процедура которого в нашем исследовании была реализована следующим образом.

1. Самоотчет испытуемых о способах выполнения ими экспериментальных заданий, то есть описание собственных стратегий рефлексивного выхода. После проведения исследования нами было получено 50 «наивных» описаний. При этом, с целью получения более полных отчетов, испытуемым задавались уточняющие вопросы, целью которых было получение как можно более детализированных описаний.

2. Полученные от испытуемых описания способов осуществления рефлексии «очищались» от нерелевантных высказываний, которые в большинстве сводились к выражению отношения к исследованию, уточнению инструкции или характеристики собственного физического или эмоционального состояния.

3. Полученные описания группировались по принципу сходства умственных действий.

4. Группам стратегий давались условные названия и предварительные характеристики.

5. Данная процедура повторялась для каждого протокола.

6. Проводился обобщенный содержательный анализ каждой группы стратегий. Каждая категория стратегий была обозначена и проинтерпретирована.

В результате применения данной процедуры были установлены следующие основные группы рефлексивных стратегий.

I. Стратегии децентрации

А. Соотнесение предполагаемого утверждения с когнитивными компонентами Я — концепции (Я-концепция, уже полностью сформировавшаяся у

взрослых испытуемых, представляет собой относительно устойчивую в большей или меньшей степени осознанную систему представлений индивида о самом себе, на основе которой он (она) строит взаимодействие с окружающей средой, другими людьми и относится к себе. Это — целостный образ собственного «я», выступающий как установка по отношению к самому себе и включающий компоненты: когнитивный — самосознание, эмоциональный и оценочно-волевой — самооценку. Составляющие самооценки: реальное Я, идеальное Я, динамическое Я. Я-концепция формируется в основной в подростковом и юношеском возрасте в ходе деятельности и общения [14]. При реализации данной стратегии испытуемый «примеряет» ситуацию на структуру своей Я-концепции и на этом основании оценивает утверждение.

Б. Обращение к внутреннему конструкту, существующему, или специально созданному для данного типа ситуаций, по мере их проживания. Оценка утверждения представляет собой отнесение ситуации и своего поведения в ней к тому или иному полюсу конструкта. При этом, сущность данного конструкта и критерий его образования не всегда могут быть вербализованы испытуемым. В свою очередь, сложность конструкта и время отнесения элемента опыта к тому или иному полюсу определяется комплексной характеристикой «когнитивной дифференцированности», важнейшее место в структуре которой принадлежит метакогнитивным функциям.

В. Обращение к «имплицитной теории личности». Имплицитная теория личности представляет собой «бессознательную, иерархически организованную систему представлений о психической организации других людей...» [1]. Содержание и структура имплицитной теории личности зависит от целого ряда факторов, в том числе от социальных, демографических, и физических харак-

теристик других людей. Простота — сложность параметров, конструктов, входящих в имплицитную теорию личности зависит от общей когнитивной простоты или сложности ее носителя, в том числе, от уровня рефлексивности. Функция имплицитной теории личности — выработка некоторых внутренних ориентиров, для эффективного взаимодействия окружающей, в первую очередь, социальной, средой, что делает более определенными и прогнозируемыми ситуации межличностного общения через отнесение ее участников к какому-либо типу и приписывание им тех или иных свойств. В целом, имплицитная теория личности является гибким когнитивным образованием и претерпевает существенные изменения в процессе жизнедеятельности личности.

Г. Обращение к имплицитной теории общения. Эта стратегия сходна с предыдущей, ее особенность состоит в том, что испытуемый актуализирует не «типы личностей», а тип ситуации общения, созданный им для структурирования накопленного опыта общения и прогнозирования актуальных коммуникативных ситуаций.

II. Когнитивно-дискурсивные стратегии

А. Анализ зрительного поля и выдвижение гипотез о существующих в нем целостных фигурах; как правило, испытуемые воспринимают предлагаемое пространство точек как «ребус», требующий раскрытия замысла экспериментатора, что более характерно для испытуемых со средним или низким уровнем рефлексивности; либо как «свободное творческое пространство», на котором с помощью точек они могут реализовать свой собственный замысел, что свойственно «оптимально рефлексивным» и некоторым высокорефлексивным участникам исследования.

Б. Моторная, зрительная или комбинированная проверка гипотез. Испы-

туемый с помощью карандаша и (или) движениями взора обводит контуры предлагаемых фигур, пока не исчерпает варианты организации поля; принятие решения осуществляется после анализа и «перепроверки» вариантов ответа и выбора наиболее предпочтительных. При реализации данной стратегии количество вариантов организации поля зависит от уровня дивергентных способностей, а время формулировки и выбора вариантов — от уровня рефлексивности. Таким образом, в осуществлении данной стратегии участвует «трансцендирующий» фактор когнитивной подсистемы, объединяющий креативность и рефлексивность.

В. Абстрактное моделирование ситуации. Если испытуемый использует данную стратегию, он (она) составляют мысленную схему ситуации, как правило, представленную абстрактными образами объектов в поле «мысленного взора». Категория «мысленного взора» впервые описана в работах С. Кослина для обозначения пространственной репрезентации объекта в ментальном поле [4]. Простота или сложность данной модели зависит как от уровня рефлексивности личности, так и от уровня конвергентных способностей, позволяющего или не позволяющего построить, произвести преобразования и проанализировать изменения в модели опыта, представленной в ментальном поле.

Г. Оценка ситуации на основе отношения ее к категории осуществляется с помощью мыслительных операций абстрагирования и обобщения. Категоризация помогает актуализировать уже существующие и эмпирически проверенные способы действия в предлагаемом типе ситуаций.

Д. Переформулирование заданной ситуации, как правило, осуществляется для более точной и успешной категоризации, так как позволяет извлечь максимум информации из заданной экспериментальной ситуации. В ходе

осуществления данной стратегии проблемная ситуация, над которой работает испытуемый, мысленно «поворачивается», выступая при этом в различных своих аспектах, которые, в свою очередь, подвергаются рефлексивной оценке.

III. Стратегии актуализации

А. Актуализация ситуации реально-го опыта и ее рефлексивная оценка. Реализация этой стратегии опирается на процессы метапамяти — поиск в структуре памяти, припоминание и воспроизведение элементов ранее сохраненного опыта. Чаще всего, испытуемым вспоминается в ответ на предлагаемое экспериментальное задание одна конкретная ситуация прошлого опыта и осуществляется ее анализ.

Б. Актуализация более общего плана: припоминаются значимые для экспериментального задания фрагменты нескольких ситуаций из прошлого опыта испытуемого, далее эти фрагменты объединяются в более сложное целостное представление и производится более обобщающая, чем в первом случае рефлексия прошлого опыта, релевантного экспериментальному заданию.

В. Актуализация результатов уже проведенной рефлексии. Если испытуемый использует данную стратегию, то категория ситуаций, предлагаемая экспериментатором, когда-либо была объектом рефлексивной оценки, сделанный вывод актуализируется испытуемым и обозначается как «результаты размышлений по этому вопросу». В данном случае возможна также рефлексия второго порядка над продуктом предыдущей рефлексивной оценки опыта.

Итак, выявленные стратегии позволяют несколько расширить существующие сегодня представления по вопросу о процессуальном — качественном содержании процессов «рефлексивного

выхода», рефлексии в целом. Они еще раз доказывают и раскрывают *специфичность операционного состава* рефлексивных процессов (причем, непосредственно — через ведущий аспект их анализа — стратегический). Кроме того, установленные группы стратегий (когнитивно-дискурсивные, децентрации, актуализации) являются одними из основных при информационной подготовке и принятии решений, точнее — в ходе произвольной регуляции и метакогнитивного контроля за этими процессами. Так, в частности, когнитивно-дискурсивные стратегии непосредственно соотносятся с одним из основных способов принятия решения — *детерминистским* и во многом обеспечивают его эффективную реализацию [6, 8]. Стратегии актуализации лежат в основе другого базового способа принятия решения — *репродуктивного* [8]. Наконец, стратегии децентрации играют важную роль в реализации процессов так называемых «квазиавтономных» решений [4, 5]. Они, как известно, характеризуются очень высокой степенью ответственности, значимости, а часто — являются критически-важными для субъекта и (или) организации деятельности.

Переходя от процессуального аспекта анализа результатов к результативному, количественному, необходимо подчеркнуть обстоятельство, согласно которому наиболее значимым в этом плане является исследование возможной

взаимосвязи между количественными параметрами рефлексивных стратегий и *уровнем развития* рефлексивности как психического свойства, то есть степень его индивидуальной выраженности. В связи с этим, нами были проведены две статистические процедуры. Вначале вычислялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена между значением уровня рефлексивности и суммарным показателем по всем трем использованным методиками, а также между уровнем рефлексивности и показателем по каждой методике в отдельности (Табл. 1.).

Затем вычислялось значение корреляционного отношения между показателями уровня рефлексивности и суммарным показателем по трем методикам, и по каждой методике в отдельности (Табл. 2.).

Как можно видеть из данных, представленных в Табл. 1., коэффициенты корреляции между общим уровнем рефлексивности и количеством стратегий, продемонстрированных испытуемыми при выполнении всех экспериментальных заданий, являются значимыми при $\alpha=0,01$. Таким же значимым является и коэффициент корреляции между уровнем рефлексивности и суммарным показателем стратегий. На этом основании можно судить о наличии зависимости между выраженностью рефлексивности как способности и количеством (а также вариативностью) имеющихся в

Таблица 1. Значения коэффициентов корреляции

№ методики	Уровень рефлексивности (значение коэффициента корреляции Спирмена)
Методика № 1	0,58
Методика № 2	0,91
Методика № 3	0,79
Суммарный показатель	0,82

Таблица 2. Значения корреляционных отношений

	Суммарный показатель	Методика № 1	Методика № 2	Методика № 3
$\eta_{x/y}$	0,927	0,650	0,951	0,830
$\eta_{y/x}$	0,912	0,173	0,923	0,737

Примечание: x — значение уровня рефлексивности; y — общее количество стратегий.

арсенале субъекта рефлексивных стратегий.

Тем не менее, для понимания характера и детерминации выявленной зависимости измерения связи между показателями оказывается недостаточным. Необходимо вычислить «описательную меру связи», позволяющую предсказать, как изменения значения по одному показателю отразится на значении связанного (коррелирующего) с ним другого показателя.

Таким образом, следующим шагом в обработке результатов стало вычисление корреляционного отношения между уровнем рефлексивности и количеством рефлексивных стратегий.

Данные, представленные в Табл. 2., показывают, что коэффициенты детерминации, существующие между переменными, превышают значение коэффициентов корреляции как таковой и являются статистически значимыми. Более того, практически во всех случаях $\eta_{y/x}$ статистически значимо не отличается от $\eta_{x/y}$. Из этого следует, что с вероятностью 99% по количеству рефлексивных стратегий можно судить о степени выраженности свойства рефлексивности у испытуемого. Вероятно и обратное: по общему показателю рефлексивности можно с вероятностью 99% предсказывать, каков арсенал рефлексивных стратегий данного испытуемого.

Механизм такой взаимодетерминации состоит в следующем. Уровень рефлексивности, возрастая, проявляется в

увеличении количества и сложности стратегий, а расширение индивидом арсенала способов рефлексивного выхода становится механизмом развития и, соответственно, повышения тестового показателя общего уровня рефлексивности. В то же время $\eta_{x/y}$ несколько превышает значение $\eta_{y/x}$, что позволяет судить о первичности — «базовости» рефлексивности по отношению к рефлексивным стратегиям. Будучи изначально — генетически заданной, рефлексивность как общая способность определяет возможности и ограничения развития рефлексивных стратегий у индивида как в плане количества и вариативности, так и с точки зрения их простоты или сложности.

Существование такой закономерности позволяет судить об «обратимости» рефлексии. Обратимость, сама по себе, является свойством, присущим мыслительным процессам, которые в целом являются относительно более простыми по сравнению с рефлексивными и входят в их структуру как составной компонент. Но в отличие от обратимости мышления, обратимость рефлексии приобретает новое качество, переходя из характеристики протекания процесса в механизм его осуществления. Этот механизм и обеспечивает «поворот сознания на себя», то есть рефлексивность второго и более высокого порядков.

В частности, в эксперименте при исследовании личностного и коммуникативного аспектов рефлексии в качестве одной из рефлексивных стратегий вы-

ступала рефлексия второго порядка. В данном случае испытуемые осуществляли рефлексию результатов ранее проведенной рефлексии относительно какой-либо личностно-значимой или коммуникативной ситуации, подобной той, которая была предложена в качестве экспериментального материала.

Итак, по-видимому, можно считать доказанной взаимозависимость и взаимообусловленность развития стратегий рефлексивного выхода и общего уровня рефлексивности. Важно отметить, что эта взаимосвязь не является линейной, монотонно возрастающей функцией. В отличие от других общих способностей — интеллекта, обучаемости и креативности, для которых максимальное развитие способности означает максимум используемых стратегий и наибольшую эффективность деятельности, соотношение уровня рефлексивности и показателей рефлексивных стратегий подчинено закономерности более сложного характера. В свою очередь, сами рефлексивные стратегии описываются двумя параметрами — количеством и вариативностью. Под вариативностью рефлексивных стратегий понимается разнообразие используемых рефлексивных стратегий, гибкость в их применении, а также легкость перехода от одной стратегии к другой при работе с экспериментальным материалом.

Таким образом, в качестве экспериментальных данных было получено два показателя: общее количество стратегий и их вариативность (количество групп стратегий). Соотношение количества и вариативности стратегий становится наилучшим для эффективности деятельности при значениях уровня рефлексивности около семи стенов, причем рост эффективности деятельности обусловлен не простой суммой числа и вариативности стратегий, а отношениями супераддитивности между ними. Более низкое или высокое развитие спо-

собности к рефлексии приводит к снижению количества и вариативности стратегий соответственно.

Итак, на основании представленных в данной статье результатов и их интерпретации можно сделать следующие *выводы*.

Базовым механизмом процессуальной организации рефлексии является реализация стратегий рефлексивного выхода. В ходе исследования нами были выявлены следующие группы стратегий: когнитивно-дискурсивные, стратегии децентрации и стратегии актуализации.

Рефлексивные стратегии являются одновременно механизмом реализации и условием развития свойства рефлексивности. В то же время, рефлексивность является базисным свойством по отношению к рефлексивным стратегиям, задавая возможности и ограничения их развития.

Данная закономерность позволяет судить об обратимости рефлексии, которая на уровне этого метаинтегрального и метакогнитивного процесса приобретает новое качество, переходя из характеристики протекания процесса в механизм его осуществления.

Оптимальное сочетание количества и вариативности рефлексивных стратегий, обеспечивающих наиболее успешную адаптацию индивида, имеет место при значениях уровня рефлексивности выше среднего, то есть, зависимость между уровнем рефлексивности и параметрами рефлексивных стратегий является нелинейной и подчинена закону оптимума.

Поскольку одной из основных особенностей организации процессов принятия решения является существенная роль метакогнитивных механизмов в их реализации, то выявленные группы рефлексивных стратегий расширяют и конкретизируют представления о процессуальном содержании принятия решения.

Литература

1. *Абрамчева Е.В.* Стереотипные представления о связи качеств личности и ситуации их проявления в структуре имплицитной теории личности: Дипл. работа / Науч. рук. Г.М.Андреева. — М.: МГУ, 1999.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. — Л.: ЛГУ, 1986. 368 с.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. — М., 1996. 387 с.
4. *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. — М.: МГУ, 1982. 336 с.
5. *Карпов А.В.* Психология принятия управленческих решений. — М.: Юрист, 1999. 440 с.
6. *Карпов А.В.* Психология принятия решения в профессиональной деятельности. — М.: Институт психологии РАН, 1992. 180 с.
7. *Карпов А.В.* Структурно-функциональная организация процессов принятия решения в трудовой деятельности. Дис. ... докт. психол. наук. — М.: Институт психологии РАН, 1992. 440 с.
8. *Карпов А.В.* Методологические основы психологии принятия решения. — М.: Институт психологии РАН, 1999. 320 с.
9. *Карпов А.В.* Психология менеджмента. — М.: Гардарики, 1999. 560 с.
10. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. — М.: Институт психологии РАН, 2000. 280 с.
11. *Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология рефлексии. — М.: Институт психологии РАН, 2002. 320 с.
12. *Скитяева И.М., Карпов А.В.* Экспериментальное изучение рефлексивных стратегий // Ярославский психологический вестник. 2000. Вып. 3.
13. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
14. *Столин В.В.* Самосознание личности. — М.: МГУ, 1983. 284 с.
15. *Франсела Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. — М.: Прогресс, 1987. 232 с.
16. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М.: Наука, 1982. 183 с.
17. *Kegan R.* The evolving self. Harvard University Press. 1993. 318 p.
18. *Maustakas G.* Theory and Method of Phenomenological Research. NY Press. 1998. 241 p.

Karpov A. Reflection as the determinant strategial processes decision

The article is devoted to reflection as determinante strategial organization processes of decision-making. The laws of the procedure (function) the mental entities and processes regarded operacional composition.

Keywords: Reflection, determinant, organization, process, cumulative.

Козлов В.В., Ярославль

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КРИЗИСА

Статья посвящена основным понятиям кризисологии. В ней даются новые определения личностных кризисов и векторов его развития.

Ключевые слова: кризис, кризисное состояние, личность, позитивная дезинтеграция, негативная дезинтеграция, психологическая помощь.

В последнее время понятие кризиса стало центральным во многих экономических, политических, социологических, психологических исследованиях. Причины, как всегда, имеют вполне объективное происхождение:

1) цивилизационный кризис — мирового масштаба, в который могут быть вовлечены все жители земли (мировой экономический кризис, глобальный экологический кризис и др.);

2) кризис в больших общественных системах (можно говорить о политическом, экономическом, идеологическом, морально-этическом, национальном и т.д.) в этнических группах, социальных стратах, государствах и др.

3) кризисные явления в малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.);

4) диадный кризис — эмоциональные, коммуникативные, поведенческие, когнитивные трудности в парном взаимодействии;

5) кризис личностный.

Из всех вышеперечисленных кризисов мы хотим более подробно раскрыть кризисы личностные. Выбор предмета нашего анализа обусловлен тем, что он более всего знаком читателям по своим переживаниям. С другой стороны, все вышеперечисленные кризисы проходят как в процессуальном, так и структурно-функциональном аспектах по единым законам, которым подчиняется развитие всех живых сложных систем (в нашей предметной области — начиная от личности и заканчивая человеческой цивилизацией).

Личностные кризисы, хотя с ними человек сталкивается в обычной жизни повседневно, не являются объектом столь пристального внимания, а самые значимые из них, так называемые психодуховные и экзистенциальные кризисы, зачастую вовсе обходятся вниманием научного сообщества.

Тема личностных кризисов нас привлекает по нескольким причинам:

1) малая разработанность в науке;

2) огромная социальная значимость проблемы;

3) насущная необходимость построения общей теории, методологии и выстраивания технологии работы с кризисными состояниями личности и кризисной личностью.

Остановимся более подробно на этих пунктах.

Как это ни удивительно, понятие кризиса не вошло в понятийный аппарат современной психологии, хотя еще в начале столетия об их важности писал Л.С.Выготский.

Для того, чтобы изложение материала было более предметным, мы хотим вначале определить понятия, которыми будем оперировать в данной работе.

Под **личностным кризисом** мы понимаем *состояние внутренней дезинтеграции* личности, вызванное ситуацией невозможности решить важнейшие жизненные проблемы привычными способами, в результате которого возникает дисбаланс в жизни и деятельности человека, неразумное с точки зрения личности и неадекватное в соци-

альном аспекте поведение, срыв нервно-психического и соматического состояния, предполагающее существенную перестройку личности и ее связей с окружающим миром.

Личностный кризис всегда является критической ситуацией, связанной с внутренними противоречиями, неопределенностью, с переживанием невозможности превозмочь жизнь и реализовать ее внутренние необходимости.

Личностный кризис мы также можем обозначить как фрустрацию интегративных способностей человека, когда личность не может инструментировать разрешение кризиса, опираясь на свой прошлый опыт и предпосылку кардинальной трансформации.

Под **кризисным состоянием** мы имеем в виду временную внешне ситуационно обусловленную, или внутренне детерминированную дезинтеграцию личности.

К внешним причинам относятся: утрата источника удовлетворения базовых потребностей (увольнение с работы, потеря жилища во время пожара, смерть любимого человека, вынужденная разлука со значимым другим).

К внутренним причинам относятся физиологические или психологические изменения, возникающие например, в пубертате, во время беременности, в менопаузе, в старости, при тяжелых болезнях, переутомлении, угрозе смерти.

В методологическом отношении личностный кризис можно обозначить как некую прерывность в линейной области эволюции личности как сложной системы. При этом существует бинарность векторов дезинтеграции:

— **позитивная дезинтеграция**, когда кризис является неким условием и шагом в новое качество, новый уровень целостности. Данная дезинтеграция отличается преобладанием конструк-

тивности личности, повышением адаптивности и общей витальности, а также увеличением творческого потенциала. Позитивная дезинтеграция является необходимым этапом в эволюции личности. К позитивной дезинтеграции можно отнести возрастные кризисы, а также так называемые психодуховные кризисы, приводящие к огромным по силе и новизне творческим всплескам на новых уровнях целостности.

С позитивной дезинтеграцией мы связываем понятие *кризисного состояния* как временной неустойчивости в линейной эволюции личности, причем успешное разрешение кризисного состояния сопровождается ростом сопротивляемости личности за счет расширения совокупности усилий, которые человек может направить на преодоление кризиса.

— **негативная дезинтеграция**, как правило, сопровождается деструктивными изменениями личности, снижением общей устойчивости, уровня сбалансированности, большей фрагментарности, внутренней конфликтности, раздирающего напряжения и тенденцией к социальной аутизации личности. Личность теряет энергию, общую витальность. Уменьшается коммуникативность, личность теряет социальные связи. Негативная дезинтеграция может привести к психопатическим сдвигам, депрессии, к астении, к психосоматическим болезням, иногда к суицидным намерениям и к смерти.

С негативной дезинтеграцией мы связываем понятие *кризисной личности*, так как именно она создает предпосылки формирования контингента клиентов социальных работников, психологов, психиатров — бомжей, безработных, наркоманов, преступников, алкоголиков и т.д.

Сразу хочется отметить факт чрезвычайной важности: личностный кри-

зис всегда является вызовом эволюции человека как биопсихологического существа и, если личность не воспринимает этот вызов, то возникает вероятность порождения кризиса такой интенсивности, который сметает личность своей глубиной и мощью. В крайних случаях мы имеем варианты или личностной смерти (патологии с потерей персоны), или полной личностной инволюции (социальные аутсайдеры).

На наш взгляд, чрезвычайно важна своевременная помощь людям в состоянии жизненных кризисов. Личностный кризис должен в ближайшее время стать объектом пристального научного и практического внимания не только со стороны социальной работы, прикладной практической психологии и психотерапии, но и теории и методологии этих наук.

Данная работа вызвана к жизни высокой социальной значимостью проблемы личностных кризисов в современном обществе.

В настоящий момент ни одно развитое государство не может обойтись без социальных работников, психологов и психотерапевтов, психиатров, прошедших подготовку в университетах и специальных учебных заведениях.

Они могут профессионально помогать всем нуждающимся решать проблемы, возникающие в их повседневной жизни. В первую очередь тем, кто находится в кризисном состоянии и не защищен в социальном плане (пожилым людям; инвалидам; детям, лишенным нормального семейного воспитания; лицам с психическими расстройствами; алкоголикам; наркоманам; больным СПИДом; семьям из групп «риска»; лицам с девиантным поведением). Они не только снимают социальную напряженность, но и участвуют в разработке законодательных ак-

тов, призванных полнее выразить интересы различных слоев населения.

В начале третьего тысячелетия в странах бывшего супергосударства — СССР, после рыночных реформ, которые не только не улучшили прежнюю «плохую» жизнь при коммунистах, но и довольно-таки успешно понизили и без того невысокий уровень жизни, остро стоит вопрос не только о социально незащищенных слоях населения, но и о жизни среднего класса. Он, благодаря экономическому реформированию, приблизился вплотную к черте бедности. Снижение зарплат, сокращение пособий, стипендий студентам, бесконечные обещания правительства, привели к возрастанию социальной напряженности, повышению стрессогенности и конфликтности в социальных коммуникациях. Кризисное состояние выражено не только на уровне отдельной личности, но также на уровнях социальных слоев и групп.

Не нужно думать, что кризисные состояния касаются только среднего класса и социальных низов. Личностные кризисы являются весьма распространенным явлением в среде управленческих кадров высшего звена, представителей политики и большого бизнеса.

Обострение социально-психологической напряженности в условиях политической нестабильности и мирового экономического кризиса делают особенно актуальным вопрос о практической деятельности социальных работников, психологов, психотерапевтов, методологии и технологиях ее осуществления.

В истории развития любой страны можно найти связь между формами, видами психотерапевтической, социальной, психологической работы и возникающими социальными проблемами. И, хотя в России психотерапия социальная работа, прикладная психоло-

гия как виды профессиональной деятельности (в западном понимании) только начинает развиваться, отдельные ее виды и формы имеют длительное историческое развитие (например, патронажные службы, медико-социальная помощь, службы социального обеспечения, духовная помощь культурных организаций и т.д.). Более того, корректная психологическая, психотерапевтическая помощь людей друг другу, основанная на здравом смысле, обыденном мышлении и интуиции с опорой на жизненный опыт, часто является не менее эффективным, чем терапевтическая сессия.

Поэтому, занимаясь проблемами социальной, психологической, психотерапевтической помощи на разных уровнях, важно активно использовать опыт помощи различным группам населения. Следует учитывать, что существуют особенности в организации социальной, психологической, психотерапевтической работы и в использовании отдельных ее методов, обусловленные спецификой теоретико-методологических подходов к одним и тем же социальным и психологическим проблемам.

Особого внимания требуют, с одной стороны, методы и техники воздействия, оказание социальной, психологической помощи на индивидуально-личностном уровне взаимодействия с клиентом, и с другой — глобальные социальные программы социальной помощи нуждающимся в ней гражданам.

Профессиональная подготовка социальных работников и специалистов в прикладной психологии, психотерапии, в странах бывшего Союза делает первые шаги. Социальная и психологическая работа как виды деятельности (особенно как непрофессиональная, добровольческая) уже длительное время существует в России. К непрофессиональной деятельности относятся различные виды добровольческой по-

мощи и взаимоподдержки, которые являются неотъемлемыми компонентами жизнедеятельности отдельных субъектов и социальной практики в целом в любом обществе.

Основой профессиональной работы в психологии, психотерапии и социальной работе выступают отношения «специалист — клиент» (клиентом может выступать и общество, и социальная группа, и индивид). Мы можем выделить следующие уровни объектов этой работы:

- конкретный человек;
- различные социальные группы (по профессиональному признаку, по возрасту, по половому признаку и др.);
- конкретное общество;
- все человечество.

Реализация этих отношений может идти по двум направлениям: социального и психологического проектирования, прогнозирования (структурная социальная и психологическая работа) и непосредственной работы с индивидом или группой (психологическая работа, психотерапия).

Для всех стран бывшего Союза в настоящее время жизненно важно развивать и структурную работу, и деятельность профессионалов с применением психологических техник и технологий. Важно, чтобы оба эти направления взаимодополняли друг друга.

Любой специалист по психологической работе как субъект специфической деятельности должен владеть немалым арсеналом умений и навыков, обладать глубокими знаниями в области наук о человеке: психологии, психотерапии, акмеологии, социологии, педагогики, права. Знания и умения в сочетании с соответствующими личностными качествами и способностью к творчеству могут рассматриваться как готовность к профессиональной деятельности, профессиональную компетентность.

Цель психологической работы в настоящих условиях это не только сохранить комфортное, достойное, правовое существование человека как субъекта и адаптировать личность в социуме, но и помочь личности в самореализации, проявлении способностей и творческих возможностей.

И теоретики, и практики считали, что в ситуации кризиса при попытке овладения стрессовым состоянием человек переживает определенный вид физической и психологической перегрузки. Акцент делался на когнитивные аспекты опыта, на переход от старых, неудачных или вредных моделей взаимодействия к новым, более конструктивным. Внимание было сосредоточено на формировании социально приемлемого поведения и менее болезненного восприятия стрессовой ситуации.

Что касается общего подхода к кризисным явлениям, мы в психологии, социологии, психиатрии, психотерапии и социальной работе можем обнаружить два диаметрально противоположных мнения:

— кризисы являются источником непредсказуемых разрушений, не способствующих развитию личности.

— личностное развитие является процессом смены качественно различ-

ных стадий, а кризисы и катастрофы суть неизбежные и необходимые шаги этого процесса.

Развитие человеческого «Я» можно рассматривать как серию дисбалансов и последующих возвращений в состояние уравновешенности между личностью и окружающей средой, внутрличностного состояния.

Все люди испытывают различные внешние и внутренние проблемы, которые могут быть эпизодическими или связанными с развитием или переходом от одной стадии жизненного цикла к другой. Хотя у человека есть много адаптивных средств для того, чтобы справиться с этими трудностями, неожиданное усиление таких воздействий или уменьшение способности управлять ими приводят к недостатку обычных защитных механизмов.

Нам хочется констатировать, что психологическая, психотерапевтическая и социальная работа с кризисами в настоящий момент возможна на уровне индивида и групп. Что касается кризисов общества, государства в целом и тем более всего человечества, автор данной работы достаточно скептически относится к организации социальной и психологической работы на данных уровнях. Особенно в современном обществе.

Kozlov V.V. Psychological sense of crisis

The article deals with the basics of crisisology. It provides new definitions of personal crisis and new information on its development.

Keywords: Crisis, state of crisis, personality, positive disintegration, negative disintegration, psychological assistance.

Мазилев В.А., Ярославль

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье проанализированы тенденции развития методологии психологической науки на современном этапе ее развития. Предложена и охарактеризована структура современной методологии (познавательная методология, коммуникативная, методология психологической практики). Выделены наиболее актуальные для современной когнитивной методологии направления исследований и разработок (системный подход; проблемы психологического факта, психологической теории; проблема категориальной структуры психологии; методологические проблемы историко-психологического знания; проблемы предмета психологии и др.). В статье утверждается, что проблема предмета психологии выступает в качестве центральной при разработке методологии психологии на современном этапе развития психологии.

Ключевые слова: методология психологии, когнитивная методология, коммуникативная методология, методология психологической практики, редукция, объяснение, предмет психологии.

В девяностых годах ушедшего XX-го столетия в отечественной психологии отмечалось устойчивое снижение интереса к разработке методологии психологической науки. Предпринимались попытки ограничить роль методологии психологии, что было закономерной реакцией на «предписывающий» характер прежней методологии, существовавшей в нашей стране в предшествующие годы. Дело доходило до призывов вообще отказаться от методологии (на том основании, что методология неправомерно отождествлялась с ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии были связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квазиэкспериментального) исследования.

Зарубежная психология традиционно характеризовалась прагматизмом, в связи с чем широкое распространение получили попытки либо свести методологию к дисциплине, описывающей планирование и проведение экспери-

мента, либо ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру, проблемой объяснения в психологии. Наконец, часто высказывалось мнение, что методологические проблемы должны решаться ученым в ходе проведения конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна.

В последние годы наблюдается явное оживление интереса к методологическим вопросам психологической науки и практики. Выходят многочисленные научные публикации, посвященные анализу методологических проблем психологии, издаются учебные пособия по методологической проблематике. Нельзя не отметить вышедшие в последние годы работы, получившие широкую известность. В эти годы появились работы А.В.Юревича (2005), интересные методологические исследования В.М.Аллахвердова (2000, 2003), учебное пособие Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнова (2006), методологические работы Ф.Е.Василюка (2003), И.Н.Карицкого (2002) и др. В работах А.Ю.Агафонова, А.Г.Асмолова, В.А.Барабанщикова, Ф.Е.Василюка, И.П.Волкова, И.Е.Гарбера, А.Н.Гусева,

М.С. Гусельцевой, А.Л. Журавлева, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, В.В. Знакова, И.Н. Карицкого, А.В. Карпова, В.В. Козлова, В.А. Кольцовой, Т.В. Корниловой, Д.А. Леонтьева, Л.Я. Дорфмана, С.В. Маланова, Б.Г. Мещерякова, И.А. Мироненко, П.Я. Мясоеда, В.И. Панова, В.Ф. Петренко, В.А. Петровского, Е.Е. Соколовой, С.Д. Смирнова, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Татенко, Д.В. Ушакова, Н.И. Чуприковой, В.Д. Шадрикова, А.В. Юревича и др. нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, связанные с изучением психического. Важные вопросы методологии психологии обсуждаются в работах И.В. Вачкова, А.О. Прохорова, Е.В. Левченко, А.А. Пископеля, В.А. Янчука, А.Г. Лидерса и др. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных методологии психологии, высказано много продуктивных идей (см. например, «Труды Ярославского методологического семинара», Т. 1, Т. 2, Т. 3. Ярославль, 2003–2005, где опубликованы работы, рассматривающие наиболее актуальные вопросы методологии психологической науки и практики).

В настоящее время методология психологии представляет собой интенсивно и динамично развивающуюся область психологического знания. В последние годы на страницах ведущих психологических журналов развернулись дискуссии, посвященные обсуждению вопросов методологии психологии (см. «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Методология и история психологии» и др. К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться в настоящей статье на анализе в высшей степени интересных методологических дискуссий, происходящих в современной отечественной психологии в последние годы). В данной статье (по той же причине) мы не сможем затронуть все

направления методологических поисков в отечественной психологии, а обратимся к обсуждению лишь некоторых актуальных исследований. Обилие публикаций на методологические темы не может не радовать, так как увеличение интереса к методологии обычно бывает связано (как свидетельствует история психологии) с появлением новых теоретических подходов и существенным продвижением в разработке предметного поля психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что интенсивные методологические поиски пока не привели к созданию *концепции* методологии, которая разделялась бы большинством психологов.

Более того, существует достаточное число принципиально отличающихся методологических установок. А.В. Юревич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно различить несколько различающихся между собой позиций. По мнению С.Д. Смирнова (Смирнов, 2004, с. 280–281), могут быть выделены четыре позиции:

1. Методологический нигилизм.
2. «Методологический ригоризм» или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

А.В. Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет «методологическим плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно «методологическому либерализму»), но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее «полипарадигмальность» в качестве неизбежной» (Юревич, 2005, с. 380).

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, так как, по нашему мнению, интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI-го столетия.

Представляется важным подчеркнуть, что методология имеет конкретно-исторический характер. М.С.Роговин и Г.В.Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид — знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид — знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике — «знание методологическое». Третий вид знания — «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с. 8). Подчеркнем, что методологическое знание находится в процессе постоянного развития.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т.д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения

теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, с. 359). Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. В целом это определение не вызывает возражений, необходимы лишь некоторые уточнения. На этом вопросе мы остановимся ниже.

Из этого определения, в частности, следует, что:

1. Возможна методология (система принципов и методов построения) практической психологии.

2. Возможна методология (система принципов и методов построения) научной психологии.

3. Возможна методология как концепция, учение о методологии.

Отметим, что в данном определении акцентируется познавательная функция методологии. Ниже мы остановимся на том, что возможно построение коммуникативной методологии, выполняющей важную функцию соотношения различных подходов и концепций.

Не имея возможности здесь предпринять сколь-нибудь полный обзор методологических исследований, проведенных в отечественной психологии в последние годы, остановимся на принципиальном для современной методологии психологической науки вопросе: какой должна быть методология современной российской психологии. Необходимо реставрировать (или восстановить в правах) традиционную советскую методологию психологии (естественно, освободив ее от очевидно устаревших или идеологизированных положений) или же речь идет о разработке принципиально новой методологии психологической науки?

Сформулируем нашу точку зрения на проблему методологии. Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («ме-

тодологическими эмоциями», по А.В.Юревичу). Конечно, если идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем, вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие общие правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, собственная методология психологии. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоит конкретных специальных исследований), согласно которым естественные стандарты распространяются на область *всей психологии*. Этот уровень собственно психологической методологии (как нам представляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал В.П.Зинченко. Можно согласиться с В.П.Зинченко, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно *методологию* психологии и *теорию* психологии и, несомненно, методология не должна подменять собой теории. Несомненно, что те или иные психологические теории могут иметь методологическое значение

и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования. Но должна существовать *собственная методология психологической науки* в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Наверное, это должна быть *научная* методология. Психология не должна утратить статус науки. Как бы то ни было, психология несомненно является наукой. Ее нельзя «безнаказанно» свести к естественнонаучной, либо гуманистической парадигме. В качестве неизбежного наказания, как уже упоминалось, следуют «неоправданные ограничения», неадекватность которых очевидна, а цена не просто высока, но чрезмерна.

Наверное, это должна быть методология *на исторической основе*. Этот тезис в свое время формулировался Л.С.Выготским, С.Л.Рубинштейном, М.Г.Яршевским и др.

Наверное, это должна быть методология, *свободная от идеологии*. В нашем отечестве об этом полезно помнить.

Наверное, это должна быть методология *плюралистическая*, исходящая из того, что путей к истине может быть много. Некоторые могут быть более адекватны, чем другие. Но это не основание принимать какой-то из них за универсальный.

Наверное, это должна быть методология, ориентированная не только на познание психического, но и на *практику*.

И последнее, может быть, самое главное. Это должна быть *содержательно психологическая* методология. Не пытающаяся свести «многомерное» человеческое существо к адаптации, деятельности, общению, но осознающая его и как душевное, и как духовное. Следовательно, психология должна стать на путь собственного развития: естественные и гуманитарные науки не могут быть образцом для построения психологии. На заре своего самостоятельного существо-

вания научная психология последовательно попыталась реализовать обе «линии». Ни «чистые линии», ни многочисленные попытки их соединения существенного успеха не принесли. Может быть, дело в том, что «наиболее возвышенное и совершенное» (Аристотель) нуждается в особом исследовательском подходе, специальной содержательной методологии.

По нашему мнению, это не должна быть методология «сверху», идущая от философии или идеологии, а методология «снизу», вырастающая из логики развития самой психологии. Забегая вперед, отметим, что такое основание для построения концепции методологии мы обнаружили в соотношении теории и метода в психологии — структурном инварианте, характеризующем любой исследовательский подход, поскольку он отражает логику психологического исследования.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

1. Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

2. Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотношение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

3. Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая — традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области

психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т.д. Здесь что ни слово — проблема. Обозначим для примера лишь некоторые. Предмет науки. В психологии есть достаточные основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный. Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой «проблему». Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации, то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано должным образом соотношение теории и метода в психологии. В «познавательной» составляющей может быть выделен особый блок, имеющий в настоящее время для нашей психологии чрезвычайную важность. Это своего рода «метаметодология». Учитывая то, что в психологии существует множественность понимания предмета психологической науки и множественность объяснения, необходимо осуществление сравнительно-методологического анализа. Без такого анализа практически невозможно соотношение теорий, концепций, подходов, ориентаций.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии — в соотношении (в

первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая — область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Восстребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология — важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий — не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркнем — именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет «объектную», а не «предметную» ориентацию, она более «антропологична», если воспользоваться терминологией П.Фресса.

Последующие исследования и развитие отечественной психологической науки в последние годы показали, что избранный путь является верным. Остановимся (очень кратко) на некоторых принципиальных вопросах, касающихся указанных блоков методологии.

Когнитивная методология. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии на-

учности (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989).

Разработка отдельных вопросов методологии (даже таких важнейших для психологии как проблема предмета, метода, объяснения и т.д.) взятых самих по себе не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку концепции интегративной когнитивной методологии, под которой понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, психологического факта, теории в их взаимосвязи. Таким образом, на повестке дня стоит разработка общей методологии (интегративной когнитивной методологии). Главная сложность в разработке настоящей проблемы заключается в том, что исследования разными авторами проводятся с различных методологических позиций. Это естественно, так как разработка фундаментальных проблем психологии (например, проблемы предмета, метода психологии, объяснения и т.д.) сопряжена с большими трудностями, поэтому множественность исследовательских подходов в психологии традиционна. На этом основании многими авторами утверждается, что разработка общей методологии в современных условиях невозможна. Выдвигаются принципы методологического плюрализма (С.Д.Смирнов) и методологического либерализма (А.В.Юревич), что означает сосуществование различных методологий.

Мы полагаем, что:

1) разработка общей методологии возможна, так как существует универсальная модель, позволяющая свести в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории;

2) использование интегративной когнитивной модели позволяет учесть на-

работки ведущих отечественных и зарубежных методологов.

Итак, под интегративной когнитивной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблему предмета, метода, объяснения, факта, теории в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Очевидно, что целостная когнитивная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, то есть, как минимум, включать в себя основные названные компоненты методологии (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2) должна иметь достаточно универсальный характер в том смысле, что должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций.

Как нам представляется, в качестве такого основания может быть предложена модель соотношения теории и метода в психологии. Данная модель включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория (в структуру которой входят базовая категория, идея метода, моделирующие представления, организующая схема), метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема является замкнутой, то есть теория является основанием для постановки новой проблемы.

Коммуникативная методология. Традиционно методология фактически рассматривается только в своей познавательной, когнитивной функции (см. оп-

ределение методологии, рассмотренное выше). Это, несомненно, важнейшая функция методологии. Но, как можно полагать, далеко не единственная. В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, то есть способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса. Собственно, сейчас мы имеем дело с настоящим «полноценным» методологическим кризисом. Для того, чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях.

Важно подчеркнуть, что одного желания, «доброй воли» психологов для установления необходимой коммуникации между концептуальными системами мало. Для этого нужны реальные возможности, которые может обеспечить использование инструмента — понятийного аппарата коммуникативной методологии. Видимо, Юнг был прав, утверждая, что время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Поэтому, возможно, стоит переменить ориентацию — вместо тщетных попыток создания «супертеории» перейти к «нормальной» работе по упорядочению, соотношению уже добытого знания. Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существу-

ет. Для того, чтобы это осознать, необходимо изменение установки. В психологии действительно накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотношении различных подходов и теорий. Особенно важно подчеркнуть, что дело отнюдь не в «нежелании» психологов вступать в научную коммуникацию, а в отсутствии реального методологического аппарата, позволяющего произвести такого рода соотношение. Сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата, позволяющего реально соотносить различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психологии. Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке модели методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, то есть предполагающей улучшение реального взаимопонимания (как «внутри» академической психологии, так и в достаточно непростых «отношениях» последней с психологией практико-ориентированной, нетрадиционными психологиями и т.д.).

Хорошо известно, что в психологии накоплено огромное количество различного фактического материала, выдвинута масса гипотез, сформулировано множество концепций разного уровня. Вместе с тем обобщающей концепции (на что психологическая наука была явно ориентирована) создать не удалось, хотя некоторые направления в психологии минувшего века на это (явно или неявно) претендовали. Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых

универсальных теорий) не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться совокупностью концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотношение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания. Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотношение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания. Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазилев, 1998). Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX столетии, являет собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета исследования). Разработка коммуникативной методологии сделала реальной интеграцию психологического знания. Об интеграции в социальной психологии пишет А.Л.Журавлев (Журавлев, 2002). Среди работ в этом направлении необходимо отметить исследования В.А.Янчука, в которых реализуются идеи интегратив-

но-эkleктического подхода (Янчук, 2005). Интегративно-эkleктический подход обосновывает необходимость и продуктивность сотрудничества и партнерства различных психологических традиций. Он направлен на взаимообогащение и взаиморазвитие. Важно подчеркнуть, что данный подход представляет собой не «декларацию о намерениях», а он уже успешно реализуется на практике (Янчук, 2005).

Важно подчеркнуть, что в последнее время много говорится об интеграции в психологии, в частности, об интеграции психологического знания. Новая волна интеграционного движения началась совсем недавно. Остановимся на ней несколько подробнее. В 2003 году в Ярославле начал издаваться журнал «Вестник интегративной психологии» (гл. ред. проф. В. В. Козлов). Ежегодно в Ярославле проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем интегративной психологии. В рамках интегративной психологии произошло оформление интегративной методологии. В. В. Козлов так характеризует задачи интегративной методологии: «Интегративная методология (К. Уилбер, С. Гроф, В. В. Козлов), которая предполагает консолидацию многих областей, школ, направлений, уровней знаний о человеке в смысловом поле психологии» (В. В. Козлов, 2003, с. 8). Отметим, что, по мысли создателей интегративного подхода В. В. Козлова и В. В. Новикова, «именно интегративный подход дает возможность более широкого, целостного и многогранного взгляда на понимание человеческой природы и всей Вселенной. С позиции этого подхода представляется возможным свести воедино основные положения трех ведущих направлений психологии и психотерапии: ортодоксального, гуманистического и трансперсонального в рамках концептуальной схемы интегративного подхода» (В. В. Новиков, В. В. Козлов, 2002, с. 193–194).

В. В. Козлов является автором известного «Манифеста интегративной психологии». Приведем этот во многом показательный документ:

«Мы хотим предложить вниманию всех «Манифест интегративной психологии», который является для нас сводом общих принципов реализации интегративного подхода.

Первый, глобальный принцип — единство психологии. *Мы считаем, что психология в процессе своего исторического развития дошла до такой стадии, когда ее объединение не только возможно и желательно, но и неизбежно. Психология миновала стадии детства и юности и вступила в стадию зрелости. Это предполагает коренные качественные изменения и самой психологии в целом, и ее носителей — психологов. Развитие психологии достигло того уровня, когда стремление к единству совпадает способностями для достижения этого.*

Второй принцип — идея непротиворечивости. *Мы стремимся сами и призываем всех психологов стремиться к созданию такой системы психологии и сообщества психологов, в котором вообще не будет конфликтов и непримиримости, желания подавить и уничтожить школы психологии, а также их представителей.*

Мы провозглашаем, что каждый психолог имеет благородную цель понимания себя и других. Следовательно, исходя из нашего истинного стремления, мы должны стремиться к объединению и жить в духе непротиворечивости.

Мы разные, но не чужие. Эти принципы должны быть включены в программы психологических школ и направлений, им должны обучаться все представители психологии. Представители интегративной психологии должны быть живым примером такого единства в понимании и действии.

Третий принцип — идея психологического сообщества взаимопонимания и взаимной поддержки. *Мы стремимся сами и призываем всех психологов стремиться к созданию в масштабах всей планеты та-*

кого сообщества психологов, в котором будут удовлетворяться потребности психологов в самореализации и в котором родится, расцветет и утвердится психолог, познавший немислимую ранее полноту жизни и реализующий духовные функции социальных сообществ. Мы признаем, что путь к созданию «Психологического сообщества взаимопонимания и взаимной поддержки», в полной мере пока неизвестен и нужно начать с пропаганды самой идеи. А путь к цели психологи рано или поздно найдут.

Четвертый принцип — идея полного равенства всех психологических школ и их представителей, невзирая на пол, национальность, расу, кастовую или государственную принадлежность. Для начала, нам надо добиться понимания того, что мы разные, но равные. Любая психологическая теория, концепция являются попыткой понимания своего предмета и одновременно права, обязанности психолога самостоятельно искать истину.

Пятый принцип — идея признания общего истока и глубинного единства всех представлений о психическом, включая не только психологические школы, но и мировые религии, различные духовные традиции, философские и психотерапевтические, эзотерические и профанические. Вера не противоречит разуму, психологическая наука и духовный поиск могут быть в гармонии» (В.В.Козлов, 2004, с. 10).

Отметим, что не подлежит никакому сомнению гуманистическая и демократическая направленность данного документа. Стремление к взаимопониманию в высшей степени похвально, а положение, согласно которому наука и практика, искусство и философия содержат пусть различное, но знание о психическом неоднократно выдвигалось и обосновывалось. Возникает вопрос: какова дистанция между замечательными декларациями и реалиями жизни психологического сообщества? Будут ли восприняты эти призывы? Какова будет эффективность этих призывов к психологам?

И, наконец, главный вопрос — удастся ли «свести воедино» основные направления психологии (В.В.Новиков, В.В.Козлов)?

Нам представляется, что подобного рода документы при всей их позитивной оценке, редко приводят к ожидаемым результатам. Дело в том, что одного желания, доброй воли здесь недостаточно. Коммуникация в науке имеет выраженную специфику. Здесь мало стремиться к пониманию и пытаться понять, для этого требуются специальные инструменты (отметим, что разработка этих инструментов представляет одну из важнейших задач методологии психологической науки, а коммуникативная методология является попыткой разработки такого инструмента).

Методология психологической практики. В разработку данной проблематики большой вклад внесли работы Ф.Е.Васильюка (Васильюк, 2003) и И.Н.Карицкого (Карицкий, 2002, 2007), опубликованные в последние годы. В работе И.Н.Карицкого выделяются основания психологических практик: «В целом основания психологической практики подразделяются на социальные, личностные, потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные (инструментальные) и феноменальные. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные (инструментальные) и феноменальные составляют условно вертикальную структуру практики. Социальные и личностные — представляют другой срез психопрактики (или ее другое измерение), то есть в них в той или иной степени представлены прочие основания психологической практики» (Карицкий, 2007, с. 230). Автором разработана модель психологической практики, что позволяет наметить классификации психологических практик. По нашему мнению, разработанная И.Н.Карицким концепция психологи-

ческой практики является значительным прорывом, существенно расширяющим исследовательские горизонты.

Наиболее актуальными в сегодняшней методологии психологической науки представляются следующие направления исследований и разработок.

1. Системный подход

В последнее время предприняты интересные исследования возможностей и перспектив в современных условиях системного подхода (Барабанщиков, 2007; Карпов, 2004; Поваренков, 2004, Орел, 2005 и др.). В.А. Барабанщиков отмечает: «В настоящее время собственный арсенал системных технологий психологической науки и практики очень скромнен, а его развитие представляет непростую исследовательскую задачу. Главная трудность состоит в том, чтобы изучать то или иное явление, не теряя, а учитывая его системные (интегральные) качества, связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта, целостный характер их развертывания во времени, разнородность организации. Это условие предполагает разработку концептуальных схем, позволяющих интегрировать эмпирические данные, методы исследования и понятия, принадлежащие к разным научным парадигмам. Их появление открывает возможность новых путей движения в теоретическом пространстве предмета» (Барабанщиков, 2007, с. 97). Одним из наиболее перспективных остается системогенетический подход, разработанный В.Д. Шадриковым (Шадриков, 1982). А.В. Карпов, анализируя возможности системного подхода в современных условиях, приходит к следующим выводам: «Для того, чтобы стать адекватным, конструктивным и эвристичным методологическим средством психологических исследований, системный подход должен быть существенно, а не исключено, — радикально усовершенствован;

он сам должен перейти на новый уровень своего развития. Для этого существуют необходимые условия, подготовленные современными исследованиями в русле именно тех проблем, которые традиционно считаются наиболее специфичными именно данному принципу и носят ярко выраженный обобщающий и фундаментальный характер. Эти исследования вскрывают гораздо более сложную, многомерную, а часто и «парадоксальную», непонятную с точки зрения «классических» представлений картину организации психического — картину, требующую аналогичных, то есть также «неклассических» подходов — в том числе и, прежде всего, — новых вариантов самого принципа системного подхода» (Карпов, 2004, с. 9). А.В. Карпов продолжает: «В свою очередь, для того, чтобы эти — модифицированные и даже трансформированные подходы стали возможными, для того, чтобы на уровне методологии адекватно отобразить и реализовать специфику и содержание предмета (психики), необходима адекватная экспликация самого этого предмета. Поэтому не только не исключено, но, наоборот, очень вероятно, что разработка новых — более «мощных» вариантов принципа системного подхода будет сопряжена с необходимостью уточнения представлений и о самом предмете исследования. Во всем этом, собственно говоря, и проявляется реальное взаимодействие и взаимодействие — диалектика предмета и метода» (Карпов, 2004, с. 9).

Обратим внимание на вывод автора, согласно которому перспективы развития системного подхода связываются с пересмотром представлений о предмете. По нашему мнению, одной из важнейших задач в данном направлении является специальный непредвзятый анализ истории системного подхода и системного движения. История системного подхода в психологии, как это ни удивительно, еще не написана. На наш

взгляд, рассмотрение этого вопроса будет способствовать разработке новых вариантов этого метода.

2. Проблемы психологического факта, психологической теории, психологического закона

В последнее время появились интересные публикации, посвященные этой проблематике. Назовем известную работу А.В.Юревича, в которой анализируется, в частности, структура психологических теорий (Юревич, 2005). Вместе с тем нельзя не отметить, что эти вопросы, важные для разработки общей методологии психологии, остаются недостаточно исследованными.

3. Проблема категориальной структуры современной психологии

Это также одна из важнейших методологических проблем психологии, которая берет начало еще в трудах Аристотеля. В современной отечественной психологии данная проблема была поставлена М.С.Роговиным, а затем обсуждалась в работах К.К.Платонова, М.Г.Ярошевского, Б.Ф.Ломова и др. В самое недавнее время система категорий психологии была представлена в работах А.В.Петровского, В.А.Петровского и М.Г.Ярошевского (Петровский, Ярошевский, 1998; Петровский, Ярошевский, 2003). Эта проблема была предметом обсуждения на пятом ярославском методологическом семинаре, что позволило существенно продвинуться в разработке данного направления.

Мы полагаем, что если в систему понятий не включается содержательно определенный предмет психологии, это неизбежно ведет к редукционизму в объяснении: научная психология утрачивает свою специфику. Если предмет психологии не выступает в качестве центрального психологического понятия, конституирующего эту науку, то психология об-

речена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Напомним, что Шпрангер в начале прошлого века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. Утверждается, что предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность «разрабатывать психологию» не сводя ее к «вещам» более элементарным (в особенности к собственно вещам).

4. Методологические проблемы истории психологии

В последние годы наблюдается значительный прогресс в этой области, опубликованы фундаментальные исследования, посвященные методологии истории психологии (см., например: Кольцова, 2004, 2008). Вместе с тем, нельзя не отметить, что эта область методологических исследований приобретает особую актуальность.

Как отмечает В.Е.Клочко, наука входит в такую фазу своего развития, когда становится возможным осмысление самой науки как саморазвивающегося целого и поставить вопросы о закономерностях собственного становления (Клочко, 2007). «Наука — это открытая система, закономерно усложняющаяся в процессе внутренних и внешних взаимодействий. Формой ее существования является становление — закономерное усложнение ее системной организации. История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание. Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключать-

ся в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет «эффекта границы», то есть предназначенных для анализа ставшего (прошлого) как предмета истории психологии» (Клочко, 2007, с. 18).

Другой момент, связанный с методологическими проблемами истории психологии заключается в том, что, как хорошо известно, история психологии достаточно противоречива, оценки тех или иных событий порою существенно различаются: одна и та же работа одному историку психологии представляется эпохальной, для другого являет собой малозначимое событие. Представим себе историю психологии, написанную с позиций академической науки, и историю психологии с позиций трансперсональной психологии... В значительной степени поэтому история психологии представляет «веселую науку», в которой многое оказывается противоречивым, порою взаимоисключающим, а оценки иногда или непредсказуемы или попросту несправедливы (Мазилев, 2007).

По нашему мнению, в каждый момент времени психология может быть представлена как сосуществование в корпусе психологической науки различных психологий. В первую очередь, речь идет о философской и научной психологии. У них различающийся предмет, разные методы (это — тема отдельной работы), иные задачи. Кстати, так называемая практическая психология представляет собой еще одну, чрезвычайно любопытную составляющую общего «организма» современной психологии. По нашему убеждению, история психологии по возможности должна учитывать наличие этих различных потоков, в совокупности составляющих *всю психологию*.

5. Методологический анализ междисциплинарных связей психологии

Б.Г.Ананьев в работе «Человек как предмет познания», как хорошо извест-

но, рассмотрел связи психологии с другими научными дисциплинами. Анализ этих связей в рамках разработанной Ананьевым концепции комплексного человекознания позволил сделать вывод, что психология синтезирует достижения других наук (Ананьев, 1969). Известный отечественный психолог Б.Ф.Ломов в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или во всяком случае большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Как отмечал Ананьев, именно в этом состоит ее историческая миссия, с этим связаны перспективы ее развития. Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции — это, конечно, задача философии» (Ломов, 1984, с. 19). Ломов отмечает, что взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки: с общественными науками через социальную психологию, с естественными — через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками — через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими — через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими — через инженерную психологию и т.д. Важным фактором дифференциации психологии являются именно отношения с другими науками (Ломов, 1984).

Важным событием явилась публикация статьи А.Л.Журавлева «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии» (Журавлев, 2007). Работа посвящена чрезвычайно актуальной методологической пробле-

ме, так как в психологии традиционно важное место принадлежит междисциплинарным исследованиям. А.Л.Журавлев отмечает: «В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не только психологии или социо-гуманитарных наук, но и всей науки в целом» (Журавлев, 2007, с. 15). Междисциплинарные исследования имеют для психологии особое значение, так как «...сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» (Журавлев, 2007, с. 17). Чрезвычайно актуально выделение уровней, на которых может быть реализовано междисциплинарное исследование: «В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый — внутриспсихологический — подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей» (Журавлев, 2007, с. 17). В первом уровне могут быть выделены подуровни: «Внутриспсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутритраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии» (Журавлев, 2007, с. 18).

Второй уровень — внешнепсихологический уровень междисциплинарности подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, со-

циологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. (Журавлев, 2007, с. 20).

«Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли — это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать» (Журавлев, 2007, с. 21).

Данный аспект важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстраивать перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно.

Но исследователь делает глубокие выводы, касающиеся особой роли междисциплинарных исследований в области психологии. Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. «Многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф.Ломо-

ву, систему ее измерений» (Журавлев, 2007, с. 27).

«Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психохисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического» (Журавлев, 2007, с. 28–29).

В работе А.Л.Журавлева рассматриваются также, что очень важно, трудности и ограничения, с которыми сталкиваются междисциплинарные исследования. Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. Автор анализирует трудности и ограничения междисциплинарных исследований в области психологии. Он утверждает, что:

1. Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования — единственная форма исследований в психологии.

2. Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).

3. Существуют сложности и трудности междисциплинарных исследований. «Междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает

сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие — вспомогательными и т.п.; — все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое» (Журавлев, 2007, с. 32).

Таким образом, в этой статье дается глубокий методологический анализ возможностей и перспектив использования междисциплинарных исследований в современной отечественной психологии. В целом соглашаясь с выводами, полученными в исследовании А.Л.Журавлева, остановимся подробнее на одном важном методологическом моменте. А.Л.Журавлев предупреждает, что в качестве негативного следствия для психологии возможна редукция психического к непсихическому. Этот момент заслуживает отдельного обсуждения, к его анализу мы вернемся в настоящей статье в разделе, посвященном проблеме объяснения.

6. Методология неклассической психологии

В своей глубокой и интересной статье Д.А.Леонтьев утверждает, что «развитие психологической науки на протяжении XX в. предстает в первую очередь как расширение рамок того, что входит в понятие научной методологии и научного подхода к человеку. Если в начале этого периода молодая психологическая наука осознавала себя, прежде всего, че-

рез призму классического представления о науке, сформировавшегося по мере развития естественных наук, то в дальнейшем в психологии, при сохранении и укреплении классической составляющей, параллельно набирал силу неклассический вектор развития, связанный с разнообразными попытками строить психологию иначе, а именно как гуманитарную дисциплину, основанную на расширенном неклассическом представлении о науке и научном познании» (Д.А.Леонтьев, 2007, с. 74).

Анализируя развитие психологической науки, Д.А.Леонтьев приходит к выводу, согласно которому «за последние полвека направление развития психологической науки в целом можно обозначить как движение от классической к неклассической психологии» (Д.А.Леонтьев, 2007, с. 74). Если классическая психология строилась как естественная наука, то более поздняя неклассическая заявила о себе как гуманитарная дисциплина.

Отметим, что автор избегает крайних и резких оценок и предупреждает: «Очевидно, что классический и неклассический способы построения психологического знания не во всех отношениях жестко альтернативны друг другу, а в чем-то друг друга дополняют» (Д.А.Леонтьев, 2007, с. 80). Д.А.Леонтьев утверждает, что «этот общий вектор складывается из ряда более частных векторов, обозначающих направления, в которых классическая модель психологической науки претерпевала изменения в разных конкретных психологических подходах» (Д.А.Леонтьев, 2007, с. 81).

Д.А.Леонтьев выделяет несколько направлений неклассической трансформации психологии.

- от поиска знаний к социальному конструированию;
- от монолизма к диализму;
- от изолированного индивида к жизненному миру;
- от детерминизма к самодетерминации;

— от потенциализма к экзистенциализму;

— от количественного подхода к качественному;

— от констатирующей стратегии к действенной.

Д.А.Леонтьев подчеркивает, что этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим.

«Таким образом, различные описанные выше исторические тенденции психологической науки в XX в. можно рассматривать как разные стороны или грани единого вектора, который был обозначен здесь как гуманитарный, или неклассический (в широком смысле слова) вектор. Общий знаменатель всех описанных тенденций состоит в том, что они знаменуют переход от классического типа научного исследования, характерного для естественных наук, к все более полному и многостороннему учету специфики человека как уникального объекта познания и разработке специфической методологии познания этого объекта» (Д.А.Леонтьев, 2007, с. 92).

Подчеркнем, что, на наш взгляд, тенденции, отмеченные Д.А.Леонтьевым, требуют в первую очередь пересмотра трактовки предмета самой психологической науки (см. ниже).

7. Методология экологической психологии

В последние десятилетия интенсивно развивается новое направление в психологии — экологическая психология. Разработка методологических оснований экологической психологии, осуществленная в исследованиях В.И.Панова (Панов, 2005, 2004, 2006), позволяет заключить, что их значение велико и для методологии психологии в целом.

В.И.Панов справедливо отмечает, что в отечественной и зарубежной науке су-

ществует ряд направлений экологической психологии, которые разрабатываются как отдельные дисциплины, явно отличающиеся друг от друга **предметом исследования** (Панов, 2005). Согласно В.И.Панову, «При этом и опять же, несмотря на указанные различия и разнolikость основных направлений экологической психологии, их объединяет **общая методологическая установка**. А именно, исходной предпосылкой, отличающей экопсихологию от других психологических дисциплин, является представление о том, что психологические проблемы изучения сознания и индивидуальности человека, его психического развития и обучения, переживания и поведения, психологического, психического и физического здоровья и т.п., должны рассматриваться в контексте отношения «индивид-среда» или, более широко, в контексте системы «Человек — окружающая среда (природная, социальная)» (Панов, 2005, с. 419).

В.И.Панов подчеркивает, что объектом экологической психологии, как объектом любой другой области психологической науки, является все-таки **психическая реальность**, особенности определения которой в качестве предмета исследования обусловлены взаимодействием человека с окружающей средой. В отличие от других областей психологической науки и практики, психика в качестве объекта изучения в эколого-психологических исследованиях может быть представлена в разных видах существования.

В.И.Панов выделяет три формы существования психики:

1) **Собственная форма** действительно существования, то есть в проявленной форме психических процессов, состояний, сознания и поведения человека, находящегося во взаимодействии с окружающей средой.

2) **Превращенная (опредмеченная) форма** действительного существования психологических и квазипсихологиче-

ских свойств (качеств) самой окружающей среды, придаваемых ей человеком.

3) **Становящаяся форма** (переход из «бытия в возможности» по Аристотелю в «бытие в действительности»), порождение которой согласно ее природе, то есть обретение ею действительной формы существования в виде процессов, состояний, сознания и может быть даже (! ноосферы), происходит «в зазоре» между компонентами системы «Человек — окружающая среда» посредством актуального взаимодействия между ними.

В.И.Панов отмечает: «Следовательно, возникает задача обоснования такого подхода, согласно которому психические процессы, психические состояния и сознание индивида рассматриваются как проявления и разные этапы становления психической реальности во взаимодействии индивида с окружающей средой (как продукт развития системы «Человек-Природа») и, соответственно, как единый объект экопсихологического исследования. В связи с этим встает необходимость разработки таких методологических оснований, которые позволяли бы строить изучение психических процессов, психических состояний и сознания как разных форм проявления и уровней психики человека, **единых по своей природе**, но обретающих разную форму проявления **во взаимодействии индивида с окружающей средой**» (Панов, 2005, с. 421).

«Таким образом, анализ объекта и предмета исследования экопсихологии развития показывает возможность **особой методологической позиции** в определении психики как объекта и предмета исследования (психика как форма бытия, порождаемая в виде системного качества в процессе деятельного взаимодействия человека с окружающим миром). Это позволяет говорить об экопсихологии развития не только как об одном из направлений экопсихологии, но и как о некоторой исследовательской парадигме, предопределяющей соответ-

вующие теорию психического, эксперимент и практику» (Панов, 2005, с. 430–431).

В другой работе В.И.Панов отмечает: «психика как природное явление (как форма бытия) никогда не предстает перед нами в непосредственном виде — она всегда предстает перед нами «облаченной» в феноменальную данность своих различных проявлений: внимания, памяти, восприятия, характера, мышления, личности и т.д. и т.п. Образно выражаясь, мы всегда исследуем феноменальные покровы психики, представляющие собой продуктивную (результативную) сторону психики в ставшей форме, но не самое психику в ее непосредственной данности. О ее непосредственной данности мы можем сказать только, что психика представляет собой такое природное явление, которое обладает *возможностью* принимать самые различные формы проявления (осуществления в актуальной форме «бытия в действительности») в зависимости от взаимодействия человека с окружающей средой. Поэтому как одна из форм природного бытия психика существует и должна рассматриваться (следуя аристотелевской логике) в форме «бытия в возможности» и в форме «бытия в действительности». В форме «бытия в действительности» психика и предстает в исследовательской процедуре в виде феноменологической данности психических феноменов и психологических особенностей человека, которые составляют традиционный предмет исследования в классической и современной психологии» (Панов, 2004, с. 182).

На наш взгляд, проделанная В.И.Пановым методологическая работа имеет значение не только для экологической психологии, но и для *всей психологии*. Еще мудрый Уильям Джемс заметил, что «современная наука рассматривает наши внутренние способности как бы заранее приноровленными к свойствам того мира, в котором мы живем; я хочу

сказать, так приноровленными, чтобы обеспечить нам безопасность и счастье в окружающей обстановке» (Джемс, 1991, с. 23).

8. Проблема объяснения

Нам уже приходилось писать, что психологи явно недостаточное внимание уделяют проблеме объяснения. В самое недавнее время ситуация резко изменилась: в 2006 году была опубликована чрезвычайно интересная статья А.В.Юревича, посвященная объяснению в психологии (Юревич, 2006), и состоялся ярославский методологический семинар, на котором обсуждалась эта проблема (Труды..., 2006). Нельзя не согласиться со следующей оценкой значения данной проблемы для психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения — В.М.) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, *каким должно быть психологическое объяснение*, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в специфике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии» (Юревич, 2006, с. 87). В этой работе А.В.Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редукционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределами самого психического. Как пишет Ж.Пиаже, «психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)». Не трудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у адептов

так называемой гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между гуманитарной и естественнонаучной парадигмами» (Юревич, 2006, с. 103–104). Представляется, что с таким выводом согласиться нельзя. Представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественнонаучной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по-разному трактуется *предмет психологии*. Поэтому для того, чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии. Перспектива редукционистского обращения с предметом хорошо описана П.Я.Гальпериным: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией, любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более, что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в другую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожа-

лению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» (Гальперин, 2002, с. 39).

Вопрос об объяснении неразрывно связан с другим судьбоносным вопросом психологии: как должен пониматься трактоваться предмет психологии (Мазилев, 2006). Не случайно классическая работа Жана Пиаже имеет очень точное название: «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм» (Пиаже, 1966). По нашему мнению, то или иное решение проблемы объяснения обязательно предполагает «ключевой методологический выбор»: исследователь волен выбирать, быть психологии дисциплиной редукционистской, сводящей психическое к непсихическому, либо отстаивающей возможность разрабатывать эту науку, используя собственные объяснения.

С позицией, сформулированной А.В.Юревичем (обоснование перспективности выхода на уровни биологических и социальных процессов и конструктов в объяснении психологического), дискутирует Т.В.Корнилова (Корнилова, 2006). Такие перемещения объяснительных координат, по А.В.Юревичу, задают новые ориентиры психологических объяснений. Т.В.Корнилова утверждает, что с этим следует спорить: «Во-первых, потому, что наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии. Во-вторых, примеры и теории верхнего уровня в методологии не могут опровергать друг друга (иное дело в эксперименте, с его принципом фальсификации). В-третьих, главное возражение идет из разделяемой мною позиции, что методология частных наук может развиваться в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то извне (...) Это скорее та «метадигма»,

которая является одной из возможных в психологии. С такой позиции апелляция к объяснительным редукционистским теориям — регресс психологического знания. Сведение психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляции к *другому уровню систем* (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе различения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в общей теории систем. Если принцип системности многократно (и вполне мультипарадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно применим в другом частнонаучном знании, это не может служить основанием для рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения в единую систему (во всяком случае такая позиция требует специального объяснения), и для утверждения полезности редукционизма» (Корнилова, 2006, с. 96). Т.В. Корнилова, обсуждая проблему редукции при объяснении, приходит к следующему выводу: «разорвать «порочный круг» за счет многоуровневости, связываемой с выходом *за рамки системы психологического знания*, методологически проблематично» (Корнилова, 2006, с. 97).

На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Не подлежит сомнению, что привлечение внимания к проблеме объяснения, введение в оборот новых классификаций и типологий объяснения (см. Труды..., 2006), будет способствовать прогрессу методологии психологической науки.

9. Проблема предмета психологии

Выше уже говорилось о том, что методологические вопросы должны иссле-

доваться в комплексе. Это положение представляет собой ядро интегративной когнитивной методологии. Вместе с тем, нельзя не увидеть, что центральной методологической проблемой остается проблема предмета психологии. Был осуществлен теоретический анализ проблемы предмета психологии (Мазивлов, 2006 а), который показал, что современной психологии необходим пересмотр представлений о предмете психологической науки. Необходима новая, широкая трактовка предмета. Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение движущих «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («psychologica-psychological») по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки — психологии.

Проблема предмета остается на сегодняшний день центральной методологической проблемой психологии.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Методологический аспект проблемы субъективного // *Методологические и теоретические проблемы психологии.* — М.: Наука, 1969. С. 317–347.
2. *Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии. — СПб.: Печатный двор, 1993.
3. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. — СПб.: ДНК, 2000.
4. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб., 2003.
5. *Барabanщиков В.А.* Системный подход в структуре психологического познания // *Методология и история психологии.* Т. 2. Вып. 1. 2007. С. 86–99.
6. *Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. — М., 2003.
7. *Гальперин П.Я.* Лекции по психологии: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002.
8. *Джемс У.* Психология. — М., 1991.
9. *Дорфман Л.Я.* Методологические основы эмпирической психологии. — М.: Смысл, Академия, 2005.
10. *Журавлев А.Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // *Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива* / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. — М.: ИПРАН, 2007. С. 15–32.
11. *Зинченко В.П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // *Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии.* — Ярославль, 2003, С. 98–134.
12. *Карицкий И.Н.* Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. — М.; Челябинск: Социум, 2002.
13. *Карицкий И.Н.* Теоретико-методологический анализ психологической практики // *Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива* / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. — М.: ИПРАН, 2007. С. 223–246.
14. *Карпов А.В.* Метасистемная организация уровней структур психики. — М.: ИПРАН, 2004.
15. *Клочко В.Е.* Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // *Методология и история психологии.* Т. 2. Вып. 1. 2007. С. 5–19.
16. *Козлов В.В.* Манифест интегративной психологии // *Социальная психология XXI века.* Т. 1. — Ярославль, 2004. С. 10.
17. *Козлов В.В.* Интегративная психология: предмет, задачи и перспективы // *Вестник интегративной психологии.* Вып. 1. 2003. С. 6–11.
18. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. — М.: ИПРАН, 2004.
19. *Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. — М.: Изд-во ИПРАН, 2008.
20. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. — М., 2005.
21. *Корнилова Т. В.* К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений // *Психологический журнал.* 2006. Том 27. № 5. С. 92–100.
22. *Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // *Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива* / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. — М.: ИПРАН, 2007. С. 74–94.
23. *Мазилев В.А.* Методология современной отечественной психологии // *Методология и история психологии: Научный журнал.* Т. 3. Вып. 3. 2008. С. 9–24.
24. *Мазилев В.А.* Методология психологической науки: проблемы и перспективы // *Психология: Журнал Высшей школы экономики.* Т. 4. № 2. 2007. С. 3–21.
25. *Мазилев В.А.* Экологическая психология: в поисках оснований // *Акту-*

- альные проблемы экологического образования и охраны природной среды: Тезисы докладов второй международной научно-практической конференции 16–19 ноября 1998 г. — Архангельск: Изд. Дом ЭЛПА, 1998. С. 47–48.
26. *Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. — Ярославль, 1998.
27. *Мазилев В.А.* Психология на пороге XXI века. — Ярославль, 2001.
28. *Мазилев В.А.* Методология психологии. — Ярославль, 2007.
29. *Мазилев В.А.* Методология психологической науки: история и современность. — Ярославль, 2007 (а).
30. *Новиков В.В., Козлов В.В.* К определению интегративной методологии // Человек. Власть. Общество. Хабаровск: Дальний восток, 2002. С. 191–194.
31. *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности. — М.: ИПРАН, 2005.
32. *Панов В.И.* Экологическая психология: системный анализ // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А.Барабанщикова. — М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 407–433.
33. *Панов В.И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. — М.: Наука, 2004.
34. *Панов В.И.* Ноосфера — психическая реальность или метафора? (Экопсихологическая гипотеза) // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г.Демидова. Серия «Психология». — Ярославль, 2006. С. 21–28.
35. *Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. — М.: Прогресс, 1966. С. 157–194.
36. *Поваренков Ю.П.* Системогенетическая концепция профессионального становления человека // Идея системности в психологии. — М.: ИПРАН, 2004. С. 365–384.
37. *Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
38. *Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. С. 359–360.
39. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. — М.: ИПРАН, 2007. С. 223–246.
40. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М., 1982.
41. *Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.
42. *Юревич А.В.* Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. — Ярославль, 2005. С. 377–397.
43. *Юревич А.В.* Психология и методология. — М.: Изд-во ИПРАН, 2005.
44. *Янчук В.А.* Введение в современную социальную психологию. — Минск, 2005.

Mazilov V.A. The basic directions of methodological researches in the psychological science in modern Russia

In the article the tendencies of development of a methodology of psychological science at the present stage of its development are parsed. Is offered and the frame by modern methodology (cognitive methodology, communicative, methodology of psychological practice) is described. Most actual are secured for modern cognitive methodology of a direction of researches and minings (system approach; problems of the psychological fact, psychological theory; problems of a subject of psychology a.o.). In the article asserts, that the problem of a subject of psychology represents itself central at mining a methodology of psychology at the present stage of development of psychology.

Keywords: methodology of psychology, cognitive methodology, communicative methodology, methodology of psychological practice, reduction, explanation, subject of psychology.

Санникова Н.А., Астана (Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается творческий процесс как особая форма деятельности, присущая лишь человеку и обществу, кратко описывается история возникновения эврилогии как общей концепции творчества, раскрывается понятие «эвристика», непосредственно связанное с творчеством, дается характеристика основных социально-психологических особенностей творческого процесса. В заключение статьи автор указывает на значимость творческой деятельности для общественного развития и прогресса.

Ключевые слова: взаимодействие, деструктивная деятельность, значимость, интерес, креативность, общество, потребность, прогресс, процесс, развитие, самореализация, созидательная деятельность, состояние свободы, социально-психологическая особенность, творческий процесс, творчество, уединение, человеческая культура, эврилогия, эвристика, эвристическое состояние сознания, экстаз, эмоциональное состояние.

Одной из самых интересных и таинственных в силу своей недостаточной изученности человеческих способностей является способность и потребность творить. Многие науки в настоящее время занимаются изучением различных аспектов проблемы творчества, так как в нем самом присутствует и бессознательное, и рациональное.

Выдающийся советский изобретатель Г.Бабат очень точно подметил характернейшую особенность творческого процесса: за «бестолковость» поисков приходится расплачиваться огромной затратой сил и времени. Не удивительно, что уже давно возникла мысль как-то упорядочить поиски, найти правила выхода на «ровную и широкую дорогу», создать науку о решении творческих задач — эвристику.

Впервые слово «эвристика» появилось в трудах греческого математика Паппа, жившего в III веке нашей эры. Впоследствии многие выдающиеся ученые, в том числе Лейбниц и Декарт, говорили о необходимости изучения творческого процесса и творческого мышления. Постепенно накопилось множество наблюдений, свидетельствующих, что какие-то эвристические правила действительно существуют. Развитие науки укрепляло уверенность

в принципиальной познаваемости творческих процессов, но изобретатели продолжали (и сегодня еще продолжают) работать «бестолковым» методом «проб и ошибок» [1].

Творчество присуще не всей материи, а только человеку и обществу. Бытующее выражение «творчество природы» лишь метафора. Исходя из социальной специфики этого процесса и необходимости соотнесения его с более общими понятиями, творчество можно определить как особую форму взаимодействия субъекта и объекта, ведущую одновременно к развитию того и другого, и как форму сознательно направленного прогрессивного развития. Творчество непрерывно связано с деятельностью человека, который преобразует природный и социальный мир согласно своим целям и потребностям [13].

Творческая деятельность достаточно многообразна по своей природе и в современное индустриальное время количество творческих направлений растет. При этом всем видам творчества — художественного, научного или изобретательского, присущи некоторые общие признаки, общие закономерности развития и социально-психологические особенности. Примеча-

тельны в этом отношении работы талантливого русского исследователя Петра Энгельмейера. Он разработал общую концепцию творчества («эврилогию»), охватывающую творчество в различных сферах: в искусстве, науке, технике, обыденной жизни, религии. Человек, считал Энгельмейер, «начинает творить с первым пробуждением сознания и кончает вместе с последним вздохом» [15]. Самыми типичными чертами человеческого творчества являются, по Энгельмейеру, искусственность, целесообразность, неожиданность и цельность.

Творческий процесс несет в себе социальную и психологическую значимость. Он позволяет человеку творить свое понимание и видение мира, познать в нем свое место и роль, а так же, как следствие, преобразовывать реальный мир в своем сознании, освобождаясь от нежелательных элементов. Р.Мэй, представитель экзистенциально-гуманистического направления, подчеркивает, что в процессе творчества осуществляется встреча человека с миром. Он пишет: «То, что проявляется как творчество — это всегда процесс, ...в котором осуществляется взаимосвязь личности и мира...» [9]. Из всех потребностей человека познание и творчество наиболее гармонично объединяют личное и общественное. Именно неутолимая жажда творчества ведет к развитию не только индивидуальной личности, но и способствует прогрессу общества в целом, становлению человеческой культуры [7]. В соответствии с принципами, описанными С.Л.Рубинштейном, производя изменения в окружающем мире, человек меняется сам [12]. Таким образом, человек, осуществляя творческую деятельность, самореализуется и преобразовывает мир.

Творческий процесс загадочен сам по себе и его следует понимать, преж-

де всего, как продуктивную созидательную деятельность, продукты которой характеризуются такими социально важными качествами как полезность и новизна. Факторы, мотивирующие личность к творчеству, могут быть как позитивные (утверждение и реализация смысла жизни) так и негативные (несправедливости со стороны общества, ощущение абсурдности бытия, личностного несовершенства и дисгармонии и т.п.). Деструктивная деятельность также может являться частью творческого процесса, так как творчество включает в себя и момент деструкции с целью устранить тормозящие факторы, освободить место для нового. Творческий процесс, нацеленный на формирование чего-то нового, более прогрессивного всегда тесно связан с критикой либо отрицанием старого, уже существующего. В этой связи актуализируется вопрос о взаимоотношении творчества и устоявшихся традиций. С одной стороны, возникновение нового способствует радикальному переосмыслению действительности, с другой, — невозможно представить исторический процесс без сохранения элементов предшествующего.

Важным условием творческого процесса является уединение творца, оно так же жизненно важно для его личности, как и потребность в общении. Любое внешне доброжелательное обращение в момент творческого самовыражения может травмировать человека, находящегося в состоянии творчества, поскольку возвращает его к реальности. [5]. Так или иначе, но творчество личности с большей вероятностью может проявляться при наименьшем количестве связей. Разрывы с родственниками, отсутствие друзей, любимых, привязанностей — шанс проявления творческих возможностей, а не следствие таланта [8].

Еще одной из значимых социально-психологических особенностей творчества является то, что процесс творчества может быть сопряжен с изменением психического состояния человека. По мнению В.В.Козлова, постигать тайны и творить человеку позволяет опыт эвристических состояний сознания. «Эвристическое состояние сознания — это особое измененное состояние сознания (ИСС), которое возникает при полной фокусировке сознания на проблемной задаче или тотальной вовлеченности его в процесс деятельности». «В творческом процессе человек настолько вовлекается, погружается в то, что он делает, что у него исчезает осознание себя как чего-то отделенного от совершаемых им действий» [7]. Интерес к познанию нового настолько сильный и искренний, что контроль сознания ослабевает. Творец полностью растворяется в происходящем и уже точно невозможно определить границу между предметной средой и индивидуальным пространством. Непосредственно сам процесс творчества доставляет творцу чувство глубокого удовлетворения, позволяет пребывать в состоянии отрешенности от восприятия пространства и времени [7].

Творческий процесс позволяет человеку испытать состояние максимальной свободы: от прежних знаний (чтобы прорваться к новым), от влияния авторитетов и даже от простых образов — воспоминаний и логических рассуждений. Это необходимо для того, чтобы обратиться к чему-то новому в душе, более объемному, чем случайные образы или мысль аналитическая.

В творческом процессе человек может испытывать самые разнообразные по силе и особенностям проявления эмоциональные состояния: от чувства радости бытия до чувства полного экстаза. Состояние радости в творчестве

превосходит чувство радости в его обычном понимании. Это не просто получение нового результата, более-менее частного или более-менее значительного, но момент (или иногда даже период) согласия, согласования подсознания и сознания, нового представления и его всестороннего понимания, момент согласованной работы правого и левого полушарий мозга, то, что переживается как момент внутренней целостности, согласия с самим собой, иногда — высшего счастья [5].

В каждом из нас изначально заложена искра творчества и каждый из нас, когда либо, а может быть, даже десятки и сотни раз был захвачен творческим процессом, испытывая при этом состояние максимальной свободы, изменяя окружающую реальность согласно своему замыслу и цели. Современное общество нуждается в креативно мыслящих людях, так как именно они — гарант общественного развития и прогресса.

Литература

1. *Альтшуллер Г.С.* Алгоритм изобретения. — М.: Московский рабочий, 1969.
2. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов-на-Дону, 1983.
3. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. — М.: Просвещение, 1991.
4. *Выготский Л.С.* Психология. — М., 2000.
5. *Галин А.* Психологические особенности творческого поведения. — Н.: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2001.
6. *Дружинин В.Н.* Общие способности. — М., 1995.
7. *Козлов В.В.* Психология творчества: свет, сумерки и темная ночь души. — М.: ГАЛА-Издательство, 2008.

8. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
9. *Мэй Р.* Мужество творить: Очерк психологии творчества. — Львов: Инициатива; М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.
10. *Пономарев Я.А.* Психология творческого мышления. — М., 1960.
11. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. — М.: Наука, 1976.
12. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2005.
13. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. — М., 1996.
14. *Эльконин Б.Д.* Введение в психологию развития. — М., 1994.
15. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. — СПб., 1910.

Sannikova N.G. Features of the creative process

The article discusses the creative process as a special form of activity inherent in a person and society, outlines the history of *evrilogiya* as a general concept of creativity, disclosed the concept of «*heuristic*», directly connected with the work, describes the main socio-psychological characteristics of the creative process. In conclusion, the article the author points to the importance of creative activities for social development and progress.

Keywords: interaction, the destructive activities, relevance, interest, creativity, community, need, progress, process, development, self-realization, creative process, the state of freedom, socio-psychological characteristics, creative work, creativity, solitude, human culture, *evrilogiya*, heuristics, heuristic state of consciousness, ecstasy, emotional state.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Абдулаева А.В., Караганда, Козлов В.В., Ярославль

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье анализируется роль коммуникативных возможностей в процессе адаптации студентов к условиям обучения в вузе. Сформированность определенной социальной позиции рассматривается как интегральный критерий эффекта адаптации молодого специалиста. В итоге всестороннего исследования выявлено, что в современных условиях обучения студентов в вузе новые организационные особенности обучения, в частности технология обучения, оказывают влияние на такие адаптационные свойства личности, как коммуникативные особенности.

Ключевые слова: адаптация, коммуникация, приспособление, деятельность, профессия, поведение, позиция.

Об успешной адаптации можно судить не только по приспособлению личности к конкретным условиям, но и по вовлеченности ее в широкий спектр общественных отношений. Глубина личностной вовлеченности в процесс новой деятельности, в решение профессиональных задач зависит от диапазонов адаптации, от приспособления к наименее устойчивым, ежеминутно меняющимся предметным ситуациям до выработки устойчивого поведения в период смены общественного положения, приобретение человеком новой социальной роли.

Сформированность определенной социальной позиции является и интегральным критерием эффекта адаптации молодого специалиста. А продуктивность деятельности, стиль деятельности, психологическое состояние личности, профессиональный самоанализ и другие критерии эффективности адаптации являются по существу ведущими характеристиками социально-профессиональной позиции.

Проблема адаптации человека к новым условиям затрагивает интересы всего общества. Оптимальная адаптация человека к новому виду деятельности, в том числе и учебной, имеет большой социально-биологический смысл. Адаптация — это своеобразный метод решения противоречий между воздействием среды и возможностями индивида, которые возникают при изменении условий жизни. При этом требуется некоторое время для вхождения в новые контакты, в новую социальную роль.

Социально-психологическая диагностика предполагает создание эталона, в котором достаточно полно отражаются социально и профессионально значимые характеристики личности.

Б.Г.Ананьев указал на парадоксальность сложившейся в психологии ситуации, при которой «в центре психологического познания развития человека оказался ранний и поздний онтогенез, а на периферии — те фазы, когда человек живет наиболее продуктивной

творческой и социально-активной жизнью». Он выдвинул тезис, согласно которому «единая научная теория индивидуально-психического развития не может быть построена без социальной разработки ее фундаментального отдела — возрастной психологии зрелости или взрослости». При этом следует отметить, что при столь значительном внимании к интересующему в данной работе нас периоду со стороны исследователей вопрос профессионального становления будущих профессионалов технического и гуманитарного направлений в условиях вуза и зависимость успешности подготовки от социально-психологических факторов остался не освещен. Исследователями были рассмотрены вопросы формирования личности студента в педагогическом вузе, среди слушателей военных учебных заведений и органов образования МВД. Рассматривая методологию проведения подобных исследований, можно выделить тенденцию к сравнению психологических показателей среди студентов 1 и 5 курсов, определение гендерных различий. На наш взгляд, этого недостаточно, так как не учитываются особенности влияния ряда иных социальных факторов, коммуникативных особенностей и адаптации на каждом курсе обучения на становление личности. Мы выделили, что в дополнение к традиционным, наиболее значимыми показателями, оказывающими воздействие на протяжении всего обучения в вузе, являются курс, на котором обучается студент, личностные качества студента, в том числе коммуникативные особенности.

По мнению Б.Ф.Ломова, последовательная разработка любой проблемы, касающейся человека, независимо от того, в рамках какой дисциплины она поставлена, рано или поздно приводит к необходимости анализа психических процессов, свойств и состояний. Разви-

тие междисциплинарных связей психологии является необходимым условием ее развития в целом. Стратегия решения данной задачи связывалась Б.Ф.Ломовым с подходом, позволяющим исследовать человека, его психику в качестве системы. Обращение к принципу системности внутри самой психологической науки продиктовано многообразием подходов к исследованию психического состояния и связанной с этим необходимостью спецификации предмета психологического исследования, разработка адекватного ему метода познания и объединения разнородного знания в целостную картину психических явлений.

«Адаптивная» личность ассоциируется с чисто внешним принятием жизненных обстоятельств. Между тем постоянно изменяющиеся условия жизни требуют не столько приспособления к ним, сколько развития личности, обогащения творческой индивидуальности в соответствии с тенденциями общества. Поэтому, говоря об адаптации, следует подчеркнуть активным процесс включения индивида в новую среду, освоение им для себя новых видов деятельности, соответствующих норм, ценностей, требований. Этой позиции придерживаются многие авторы, изучающие данную проблему.

Характеристику личностного адаптационного потенциала можно получить, оценив уровень адаптивных способностей, нервно-психической устойчивости, коммуникативной особенности. Адаптивные особенности и уровень нервно-психической устойчивости характеризуют способность человека регулировать свое взаимодействие со средой.

Коммуникативные качества человека являются следующей составляющей личностного адаптационного потенциала. Поскольку человек практически всегда находится в социальном окруже-

нии, его деятельность сопряжена с умением построить отношения с другими людьми. Коммуникативные возможности (или умение достигнуть контакта и взаимопонимания с окружающими) у каждого человека различны. Они определяются наличием опыта, потребностью в общении, принципами построения контакта, групповой идентификацией, а также уровнем конфликтности.

Наше исследование проводилось на базе Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова. Выборку составили студенты 1-го, 2-го, 3-го, 4-го курсов естественно-научного и гуманитарного циклов, обучающиеся

по кредитной и линейной технологиям обучения. В общей сложности на всех этапах в исследовании приняли участие 400 человек.

При обследовании студентов естественно-научного цикла по методике 16-факторный личностный опросник Р.Кеттелла были получены результаты, изложенные в таблице 1.

Оценка коммуникативной сферы.

При оценке активности в общении обращает на себя внимание достоверное повышение коммуникативной активности у студентов 1 курса и снижение коммуникативной активности у студентов 2 курса, что проявляется в по-

Таблица 1. Данные анализа по методике 16 PF (A) студентов естественно-научного цикла по курсам

Фактор	Курс			
	1	2	3	4
A	4,62	6,44	5,00	6,83
B	3,42	8,20	8,16	6,70
C	9,06	4,80	4,59	5,50
E	6,18	6,04	5,52	6,63
F	6,40	4,20	4,27	4,98
G	7,80	5,52	5,00	4,83
H	7,60	6,12	5,14	6,78
I	6,92	6,40	4,59	5,10
L	5,68	6,44	6,25	6,35
M	5,08	5,76	6,41	4,55
N	6,23	4,56	4,05	4,25
O	6,78	6,00	5,57	6,04
Q ₁	7,45	7,68	7,72	6,28
Q ₂	6,80	5,08	5,55	4,20
Q ₃	5,93	6,80	6,09	5,65
Q ₄	6,28	5,12	5,16	4,45

казателях факторов А-Н. Это можно рассматривать как результат взаимодействия между личностью и внешней средой вуза, которая призвана сформировать личность эффективного специалиста. Этот процесс в теории Мюрера и Моргана трактуется как сжатие поля коммуникаций — пресс со стороны внешней среды сжимает поле коммуникации. На 1 курсе для студентов является необходимостью активизация коммуникативных отношений, так как это этап знакомства студентов, развития вновь созданного коллектива. 2 курс — промежуточный курс, на который приходится максимальное воздействие со стороны внешней среды. На 3 и 4 курсе для студентов становится важным прохождение практик и написание дипломной работы. Вследствие чего, они, нацеливаясь на все более самостоятельную работу, меньше обращают внимание на межличностные контакты. Как следствие, возможна повышенная соматизация в ответе на внешнее воздействие.

Так же нами было отмечено, что студенты, обучающиеся по кредитной технологии, менее активны в общении, чем студенты, обучающиеся по линейной технологии обучения. Возможно, это связано с тем, что кредитная технология более нацеливает студентов на самостоятельную работу, на готовность к самостоятельной индивидуальной деятельности.

При оценке лидерских свойств (факторы Е- Q_2) отмечается снижение показателей фактора Е на 2, 3 курсе и отрицательная динамика фактора Q_2 в зависимости от курса. Это связано с тем, что по мере становления личности специалиста проявляется нежелание брать на себя излишнюю ответственность и стремление ее делегировать окружающим. При этом мы видим возрастание показателей на 4 курсе, что, возможно, связано с окончанием универ-

ситета и необходимостью принимать решения о своей дальнейшей профессиональной деятельности. Таким образом, указанные показатели говорят нам об определенном давлении со стороны внешней среды условий вуза. Не исключено, что специфическое внешнее давление служит своеобразной инициацией вхождения студента в профессиональное сообщество. По окончании университета в сознание студента внедряются наиболее общие модели поведения и структуры отношений.

Отмечаются достоверные различия по фактору Е в зависимости от профиля школы и выбора предполагаемой профессии. Так, у лиц, окончивших гимназии, лицеи, соответствующие выбору специальности при поступлении в вуз, и определившихся с выбором профессии, так же согласующейся со специальностью, по которой студент обучается, фактор Е достоверно выше, чем у остальных. Вероятно, это связано со становлением профессиональной самооценки. Кроме того, замечено увеличение в сторону развития лидерских качеств у студентов, обучающихся по кредитной технологии, по сравнению с обучающимися по линейной технологии обучения.

Оценка проницательности в общении (факторы N-L).

Повышенное L и пониженное N указывают на возможность возникновения трудностей в выборе и поддержании оптимальной дистанции в общении. Не исключено, что при смене ситуации они будут сохранять прежний стиль общения. Возможно, это связано с некоторым сужением ролевого диапазона и, как следствие, снижение круга интересов. При этом несколько повышена L относительно фактора N, что может показывать на внутригрупповую конкуренцию, но личностно не напряжена.

Обращает на себя внимание, что по рассматриваемым нами объективным

признакам профиля школы и выбора будущей профессии достоверных отличий не выявлено.

Таким образом, в области коммуникативных факторов наибольшие отличия связаны с личностными особенностями студентов, что указывает на различия целей и мотивов обучения в вузе и формирования личности специалистов. При рассмотрении коммуникативной сферы наблюдается своеобразное ее динамики и некоторый дисбаланс в общении, что может быть связано с особенностями студенческой среды и внешних условий обучения в вузе. Так, например, у лиц, обучающихся по линейной технологии обучения, менее

выражена внутригрупповая конкуренция. Что вполне соотносимо с результатами по факторам E-Q₂.

Теперь рассмотрим личностные особенности студентов гуманитарного цикла. Результаты изложены в таблице 2.

Оценка коммуникативной сферы.

При оценке активности в общении обращает на себя внимание достоверное повышение коммуникативной активности у студентов от 1 курса по 4 курс, что проявляется в показателях факторов А-Н. Это можно рассматривать как результат взаимодействия между личностью и внешней средой вуза, которая призвана сформировать лич-

Таблица 2. Данные анализа по методике 16 PF (А) студентов гуманитарного цикла

Фактор	Курс			
	1	2	3	4
А	3,37	5,35	4,56	6,44
В	2,41	2,71	3,61	5,29
С	8,35	4,58	6,00	5,10
Е	5,44	6,25	5,89	6,84
F	4,76	7,20	4,88	6,32
G	5,23	6,25	6,25	7,00
Н	7,12	7,66	6,25	6,30
I	6,16	6,04	5,52	6,63
L	6,54	6,56	6,43	6,54
M	5,28	7,23	6,31	6,55
N	5,24	3,57	4,56	5,70
O	6,77	5,45	7,43	5,01
Q ₁	4,34	6,12	5,08	6,52
Q ₂	5,62	4,89	4,56	4,49
Q ₃	5,90	5,63	6,10	6,21
Q ₄	6,38	5,92	5,07	5,38

ность эффективного специалиста. И вполне возможно принять во внимание, что мы исследовали студентов, профессии которых предполагают в будущем более тесное взаимодействие с людьми, чем у студентов естественно научного цикла. Это психологи, юристы, педагоги. Замечены непринужденность в поведении, общительность, быстрая включаемость в работу группы. И в то же время фактор N показывает боязнь угрозы в социальных ситуациях и снижающуюся степень активности в социальных контактах. По нашему мнению это может быть связано с тем, что студенты 4 выпускного курса вынуждены расставаться с уже привычными условиями обучения и поиском работы.

Так же нами было отмечено, что студенты, обучающиеся по кредитной технологии, менее активны в общении, чем студенты, обучающиеся по линейной технологии обучения. Возможно, это связано с тем, что кредитная технология более нацеливает студентов на самостоятельную работу, на готовность к индивидуальной деятельности.

При оценке лидерских свойств (факторы E-Q₂) отмечается повышение показателей фактора E к 4 курсу и отрицательная динамика фактора Q₂ в зависимости от курса. Мы предполагаем, что это связано с объективным взрослением студента и развитием его профессиональных качеств. Студенты становятся более уверенными в себе, независимыми в суждениях. Проявляется способность к руководству. При этом мы видим возрастание показателей на 4 курсе, что, возможно, связано с окончанием университета и необходимостью принимать решения о своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Понижение показателей по фактору Q₂ в сочетании с данными фактора E может говорить о предпочтении студентов и работать, и принимать решения

вместе с другими людьми, ориентируясь на социальное одобрение. Что очень важно для студентов, выбравших специальности, предполагающие тесные взаимоотношения с людьми.

Нами замечено, что у лиц, окончивших гимназии, лицеи, соответствующие выбору специальности при поступлении в вуз, и определившихся с выбором профессии, так же согласующейся со специальностью, по которой студент обучается, фактор E достоверно выше, чем у остальных. Вероятно, это связано со становлением профессиональной самооценки. Причем, эти показатели совпадают у студентов гуманитарного и естественно-научного циклов. Наблюдая более стабильное снижение фактора Q₂ у студентов, обучающихся по линейной технологии в сравнении с обучающимися по кредитной технологии, мы в праве говорить о меньшей тенденции к развитию лидерских качеств.

Оценка проницательности в общении (факторы N-L).

Практически неизменным остается фактор L и повышается N. Это показывает, что для данных студентов характерна откровенность, благожелательность по отношению к другим людям, терпимость, уживчивость. Что они сравнительно легко ладят с людьми и хорошо работают в коллективе. При этом могут быть осторожны в своих поступках.

При этом несколько повышена L относительно фактора N, что может показывать на внутригрупповую конкуренцию, но личностно не напряжена.

Таким образом, в области коммуникативных факторов наибольшие отличия могут быть связаны с ориентированностью гуманитарного цикла на работу с людьми в профессиональной перспективе. При рассмотрении коммуникативной сферы наблюдается положительная динамика в отношении

общения. Так, например, у лиц, обучающихся по линейной технологии обучения, менее выражена внутригрупповая конкуренция. Что вполне соотносимо с результатами по факторам E-Q₂.

Таким образом, в области коммуникативных факторов наибольшие отличия могут быть связаны с ориентированностью гуманитарного цикла на работу с людьми в профессиональной перспективе. При рассмотрении коммуникативной сферы наблюдается положительная динамика в отношении общения у студентов гуманитарного цикла. Так же у них отмечается склонность к фантазированию, увлеченность проблемами, требующими эмоционального и творческого подхода.

Студенты гуманитарного цикла показывают развитую способность к эмпатии, сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей. По уровню внутреннего контроля поведения практически не замечено различий между студентами естественно-научного и гуманитарного циклов.

Личностный опросник «Адаптивность» (МЛО) Маклакова А.Г., Чермянина А.Г. (1996) выбран нами непосредственно для диагностики уровня социально-психологической адапта-

ции. Он предназначен для изучения адаптационных возможностей индивида на основе оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития.

Коммуникативные особенности являются важной составляющей личности. Коммуникативные возможности (или умение достигнуть контакта и взаимопонимания с окружающими) у каждого человека различны. Они определяются наличием опыта, потребностью в общении, принципами построения контакта, групповой идентификацией, а также уровнем конфликтности.

При обследовании студентов на каждом этапе обучения по всем шкалам теста были получены следующие результаты, отраженные в таблице 3.

По шкале КО — высокие баллы — 1 курс — 45 человек — 45%, 2 курс — 71 человек — 71%, 3 курс — 59 человек — 59%, 4 курс — 48 человек — 48%; низкие баллы — 1 курс — 55 человек — 55%, 2 курс — 29 человек — 29%, 3 курс — 41 человек — 41%, 4 курс — 52 человека — 52%.

На основании выше изложенных данных мы можем сделать вывод, что первокурсники являются наиболее

Таблица 3. Результаты исследования студентов с помощью опросника «Адаптивность» на всех этапах обучения.

Курс обучения	Шкала АС	Шкала НПУ	Шкала КО	Шкала МН
1	Высокие — 47% Низкие — 53%	Высокие — 55% Низкие — 45%	Высокие — 45% Низкие — 55%	Высокие — 85% Низкие — 15%
2	высокие — 58% низкие — 42%	Высокие — 74% Низкие — 42%	Высокие — 71% Низкие — 29%	Высокие — 80% Низкие — 20%
3	Высокие — 58% Низкие — 42%	Высокие — 64% Низкие — 36%	Высокие — 59% Низкие — 41%	Высокие — 87% Низкие — 13%
4	Высокие — 62% Низкие — 38%	Высокие — 70% Низкие — 30%	Высокие — 48% Низкие — 52%	Высокие — 90% Низкие — 10%

низко адаптированными студентами. А более успешно адаптационный процесс проходит у студентов 2 курса.

Далее рассмотрим выборку в зависимости от направления научного цикла. Результаты показаны в таблице 4.

Среди студентов естественно-научного направления по шкале КО высокие баллы имеют 163 человека, что составляет — 81,5%, низкие — 37 человек — 18,5%.

Среди студентов гуманитарного направления по шкале КО высокие баллы имеют 182 человека, что составляет — 91%, низкие — 18 человек — 9%.

У студентов гуманитарного цикла показатели КО выше, чем у студентов естественно-научного цикла.

Аналогично сравним выборку в зависимости от технологии обучения. Результаты отражены в таблице 5.

Среди студентов, обучающихся по кредитной технологии обучения направления по шкале КО высокие баллы имеют 115 человека, что составляет — 57,5%, низкие — 85 человек — 42,5%.

Среди студентов, обучающихся по линейной технологии обучения по шкале КО высокие баллы имеют 166 человека, что составляет — 83%, низкие — 34 человек — 17%.

Так студентам, обучающимся по кредитной технологии, необходимо обратить внимание на развитие коммуникативных способностей. Количество студентов, обучающихся по кредитной технологии, с высоким уровнем коммуникативных особенностей меньше на 26%.

Количество студентов, обучающихся по кредитной технологии, с высоким уровнем коммуникативных особенностей меньше на 26%, чем студентов,

Таблица 4. Результаты исследования студентов естественно-научного и гуманитарного циклов.

Научный цикл	Шкала АС	Шкала НПУ	Шкала КО	Шкала МН
Естественно-научный	Высокие — 77,5% Низкие — 22,5%	Высокие — 85% Низкие — 15%	Высокие — 81,5% Низкие — 18,5%	Высокие — 79% Низкие — 21%
Гуманитарный	высокие — 80% низкие — 20%	Высокие — 70% Низкие — 30%	Высокие — 91% Низкие — 9%	Высокие — 90,5% Низкие — 9,5%

Таблица 5. Результаты исследования студентов, обучающихся по кредитной и линейной технологии обучения.

Технология обучения	Шкала АС	Шкала НПУ	Шкала КО	Шкала МН
Кредитная	Высокие — 69,5% Низкие — 30,5%	Высокие — 82,5% Низкие — 17,5%	Высокие — 57,5% Низкие — 42,5%	Высокие — 80,5% Низкие — 19,5%
Линейная	Высокие — 70% Низкие — 30%	Высокие — 73,5% Низкие — 26,5%	Высокие — 83% Низкие — 17%	Высокие — 87% Низкие — 13%

обучающихся, по линейной технологии. Необходимо развивать навыки общения, межличностного взаимодействия, эмпатии, умения слушать, что возможно достичь при групповых тренинговых занятиях с психологом.

Итак, проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам и предложить рекомендации:

— в современных условиях обучения студентов в вузе новые организационные особенности обучения, в частности технология обучения, оказывают влияние на такие адаптационные свойства личности, как коммуникативные особенности;

— при этом кредитная технология обучения способствует более успешной социально-психологической адаптации к условиям обучения в вузе;

— студентам, обучающимся по кредитной технологии обучения, необходимо развивать навыки общения, межличностного взаимодействия, эмпатии,

умения слушать, что возможно достичь при групповых тренинговых занятиях с психологом;

— преподавателям взаимодействующим в системе кредитной технологии, а так же психологам, работающим со студентами необходимо обратить внимание на развитие коммуникативных способностей.

Литература

1. *Капустина А.Н.* Многофакторная личностная методика Кеттелла (16 PF опросник). — СПб.: Речь, 2001. 112 с.

2. *Козлов В.В.* Психологический практикум для студентов по специальности «социальная работа»: Метод. пособие. — Ярославль, 1999. 165 с.

3. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.

Abdoulaeva A.V., Kozlov V.V. The role of communicative ability in the process of adaptation of students for undergraduate

This article examines the role of communicative ability in the process of adaptation of students to study at University. Particular social position deals with integral sound it effect adapting a young professional. As a result of a comprehensive study found that in today's environment, students in high school, new institutional peculiarities of studies, in particular the technology of study, affect such Adaptive properties as communicative features.

Keywords: Adaptation, communication, device, profession, position.

Боллигер Л.В., Просекина А.Н., Иркутск

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ НА ГЕНДЕРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖЕНЩИН

Статья посвящена влиянию традиций на гендерную идентичность женщин. Исследование показывает, что чем выше уровень культурно обусловленных традиций в социальной группе, тем однороднее гендерная идентичность ее членов.

Ключевые слова: фемининность, маскулинность, роль, гендер, модель, форма, установка, образ.

Кризисы традиционных форм самосознания и поведения связывают с глобальными изменениями, происходящими в обществе на протяжении XX столетия. Наряду с меняющейся идеологией и экономикой наблюдается смена и ценностных ориентаций человека, его установок, оценочных мнений, убеждений. В том числе происходят изменения и в восприятии традиционных гендерных ролей. Быстрое разрушение старых социальных установок и традиций приводит к тому, что гендерные модели теряют четко структурированные нормы. На смену привычным формам социального поведения приходят новые, меняя тем самым, образы женственности и мужественности. В результате чего человек лишается идеального образа, необходимого для формирования традиционной гендерной идентичности.

Особенно актуально эта проблема стоит в многонациональных обществах, таких, например, как Россия. Различные этнические полоролевые традиции народов, проживающих веками на территории России, изменяются не только в соответствии с социально-экономическим развитием общества, но и под влиянием такого явления как ассимиляция ценностей и стереотипов западной цивилизации. Существующие традиции разных народностей различаются по силе, по динамике изменений и по специфике их проявлений. Этот факт существенно повышает вариативность гендерной идентификации каж-

дого конкретного человека и может создавать определенные сложности в процессе формирования гармоничной, целостной личности.

Мы согласны с теми исследователями в области гендерной психологии, которые считают, что женское социальное поведение в большей степени, чем мужское, подвержено динамике изменений, в силу того, что женщины более эмоционально включаются в происходящие события в обществе. На современном этапе отсутствие стереотипа «настоящей женщины», с одной стороны, дает возможность нашей современнице самой выбирать собственный стиль поведения. Но, с другой стороны, наблюдается усиление внутриличностных конфликтов, к которым приводит некая гендерная неопределенность. Так как традиционная гендерная идентичность претерпевает значительные изменения, то нарушается сценарий развития женщины, связанный с ее предназначением. Это может приводить к неоднозначности в становлении и проявлении ее самосознания.

В нашем исследовании мы попытались выявить, какое влияние оказывают традиции, на формирование стилей женского поведения у народностей, по-разному сохраняющих традиционные отношения, прежде всего, межполовые. Для понимания специфики процесса становления гендерной идентичности нами использовалась модель сосуществования в единой социально-экономи-

ческой системе двух народов — русских и татар, различающихся разными проявлениями культуры.

Данные этнографических исследований позволяют выявить аспекты этнических традиций женщин русского и татарского народа. Традиционное распределение социальных ролей в этих культурах связывалось с тем, что позиция женщины была подчиненная, зависимая. Социальный статус женщин определялся социальным статусом ее мужа. При этом традиционные и обрядовые формы общения женщин с мужчинами, их взаимодействие в некоторых видах деятельности у русских и татар различались довольно сильно, что не могло не отражаться и на особенностях формирования личности женщины.

Основным и главным в традициях русских и татар в плане гендерных различий является социальное разделение полов, развитая система обрядовых форм регулирования социального взаимодействия как представителей одного пола, так и противоположных полов в культуре Татарстана, и напротив, более тесные социальные контакты мужчин и женщин, почти не регулируемые обрядовыми формами общения, у русских.

Начиная со времен царствования Петра I, в России шло разрушение законов «Домостроя» в русских семьях, но при этом они сохранялись до недавнего времени у татар. В традиции русские женщины и мужчины могли довольно свободно общаться и постоянно взаимодействовать. Сферы жизнедеятельности татарских женщин и мужчин (особенно в высших слоях общества) почти не пересекались. В отличие от русских, дом у татар традиционно делился на мужскую и женскую половины. Участие в праздниках, различного рода ритуалах осуществлялось женщинами и мужчинами отдельно, а иногда

и в разные дни, досуговое общение происходило только в гомогенных по полу компаниях [2].

Различия наблюдаются и при сравнении свадебных и семейных обрядов. При замужестве у русских, невеста вносила в свою новую семью приданое, которое должно было обеспечивать потребности будущей семьи. В богатых и высокопоставленных семьях родители могли давать за невесту и более серьезное приданое, а иногда и доходное дело. Материальное положение семьи, таким образом, обеспечивалось с женской стороны. У татар родители жениха (или он сам) платили за невесту ее родителям калым — особый выкуп, который обычно состоял из крупной суммы денег, домашнего скота, текстиля и пр. Материальный вклад со стороны невесты был минимален, а иногда и вообще отсутствовал.

Этнографы свидетельствуют, что калым не являлся показателем зависимо-го положения невесты, он имел иное социальное значение. Большая часть калыма хранилась родителями жены почти всю оставшуюся жизнь, и давала женщине право и возможность прервать супружеские отношения с мужем. В случае если развод происходил по инициативе жены, калым возвращался мужу, но если развод происходил по инициативе мужа, калым оставался у жены и давал ей возможность независимо существовать и растить детей. Свадьба у татар не означала для женщины полного разрыва со своей семьей. Живя в доме мужа, женщина сохраняла тесный контакт с родительской семьей, получала постоянную помощь и поддержку, регламентируемую традициями и обрядами [4, 8]. Таким образом, различия во взаимоотношениях замужних женщин с родной и с новой семьей в культурах двух народов, формировали у них различные поведенческие установки, и как следствие различ-

ный образ себя как жены, матери и хозяйки дома.

Контакты с мужчинами у татарских женщин внутри семьи ограничивались многочисленными обрядами. У русских подобные обычаи отсутствовали, общение мужчин и женщин традиционно было менее регламентировано. Традиционная для татар, раздельная жизнедеятельность мужчин и женщин, означает наличие гомогенных по полу устойчивых социальных групп. Существование подобных групп подразумевает определенную структурную организацию, иерархию ее членов по каким-либо критериям. Согласно этнографическим данным, социальный статус человека в микросоциальной группе у татар определялся скорее по возрастному критерию, чем по критерию пола. Статус женщины-татарки в обществе, определялся ее возрастом, а так же положением ее семьи [3].

Социальное разделение полов, развитая система обрядовых форм регулирования социального взаимодействия способствовала формированию в процессе воспитания желаемого психологического склада личности у татар.

В культуре русских, напротив, более тесные социальные контакты мужчин и женщин, почти не регулируемые обрядовыми формами общения, должны предполагать иные, психологические механизмы регуляции социального взаимодействия. Таким образом, различные традиции во взаимодействии полов приводили к появлению определенных установок, регламентирующих желательное, социально одобряемое и нежелательное, неодобряемое в данном обществе поведение.

Исследования этнографов показывают, что, находясь в дружеских контактах и тесном общении, татарский и русский народ оказывал друг на друга определенное духовное и культурное воздействие. Но сохранялась и воспроиз-

водилась этническая целостность и специфика культуры русских и татар (духовная, языковая, религиозная, бытовая). Современными исследованиями обнаружены некоторые сходства эмоциональных установок и этнических стереотипов русских и татар в силу того, что в их основе лежат общечеловеческие нормы и ценности [3, 8].

В последнее время в психологии этнос, его духовный склад, менталитет, рассматривают как важный фактор социализации личности. Менталитет этноса влияет на человека через самое ближайшее социально-природное окружение, обуславливая ряд специфических особенностей личности, поведения, мировосприятия человека. В современных исследованиях, по аналогии с архетипами К.Г.Юнга, выделяют этноид как архетипическое представление, имеющее подсознательную природу. Этноид — это субъективно предпочитаемый образ этнической идентификации, не обязательно существующий в реальном историческом времени. Этноид влияет на становление и состояние личности человека, даже выросшего и живущего в иной этнокультурной среде.

В нашем исследовании принимали участие женщины, проживающие на территории Российской Федерации. Эмпирическая выборка составила 420 человек. Нами были опрошены 240 женщин, относящих себя условно к русским, и 240 женщин, относящим себя к татаркам. Социальные характеристики выборки говорят о ее достаточной репрезентативности. Возраст, уровень образования семейное и социальное положение женщин разнообразно. Проживают респонденты, в основном, на территории Иркутской области и в республике Татарстан. Опрос участников исследования проводился частично при личном контакте, частично посредством сети интернет.

В качестве методов исследования были использованы методики «Исследование маскулинности-фемининности личности» (С.Бём) и опросный метод исследования глубинных личностных сценариев женщины «Анима» [6]. Особый интерес для нас представляли различия в формировании традиционных архетипических стилей женского поведения, к которым относятся материнство, воспитательство, эмоциональность и сексуальный аспект.

Особенностью данного исследования является то, что часть испытуемых воспитывалась в условиях реализуемой в бывшем СССР идеи планомерной этнической денационализации — утраты этничности и формирования идеологической идентичности. В последующие годы развитие личности этих женщин происходило на фоне противоречивых тенденций общественного сознания: резкого усиления этнического самосознания народов, с одной стороны, и обращенности к ценностям западноевропейского и американского образа жизни и культуры, с другой. Такие динамичные и противоречивые условия становления личности актуализировали необходимость адаптироваться к этим постоянным и бурным изменениям.

Данные, полученные при обработке результатов по методике «Исследования

маскулинности — фемининности личности», представлены в таблице 1.

Из представленных результатов видно, что абсолютное большинство (87%) татарских женщин имеют традиционный фемининный тип гендерной идентичности. Каждая восьмая татарская женщина проявляет андрогинное поведение.

Показатели того же теста у русских женщин свидетельствуют о том, что наиболее популярным стилем поведения у них является андрогинный (84,4%), тогда как традиционное поведение, связанное с проявлением женской зависимости и принятия, характерен примерно для каждой восьмой женщины.

В обеих группах практически незначительны проявления маскулинных признаков в поведении.

Эти данные дают возможность предположить, что социальные стереотипы фемининности в культуре татар достаточно сильны, связаны они, скорее всего, с эмоциональными аспектами психики. Проявление андрогинности в поведении татарок, вероятно, вызвано влиянием современных западных тенденций.

Высокие показатели андрогинности в поведении русских женщин, можно объяснить тем, что в современных ус-

Таблица 1. Распределение респондентов с различным типом гендерной идентичности в исследуемых группах (в процентах)

Тип гендерной идентичности	Группы испытуемых женщин	
	Татарки	Русские
Андрогинный	12	84,4
Фемининный	87	13
Маскулинный	1	1,6
Недифференцированный	—	1

ловиях российского общества работающая женщина-мать вынуждена была научиться сочетать потребность в материнстве с потребностями в собственном карьерном росте. Кроме того, современная русская женщина, не получающая поддержки от своей этнической группы, которая сохраняла бы традиционные ценности, вынуждена использовать различные варианты поведения для достижения своих целей и адаптации к социальным условиям.

Небольшое количество испытуемых, относящихся к традиционному феминному типу и к типу с доминирующими маскулинными проявлениями в нашей выборке, соответствуют результатам исследований и российской статистике. Кроме того, появление группы женщин с недифференцированным типом идентичности, можно объяснить тем, что в ситуации деформации женских социальных стереотипов, бывает очень трудно женщине определиться с приоритетами в ценностной иерархии.

Эти выводы свидетельствуют о том, что в существующих условиях развития и становления общества русские женщины, не связанные крепкими традициями, более свободны в выборе способов поведения. По статистике среди русских женщин больше политиков, предпринимателей, ученых, чем среди татарок. Эта ситуация не может не отражаться на эффективном выполнении чисто женских ролевых обязанностей — таких как мать, жена. Тогда как, устойчивые семьи, которые по традиции должна сохранять именно женщина, в культуре татарского народа достаточно крепки.

Причиной выявленных межнациональных отличий характеристик гендерной идентичности может являться то, что культурные традиции татар в меньшей степени соответствуют современной модели андрогинности общественного сознания, чем культурные традиции русских.

Далее мы попытались выяснить с помощью опросника «Анима», какие из установок, связанных с национальными традициями, влияют на формирование стилей поведения женщин. В этом тесте использовались типы гендерной идентичности женщин, принятые в интегративной психологии, которым даны имена религиозно-мифологических героинь: Мария, София, Елена и Ева. Эти образы являют собой четыре основных архетипа в поведении женщины — добродетели, интеллектуальности, эмоциональности, импульсивности [5]. Ранее мы подробно рассматривали бессознательные установки, характеризующие типы женщин с различной гендерной идентичностью, и зависящие от качества энергии ее представляющей (свет, страсть, тьма). Кроме того, там же мы описывали особенности уровней выраженности этих установок [1, 7].

Результаты частотного распределения показателей уровня выраженности по каждому виду гендерной идентичности представлены в таблице 2. Цифрами указана доля испытуемых, показавших данный результат.

Полученные данные показывают, что у испытуемых русских женщин не высокий уровень выраженности бессознательных установок, формирующих гендерное поведение, характерное для типа Мария по всем трем видам гендерной идентичности. Так, у 58,8% респондентов из этой группы практически не сформированы традиционные материнские установки, 38,4% женщин имеют о них некоторые представления, и лишь 2,8% женщин могут проявлять традиционное материнское принятие ребенка. При этом 34,7% женщин используют деструктивные методы во взаимодействии со своими детьми.

Эта картина позволяет предположить, что, в целом, идея материнства, фундаментом которой служит безусловная любовь матери к ребенку, в полной

Таблица 2. Распределение показателей уровня выраженности по каждому из видов гендерной идентичности женщин

Вид гендерной идентичности	Уровень выраженности установки					
	Русские женщины			Татарские женщины		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Мария — свет	58,8	38,4	2,8	1,5	4,5	94
Мария — страсть	48	49	3	0,3	2,7	97
Мария — тьма	65,5	34	0,5	92	7,3	0,7
София — свет	42,5	44,5	13	10	85	5
София — страсть	60	38	2	5	40	55
София — тьма	45,4	48	6,6	75	20	5
Елена — свет	8,8	41,7	49,5	7	10	83
Елена — страсть	56	37	7	91	8	1
Елена — тьма	70	22	8	98	1,8	0,2
Ева — свет	58,5	36	5,5	10	3	87
Ева — страсть	7	53	40	89,8	8,2	2
Ева — тьма	46	50	4	93	5	2

мере не понимается, а потому и не реализуется большинством опрошенных нами русских женщин. Они практически не признают необходимость следования и поддержания патриархальных традиций, в русле которых и должно происходить воспитание детей. Четкие критерии, которые являются фундаментом формирования нравственности подрастающего поколения, имеют лишь 13% опрошенных женщин из этой группы. Подобное материнское поведение приводит к появлению аморфных или деструктивных тенденций в вопросах воспитания, к спутанности гендерных ролей у ребенка. В условиях современного общества, вероятно, очень трудно определиться для самой женщины с теми идеалами, принципами и средствами, которые позволяли ли бы

ей однозначно решить проблемы воспитания подрастающего поколения.

В то же время, практически у всех испытуемых татарок (94%), мы видим ярко выраженные установки, свидетельствующие о традиционном психологическом принятии ребенка матерью. Только у ничтожной доли женщин этой группы испытуемых материнство лишено эмоционального принятия собственного ребенка. Для 97% женщин, принимающих участие в исследовании, характерна преданность традициям в вопросах воспитания. Для 85% респонденток этой группы достаточно определены морально-нравственные ориентиры в вопросах воспитания детей. Этот факт подтверждает предположение о том, что даже в современных условиях в российском обществе для татарской

женщины практически не существует проблем с определением идеалов, принципов и средств, которые способствовали бы разрешению проблем воспитания подрастающего поколения. В этом случае материнские обязанности четко определены и помогают формированию гендерных ролей у ребенка, которые более соответствуют традиционному принятым нормам.

Установки, способствующие формированию традиционной женской эмпатии, сопереживания, эмоциональной вовлеченности (гендерный тип Елена), показывают, что практически все опрошенные нами русские женщины (91%) обладают высокой способностью к сопереживанию. Но почти половина из них характеризуется непостоянством в отношениях, их увлечения переменчивы. Часто меняются цели, их интересы недолговечны. Главной своей ценностью эти женщины считают любовь. Однако, отсутствие четких моральных идеалов в их жизни дает возможность трети из этой группы добиваться своих целей, используя такие низменные приемы женского коварства как лживость, клевета, измена, лживость, интриги.

Установки, характеризующие тот же тип у татарских женщин, говорят о том, что большинство из них (83%) имеют высокий уровень эмпатийного принятия другого человека. Эти женщины наделены большой способностью к пониманию и умению поддержать любого, независимо от статуса и возраста, расы и культурной идентичности. Гибкость в эмоциях позволяет им сопереживать и конструктивно поощрять любого. Для большей части женщин, воспитанных в татарских традициях (98%), не приемлемо поведение, связанное с безнравственностью, хитростью, супружеской неверностью. Эмоциональная неустойчивость, быстрая смена желаний и интересов наблюдается лишь у 1% татарок.

Показатели уровней выраженности установок, формирующих особенности сексуального поведения позволяют предполагать наличие некоторых проблемных моментов в поведении русских женщин. С одной стороны, значимая часть их не умеет строить отношения с мужчиной как с близким по духу человеком (58%), а с другой стороны, большая доля прагматичности в отношениях с мужчинами позволяют женщинам манипулировать ими для удовлетворения своих потребностей (94%). Подобную манипуляцию большинство женщин стремятся скрыть за социально-приемлемым поведением. И при этом, в обществе русских женщин формируются установки и мнения, что можно очень многого добиться через сексуальные отношения. Огромное количество молодых русских женщин считают, что можно и нужно успеть выгоднее «продать» себя, и суметь использовать дивиденды от этой продажи (54%).

Анализ выраженности установок по этому же гендерному типу у татарских женщин показывает несколько иную картину. Среди них 87% опрошенных утверждают, что между близкими мужчиной и женщиной непременно должна существовать духовная близость, без которой их союз не возможен. У большей части татарских женщин (89,8%) выявлен низкий уровень выраженности социальных установок, касающихся получения выгоды от взаимодействия с мужчиной. Ей не надо «продавать» себя и обеспечивать надежный тыл себе и своим детям, так как это гарантируется национальными традициями. 93% татарок практически не знакомы с деструктивными сексуальными установками в своих отношениях с мужчинами. Традиции исключают среди женщин карьерный рост, достижения материального благополучия, власти и славы через сексуальные отношения.

Сравнивая результаты исследования по двум группам женщин, мы видим, что для большинства татарских женщин характерно традиционное женское поведение. Поведенческие паттерны более однородны, стабильны и предсказуемы. Установки, которые сформированы в обществе под влиянием крепких традиций, сохраняемых в течение многих веков, позволяют четко определять идеальные образы женственности и мужественности.

Среди русских женщин проявления традиционных фемининных форм поведения гораздо менее выражены. Опрошенные женщины из этой группы испытуемых обладают более многоформным поведением. Размытость традиций, характерных для современного состояния русской культуры, производит на свет множество социальных установок, порой противоречащих друг другу, накладывающихся друг на друга. Это часто порождает у женщин внутреннюю рассогласованность, противоречие, создает почву для внутреннего конфликта, ведет к внутренней нестабильности и, как следствие, к проявлению неадекватных форм поведения. Существующие противоречия расслаивают стереотипное представление о женском поведении и предназначении. Кроме того, отсутствие устоявшихся традиций лишает женщину идеалов, на которые необходимо опираться в процессе воспитания детей.

Таким образом, можно говорить с большой долей вероятности о том, что чем выше уровень культурно обусловленных традиций в социальной группе,

тем однороднее гендерная идентичность ее членов.

Литература

1. Боллигер Л.В. Исследование установок, обуславливающих гендерную идентичность современной женщины // Седьмая волна психологии. Вып. 6. — Ярославль; Минск: МАПН, ЯрГУ, 2009. С. 49–54.
2. Воробьев Н.И. Казанские татары. — Казань: Татар., кн. изд-во, 1953. 382 с.
3. Зинурова Р.И. Этнокультурные условия социального становления молодежи // Молодежный вестник Татарстана. 11 выпуск. — Казань, 2004. С. 73–75.
4. Зорин Н.В. Символы невесты в русских свадебных обрядах (По материалам Казанского Поволжья) // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (историко-этнографические очерки). — Казань: изд-во Казанского университета, 1990. С. 38–49.
5. Козлов В.В. Интегративная психология. — М., 2007. 675 с.
6. Козлов В.В., Бызова Л.В. Тест «Анима»: Опросный метод исследования глубинных личностных сценариев женщины — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009.
7. Козлов В.В., Боллигер Л.В. Преобладающие сочетания установок, определяющих гендерную идентичность у женщин // Седьмая волна психологии. Вып. 7. — Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2010. С. 99–109.
8. Мусина Р.Н. Дети в татарской семье // Историческая этнография татарского народа. — Казань, 1990. С. 110–129.

Bolliger L.T. Prosekina A.N. The influence of gender identity traditions

The article deals with the influence of traditional gender identity. Research shows that the higher the level of culture traditions in the social group, the more homogenous gender identity of its members.

Keywords: Femininity, masculinity, gender role, model, form, installation, image.

Буровихина И.А., Лидерс А.Г., Москва

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ АКТУАЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ СИТУАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ БУДУЩЕЙ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Работа направлена на освещение вопроса о связи опыта взаимоотношений, полученного в родительской семье, и особенностей представлений о своей семье в будущем у современных подростков. Эмпирические результаты позволяют признать наличие согласованности между характером актуального внутрисемейного взаимодействия и оценкой значимости создания своей семьи как одного из возможных событий будущего, а также переживанием его как позитивного и необходимого этапа реализации жизненных планов личности.

Ключевые слова: родительская семья, представления о будущем, сплоченность, гибкость, семейная система.

Семья как институт социализации и социального развития ребенка дает ему в качестве образца модель отношений членов родительской семьи, на основе которой дети впоследствии выбирают партнеров и воспроизводят структуру отношений родительской семьи в своей новой семье (Дружинин В.Н., 2006). Нас как исследователей заинтересовал важный вопрос о том, каким образом воспроизводится опыт родительской семьи в представлениях о своей будущей семье, попытки ответить на которые мы представили в нашей работе.

Целью данной работы является поиск взаимосвязей между особенностями переживания актуальной семейной ситуации и представлений о перспективах будущей семейной жизни у современных подростков. Важно отметить, что замысел данного исследования не является самостоятельным, а скорее представляет из себя реализацию одной из многочисленных идей масштабного диагностического плана, что определит характер обсуждения полученных результатов и направит его на поиск и объяснение частных связей отдельных параметров для подтверждения или опровержения гипотезы о «воспроизводстве» опыта, полученно-

го подростком в ходе взаимодействий внутри родительской семьи, в намерениях строить в будущем свою семью в соответствии с теми или иными принципами.

В исследовании принимали участие 260 респондентов 12–16 лет, учащиеся 6–10 классов средних общеобразовательных школ г. Королева Московской области: 130 подростков 12–14 лет (младшая возрастная группа) и 130 подростков 15–16 лет (старшая возрастная группа). Все подростки воспитываются в полных семьях. Для изучения особенностей переживания актуальной семейной ситуации нами были использованы тесты «Диагностика сплоченности и гибкости семейной системы» Д.Олсона в адаптации А.Г.Лидерса (Лидерс А.Г., 2008), а также опросника И.М.Марковской «Взаимодействие родитель-ребенок» в варианте для подростков (Марковская И.М., 2005), позволяющего диагностировать 10 параметров детско-родительских взаимоотношений, из которых для верификации гипотезы данного исследования были использованы только результаты по трем из десяти возможных шкал (Шкала 4 «Эмоциональная близость к родителю», Шкала 5 «Принятие подро-

стка родителем» и Шкала 10 «Удовлетворенность подростка взаимоотношениями с родителем») как косвенных показателей удовлетворенности сложившейся внутрисемейной ситуацией. Для выявления представлений о будущих перспективах семейной жизни мы применили тест «Твоя линия жизни» А.Кроника в его бланковом варианте (Лидерс А.Г., 2008), в анализе которого здесь обращали внимание только на характер повествования о предстоящих планах и на указание (или отсутствие указания) в них на события, связанные с семейной жизнью: наличие создания собственной семьи (замужество, женитьба) среди значимых событий будущего вообще; упоминание о рождении детей в качестве одной из предстоящих целей; указание на предполагаемый возраст вступления в брак, общее число семейных событий, названных в планах на будущее, размерность доли семейных событий среди других значимых свершений предстоящей жизни. Для выявления различия в уровне исследуемого признака (например, при оценке насыщенности будущей жизни семейными событиями) мы проводили оценку значимости различий по критерию Манна-Уитни; для понимания того, как взаимосвязаны различные характеристики актуальной семейной ситуации и представления о своей будущей семье, был осуществлен корреляционный анализ результатов с расчетом коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Так, подростки, оценивающие в своих ответах уровень эмоциональной близости членов своей родительской семьи как высокий и очень высокий (шкала 1 теста Д.Олсона), указывают значимо больше важных событий будущего, связанных с семейной жизнью, чем их сверстники из эмоционально более холодных, дистанцированных по их же оценкам семей ($r = 0,23, p < 0,01$).

Большей выраженности достигает эта связь в ответах девочек ($r = 0,48, p < 0,01$), значительная доля которых выстраивает перспективу своей будущей жизни прежде всего из событий, связанных с рождением и воспитанием детей, уходом за внуками. Углубляясь в качественный анализ значимых событий будущего, связанных с семейной жизнью, отметим, что подростки, переживающие отношения членов своей семьи в настоящем как близкие и доверительные, значимо чаще указывают на стремление в будущем создать свою семью ($U = 4668,5, p = 0,02$) и чаще называют предполагаемое количество детей в своем браке ($U = 5201,5, p = 0,00$) по сравнению со сверстниками из «разобщенных» и «разделенных» семей. По-видимому, позитивный опыт отношений, полученный подростками в общении с родителями, формирует у них позитивное представление о семье в целом и позволяет воспринимать перспективу ее создания в будущем как светлый и, что очень важно, необходимый этап реализации жизненных стремлений личности. Подтверждает этот вывод и факт того, что респонденты, чья актуальная семейная ситуация по их оценкам отличается благополучием (высокая сплоченность членов семьи, эмоциональная близость в отношениях хотя бы с одним из родителей), дают более распространенные описания предстоящих семейных событий жизни, например, чаще указывают пол своих детей, называют их по именам и даже кратко описывают характерологические особенности их будущих брачных партнеров. Интересно, что предполагаемый возраст вступления в брак оказывается никак не связанным с оценкой актуальной семейной ситуации ($r = -0,05, p = 0,5$), хотя можно было бы предположить, что те подростки, переживающие отношения с родителями которых отличается взаимным довери-

ем и безусловным принятием подростка, будут стремиться раньше создать свою семью, открывая тем самым для себя в жизни источник ярких положительных переживаний, понимания. Также обращает на себя внимание факт того, что переживание эмоциональной близости по отношению к отцу и доверия ему (шкала 4 опросника И.Марковской) как у мальчиков ($r = 0,45$, $p = 0,02$), так и у девочек ($r = 0,57$, $p = 0,00$) связано с упоминанием значимо большего количества важных событий будущего, относящихся к семейной жизни, что заставляет задуматься о решающей роли отца в формировании у ребенка умения сопереживать и быть чутким, идеальным пространством реализации которого является семейная жизнь (Ильин Е.П., 2002).

При этом оценка гибкости семейной системы оказывается никак не связанной с представлениями о будущих перспективах семейной жизни, что, на наш взгляд, является указанием на то, что само переживание легкости или сложности изменения внутрисемейных правил и ролей не является прямым коррелятом удовлетворенности внутрисемейной жизнью и, как следствие, не по-

буждает напрямую избегать ее или, напротив, активно способствовать ее созданию и созиданию в будущем.

Таким образом, выявленные в исследовании связи позволяют судить о том, что переживание подростком актуальной семейной ситуации как характеризующейся взаимным пониманием и доверием своих членов, эмоционально теплой, возможно, формирует у него позитивные представления о семье вообще, поднимает значимость и важность семьи в глазах подростка как одной из возможных перспектив будущего и часто позволяет воспринимать ее как приоритетное направление реализации жизненных планов и перспектив.

Литература

1. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб.: Питер, 2002.
2. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. — М.: Академия, 2008.
3. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. — СПб.: Речь, 2005.

Burovihina I.A., Liders A.G. Feature of experience of an actual family situation and representation about prospects of the future home life at modern teenagers

Work is directed on illumination of a question on communication of experience of the mutual relations received in a parental family, and features of representations about the family in the future at modern teenagers. Empirical results allow to recognise coordination presence between character of actual intrafamily interaction and an estimation of the importance of creation of the family as one of possible events of the future, and also its experience as positive and necessary stage of realisation of vital plans of the person.

Keywords: a parental family. Representations about the future, unity, flexibility, family system.

Витютина Т.А., Москва

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Приводятся данные эмпирического исследования социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний больных шизофренией. В основу легло представление, что структура социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний больных шизофренией будет искажена в отличие от структуры социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний здоровых людей.

Ключевые слова: социально-психологический контекст, экзистенциальные переживания, личность, ценностно-смысловая сфера, смысло-жизненные ориентации, жизненные ценности, мотивация, потребности, внутренние конфликты, внутренние вакуумы.

Задача синтеза имеющихся представлений о шизофрении по сей день не выполнена, более того, она редко обсуждается в психологической литературе. В связи с этим, в нашем исследовании мы делаем попытку подойти к проблеме описания феномена шизофрении с помощью системы психологической диагностики, основанной на исследовании особенностей экзистенциальных переживаний больных, а также оценить роль социально-психологического контекста в возникновении шизофрении.

В социальных науках, прежде всего в исследованиях патологии, развивались альтернативные точки зрения на психические расстройства. Общее в этих подходах — акцентирование социальных переменных в возникновении и поддержании психических расстройств.

Сторонники семейной терапии и приверженцы межличностных моделей, считали, что нарушение заключается в социальной системе (семье), в интеракции, коммуникации и отношениях членов системы между собой.

Сторонники же, так называемой антипсихиатрии, в качестве главного условия, ответственного за возникновение патологии, не обязательно рассматривали семью, но и общество в це-

лом. Таким образом, дефект видится уже не в личности, а в социальных группах или в обществе.

В качестве социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний мы рассмотрели ценностно-смысловую сферу больных шизофренией.

Система ценностных ориентаций, являясь психологической характеристикой зрелой личности, одним из центральных личностных образований, выражает содержательное отношение человека к социальной действительности и в этом качестве определяет мотивацию его поведения, оказывает существенное влияние на все стороны его деятельности. Как элемент структуры личности ценностные ориентации характеризуют внутреннюю готовность к совершению определенной деятельности по удовлетворению потребностей и интересов, указывают на направленность ее поведения.

Каждое общество имеет уникальную ценностно-ориентационную структуру, в которой отражается самобытность данной культуры. Поскольку набор ценностей, которые усваивает индивид в процессе социализации ему «транслирует» именно общество, исследование системы ценностных

ориентаций личности представляется особенно актуальной проблемой в ситуации серьезных социальных изменений, когда отмечается некоторая «размытость» общественной ценностной структуры, многие ценности оказываются порушенными, исчезают социальные структуры норм, в постулируемых обществом идеалах и ценностях появляются противоречия [15].

В обыденном сознании понятие «ценность», как правило, ассоциируется с оценением предметов человеческой деятельности и общественных отношений с точки зрения добра и зла, истины или не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого [5].

Человек — существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания [7].

Взаимодействие между субъектом и объектом всегда опосредовано отношением первого ко второму, то есть оценкой. Без этого связующего звена наш выбор становится спонтанным, хаотичным и таким образом теряет смысл. В основе оценки личностью окружающего мира лежат ценностные представления как результат отражения действительности [4].

Ценности, как идеальные сущности, недоступны непосредственному восприятию, однако попытка описания системы ценностей возможна благодаря тому, что мы умеем пользоваться языком, что корпус словаря нашего языка включает слова, за которыми стоят значения, содержащие элементы идеи ценности. Именно язык дает возможность вывести представления о ценностях в «окно сознания» и «расшифровать» их через установленные для них названия, так называемые «слова-ценности» [12].

Ценностная картина представляет собой совокупность взаимодействующих базовых признаков, выход на которые осуществляется через слова-ценности. В качестве выхода на базовые элементы можно обозначить следующие слова-ценности: любовь, дружба, семья, счастье, здоровье, мир, деньги, работа.

Совокупность сложившихся, устойчивых ценностных ориентации образует своего рода систему личностных координат, обеспечивающую устойчивость и преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов человека. В силу этого ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, регулирующим и детерминирующим поведение человека [1].

Формирование индивидуальных ценностей можно представить как процесс интериоризации (присвоения) личностью социальных ценностей. Д.Леонтьев выделяет три взаимопереходящие формы существования ценностей: общественные идеалы, предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и мотивационные структуры личности («модели должного»), побуждающие ее к предметному воплощению в своем поведении и деятельности общественных ценностных идеалов [17; 18].

Упрощенно схема взаимопереходов между формами существования ценностей выглядит следующим образом: «общественные идеалы усваиваются личностью и начинают в качестве «моделей должного» побуждать ее активность, в процессе которой происходит предметное воплощение этих моделей; предметно воплощенные ценности, в свою очередь, становятся основой для формирования общественных идеалов и т.д. по бесконечной спирали». Про-

межуточным звеном, опосредующим этот процесс, выступает система ценностей референтной для индивида малой группы [17; 20].

Таким образом, ценности представляют собой базовые представления о том, что определенные идеи, цели, формы поведения или институты являются индивидуально или социально предпочтительнее иных идей, целей, форм поведения и т.д. Ценности несут в себе нравственные представления индивида о том, что является правильным, положительным или желательным, они — осознанный или интуитивный нравственный выбор того, что для человека является важным и стоящим [13].

Процесс прояснения личностных ценностей включает изучение и переоценку существующих ценностей и выявление позиции человека по вопросам, которые ранее не попадали в фокус его активного внимания. Порой эту задачу нелегко осуществить, так как на ценностные суждения влияют чувства, эмоции, желаний и интересы индивида. Самоанализ сокровенных и не всегда осознаваемых взглядов, определяющих поведение человека, требует значительного времени [11].

Систематизированное прояснение ценностей представляет собой один из видов самопознания. Окружающие могут помочь индивиду прояснить свои ценности, но окончательный выбор человек делает сам.

Отсутствие средств, способных помочь человеку в принятии решений особая проблема, духовное бедствие. Франкл описал это точно: «В отличие от животного, инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно. И в отличие от людей вчерашних дней, традиции больше не говорят современному человеку, что он делать обязан. Не зная, что ему нужно, и не зная, что он должен, человек по-настоящему не знает и того, же он хочет» [18; 89]. Это сопровож-

дается невыносимым ощущением пустоты и может превратиться в настоящую муку. Франкл назвал это ощущение пустоты в сочетании с безмерным чувством бессмысленности «экзистенциальным вакуумом». Оказавшись без внутренних ориентиров для принятия решений, человек начинает испытывать тревогу и страх. Он становится целиком зависимым от внешних обстоятельств [18].

Ценности относительно стабильны и устойчивы. Одна из причин этого — процесс усвоения ценностей в раннем детстве. Детям обычно говорят, что определенное поведение и его результаты всегда желательны или всегда нежелательны. В нравственном обучении, как правило, редко используются полутона. Детей учат, чтобы они были честными и отвечали за свои поступки. Им не говорят быть немного честнее или отвечать лишь за некоторые из своих поступков. Этот «черно-белый» взгляд на жизнь, с помощью которого проводится четкая линия между хорошим и плохим, достойным и недостойным, прекрасным и безобразным и т.д., и определяет во многом устойчивость и стабильность ценностей [3].

Но все же, время от времени, ценности индивида подвергаются испытаниям, которые могут привести к изменению всей системы ценностей. Он может прийти к убеждению о том, что его базовые представления становятся неприемлемыми, однако чаще происходит как раз наоборот: сомнения лишь подкрепляют те ценности, которые индивид уже сформировал.

Ценности имеют как содержательную, так и количественную стороны. С содержательной стороны ценности указывают, какие идеи, принципы, цели поведения и т.д. являются важными. Одну из первых классификаций ценностей предложил Г.Олпорт и его сотрудники [14].

Ценностные представления также могут быть разделены на две большие группы: терминальные и инструментальные [14]. К первой группе относятся ценности, которые выступают базовыми. В соответствии с ними индивид строит свою жизнь, их он готов отстаивать и укреплять. Эта группа включает такие ценности, как человеческое достоинство, любовь, дружба, экономическое процветание, безопасность, равенство возможностей и т.д. Их можно рассматривать как общечеловеческие, универсальные нравственные стандарты, которые, по-видимому, одинаково важны в любой стране и культуре.

Ко второй группе относятся ценности, имеющие более конкретный поведенческий смысл. Они могут быть обозначены прилагательными, в которых отражены виды поведения, которые одобряет или отвергает индивид. Эти ценности могут быть выражены такими прилагательными, как тактичный, преданный, компетентный, патриотичный, вежливый, амбициозный. В отличие от терминальных ценностей, которые характеризуются значительной устойчивостью и консервативностью, инструментальные ценности более гибки и подвижны. Как и другие элементы поведения, они в значительной степени подвержены изменениям в результате обучения или нового опыта.

То, в какой степени данная ценность важна для индивида, рассматривается исследователями как количественная характеристика ценностной сферы. Для ее оценки учеными созданы различные опросники, позволяющие измерить степень важности, которую придает индивид той или иной ценности. Количественная оценка совокупности отдельных ценностей позволяет выявить систему ценностей индивида. Она обычно представляет иерархическую структуру, в которой одни ценности имеют значительно

большой вес и предпочитаются другим. Эта система наглядно демонстрирует, какое значение человек придает, например, свободе, удовольствию, самоуважению, честности, любви, семье, работе [9].

Развитие реабилитационного направления в клинической психологии делает все более важной задачу изучения личностных особенностей больных шизофренией, особенно с учетом знания ценностно-смысловой сферы, как показателя экзистенциальных переживаний. Полученные данные могут быть положены в основу разработки реабилитационных и психотерапевтических программ по работе с больными шизофренией, использоваться для оценки эффективности лечения. В связи с этим можно говорить об актуальности данной работы. Проникновение во внутренний мир больного, попытка его осмыслить для себя и понять, понять то какими он видит окружающих людей, каким представляет себя и каким видит мир, являются необходимыми условиями успешной терапии.

В содержание внутреннего мира больных шизофренией обычно вкладывают все то, что больной чувствует, что составляет его прошлое, будущее и настоящее, что иногда является интимным переживанием, скрываемым от внешнего мира и даже от самого себя, и имеет собственную, своеобразную для больного тематику, структуру и колорит.

Этот внутренний мир пациента, специалисты пытаются воссоздать на основе очень фрагментарных сведений, полученных от самого больного и о больном. Это сообщения от окружающих, его собственные высказывания, наблюдения его поведения, и особенно его эмоциональных, чувственных реакций [8].

Нередко данная интерполяция, то есть определенная целостность, вы-

строенная из отдельных фрагментов, может быть неадекватной, и это надо учитывать, в этом случае ее необходимо бывает изменить при дальнейших контактах с больным.

Касаясь конкретно содержания внутреннего мира больных шизофренией, необходимо отметить то, что в нем на передний план выдвигаются метафизические проблемы. Это является одной из черт, которые позволяют отличать шизофренический бред от иных видов бреда. Тематика нешизофренического бреда обычно бывает свободна от специфической окрашенности метафизическими проблемами.

Метафизическую тематику шизофренического мира можно разделить на три направления: онтологическое, эсхатологическое и харизматическое [8].

При шизофрении довольно часто наблюдается тенденция к философствованию; проблемы добра, зла, смысла жизни, устройства мира, высшей цели человека и т.д. не просто интересуют больных, а становятся существенным делом их жизни. Больной шизофренией живет в мире, им самим созданным, ради которого он готов страдать и отдать жизнь при необходимости.

Ряд исследователей изучали внутренний мир больных шизофренией, чье содержание уникально и не похоже на содержание внутреннего мира здорового человека [15], [2].

Существует небольшое количество научных работ, посвященных исследованию личностных особенностей больных шизофренией. В отечественной психологии традиции исследования шизофрении были заложены, в основном, работами Б.В.Зейгарник, Ю.Ф.Полякова [6; 16].

Исследования психологических особенностей больных шизофренией относятся к тому кругу проблем, который привлекает к себе внимание исследователей, в тоже время, подобные

экспериментально-психологические исследования больных шизофренией весьма немногочисленны. К настоящему времени особенно малоизученным аспектом остаются особенности ценностно-смысловой сферы больных шизофренией, как показателя экзистенциальных переживаний в свете социально-психологического контекста.

Б.В.Зейгарник выявила ряд особенностей ценностно-смысловой сферы больных шизофренией: изменение смысловой сферы жизни, искажение жизненных интересов и, как следствие, снижение мотивации, что в конечном итоге ведет к сужению уровня побуждения [6].

Теоретическая значимость данной работы, заключается в разработке системы представлений об особенностях экзистенциальных переживаний на примере ценностно-смысловой сферы и выявление нарушений в социально-психологическом контексте, как возможном триггере возникновения шизофрении.

Целью проведенного нами исследования явилось выявление специфики и структуры нарушений социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний. За основу была взята ценностно-смысловая сферы больных шизофренией. В исследовании приняли участие 30 лиц, страдающих шизофренией в возрасте от 21 до 55 лет, без тяжелого органического поражения. Контрольную группу составили 30 условно здоровых испытуемых. Больные, принявшие участие в исследовании, находятся на стационарном лечении в ПБ № 3. Экспериментатор работала как с мужчинами, так и с женщинами, не стремясь к однородности выборки, так как ничто не указывает на возможные влияния гендерных различий на результаты.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что структура социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний больных шизофренией будет искажена в отличие от структуры социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний здоровых людей.

В исследовании был использован ряд методик, которые, достаточно, часто используются в исследовании особенностей ценностей ценностно-смысловой сферы здоровых людей, на примере которых можно проследить социально-психологический контекст экзистенциальных переживаний.

Во-первых, — это методика «Анкета жизненных ценностей». Эта методика является специально сконструиро-

ванной для достижения целей нашего исследования и представляет собой анкету открытого типа, в которой испытуемым предлагается записать свои жизненные ценности в свободном порядке и оценить (по 10-ти бальной шкале) каждую из них по их значимости и доступности. При обработке использовался контент-анализ содержания перечисленных ценностей. Оценивалась частота встречаемости той или иной ценности. Эта методика давалась первой, чтобы исключить влияние шаблонных ответов и ответов по образцу списка ценностей, представленных в методике Е.Б.Фанталовой [17].

Второй явилась методика на исследование «Смыслжизненных ориента-

Таблица 1. Показатели смысложизненных ориентаций у больных шизофренией и у здоровых людей

Больные шизофренией	
Шкалы	Среднее арифметическое
Цели в жизни	32,15
Процесс жизни	27,55
Результативность жизни	24,1
Локус контроля — Я	19,55
Локус контроля — жизнь	27,7
Осмысленность жизни	97,2
Здоровые люди	
Шкалы	Среднее арифметическое
Цели в жизни	30,4
Процесс жизни	28,6
Результативность жизни	24
Локус контроля — Я	19,8
Локус контроля — жизнь	29,95
Осмысленность жизни	96,7

Таблица 2. Статистическая значимость различий по показателям смысло-жизненных ориентаций у больных шизофренией и у здоровых людей

Шкалы	Достоверность
Цели в жизни	0,818
Процесс жизни	0,533
Результативность жизни	0,871
Локус контроля — Я	0,776
Локус контроля — жизнь	0,364
Осмысленность жизни	0,756

ций» в адаптации Д.А.Леонтьева. [10]. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) является адаптированной версией теста «Смысл в жизни» Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Методика была разработана авторами на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла и преследовала цель эмпирической валидации ряда представлений из этой теории, в частности, представлений об экзистенциальном вакууме и ноогенных неврозах. В целом, основная задача методики — определение особенностей жизненных установок человека.

Третьей была использована Методика Е.Б.Фанталовой «Уровень соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах» [17].

В основу замысла методики легло гипотетическое предположение автора о том, что одной из существенных детерминант мотивационно-личностной сферы является подвижное, постепенно меняющееся в процессе деятельности в зависимости от жизненных обстоятельств соотношение между двумя плоскостями «сознания». А именно: между плоскостью, вмещающей в себя осознание ведущих жизненных ценностей, личностных замыслов, дальних жизненных целей, и плоскостью всего, что является непосредственно доступ-

ным, связанным с осуществлением конкретных, легкодостижимых целей, находящихся в «обозримом психологическом поле», в зоне легкой досягаемости.

Исследование проводилось с января по апрель 2009 в клинической психиатрической больнице № 3 им. В.А.Гиляровского.

В результате исследования были получены показатели смысло-жизненных ориентаций у лиц, страдающих шизофренией и у здоровых людей.

Среднее арифметическое по показателям смысло-жизненных ориентаций у больных шизофренией и у здоровых людей представлены в таблице 1.

В качестве порогового значения при оценке статистической значимости полученных результатов, мы использовали $p < 0,05$. Статистическая значимость различий по исследуемым параметрам «смысло-жизненных ориентаций» у больных шизофренией и у здоровых людей, вычисленная с применением критерия Манна-Уитни, представлена Таблице 2.

Как видно из таблицы 2, статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной выборками получено не было. У испытуемых обеих групп были выявлены сред-

ние показатели по всем шкалам смысловых ориентаций: цели в жизни; процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; результативность жизни или удовлетворенность самореализацией; локус контроля-Я (Я — хозяин жизни); локус контроля или управляемость жизни, что в свою очередь характеризует норму.

Результаты исследования соотношения ценности и доступности для лиц, страдающих шизофренией и условно нормальных людей, представлены соответственно в таблицах 3 и 4.

Из полученных данных видно, что как в группе больных, так и в группе здоровых испытуемых почти все жизненные ценности находятся в нейтральной зоне, таким образом, анализ

Таблица 3. Показатели уровня соотношения ценности и доступности у лиц, страдающих шизофренией

№ ценности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ценность	4	7	5	3	6	5	5	6	5	6	7	4
Доступность	6	7	5	5	6	4	6	6	5	5	5	5
Ценность-доступность	-2	0	0	-2	0	1	-1	0	0	1	2	-1
ВК\ВВ\НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ

Таблица 4. Показатели уровня соотношения ценности и доступности у здоровых людей

№ ценности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ценность	3,6	8,0	3,3	2,7	8,1	4,6	5,9	6,5	3,6	5,1	12,2	3,4
Доступность	6,3	4,9	5,2	5,9	5,1	3,3	5,5	5,3	6,6	5,6	6,3	4,1
Ценность-доступность	-2,7	3,1	-1,9	-3,2	3,0	1,3	0,4	1,2	-3,0	-0,5	5,9	-0,7
ВК\ВВ\НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ	ВК	НЗ

Где ВК — внутренний конфликт, ВВ — Внутренний вакуум, НЗ — нейтральная зона.

1. Активная, деятельная жизнь;
2. Здоровье (физическое и психологическое);
3. Интересная работа;
4. Красота природы и искусства (переживание прекрасного);
5. Любовь;
6. Материально обеспеченная жизнь;
7. Наличие хороших и верных друзей;
8. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений);
9. Познание (возможность расширения своего образования);
10. Свобода как независимость в поступках и действиях;
11. Счастливая семейная жизнь;
12. Творчество (возможность творческой деятельности).

Таблица 5. Группа больных шизофренией: внутренние конфликты (суммарный показатель)

Счастливая семейная жизнь	30%	38
Свобода	23%	
Материально обеспеченная жизнь	17%	
Здоровье	13%	
Любовь	13%	
Познания	13%	

Таблица 6. Группа условно здоровых: внутренние вакуумы (суммарный показатель)

Активная, деятельная жизнь	27%	31
Природа и искусство	20%	
Творчество (возможность творческой деятельности)	13%	
Материально обеспеченная жизнь	10%	
Уверенность в себе	10%	

Таблица 7. Больные шизофренией. Внутренние конфликты (суммарный показатель)

Здоровье	60%	70
Счастливая семейная жизнь	27%	
Уверенность в себе	23%	
Любовь	19%	
Наличие друзей	15%	

Таблица 8. Группа условно здоровых. Внутренние вакуумы (суммарный показатель)

Природа и искусство	50%	58
Познания	40%	
Активная, деятельная жизнь	33%	
Здоровье	23%	
Свобода	17%	

Таблица 9. Количественный анализ ценностей лиц, страдающих шизофренией и здоровых людей

Ценность	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Любовь	40%	100%
Семья, здоровье	30%	100%
Еда, продукты питания	30%	0%
Работа	20%	80%
Родители, родственники	27%	67%
Материальные блага	37%	67%
Друзья	13%	60%
Дети	10%	53%
Учеба	17%	53%
Гармония	0%	50%
Счастье	0%	47%
Уверенность, свобода, стабильность	0%	30%
Творчество	7%	10%
Человеческие качества (верность, честность)	13%	7%
Красота мира, путешествия	13%	3%
Недвижимость, природа, поэзия, религия, спорт	10%	0%
Жизнь, отдых за рубежом	7%	0%
Книги, свобода, погода, рыбалка, рыбалка, золото, общество	3%	0%

средних показателей в данной методике не позволяет нам сделать содержательных выводов. Но в группе условно здоровых людей наблюдается существенный внутренний конфликт в категории «счастливая семейная жизнь». Выражена потребность в реализации этой ценности, но она не доступна, в силу тех или иных обстоятельств. Это показатель рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, свидетельствующий о степени неудовлетворенности текущей жиз-

ненной ситуацией, блокады основных потребностей, внутреннего дискомфорта, внутренней конфликтности, а также об уровне самореализации.

В целом, исходя из полученных данных, можно заключить, что у здоровых людей, также как и у страдающих шизофренией, наблюдается преобладание НЗ над ВК и ВВ. Это означает, что на субъективном уровне и для больных шизофренией и для здоровых людей характерно ощущение гармонии, удовлетворенности, в целом, характерно

совпадение желаемого и реального, «хочу» и «могу», а также «хочу» и «имею».

Рассмотрим соотношение ценности и доступности по количественным показателям выраженности внутреннего конфликта и внутреннего вакуума.

Как видно из таблицы, у лиц, страдающих шизофренией, внутренние конфликты наиболее выражены в таких ценностных сферах, как: счастливая семейная жизнь, свобода, материально обеспеченная жизнь. Это отражает потребность больных в данных ценностях, однако они им недоступны.

Внутренние же вакуумы наиболее выражены в таких ценностных сферах как: активная, деятельная жизнь, природа и искусство. Больным шизофренией доступны эти ценности, но они не испытывают в них потребности. В этих сферах наблюдается состояние внутренней опустошенности и отсутствие побуждений.

Как видно из таблицы, у условно здоровых людей внутренние конфликты выражены в таких ценностных сферах как: здоровье, счастливая семейная жизнь, уверенность в себе, любовь, наличие друзей. Это отражает потребность здоровых испытуемых в данных ценностях, однако они им не доступны, поскольку в силу тех или иных обстоятельств, заблокированы. То, что ценно для личности, того нет. В этих областях наблюдается дисгармония, внутренний дискомфорт, неудовлетворенность текущей жизненной ситуацией.

Внутренние вакуумы же наиболее выражены в таких ценностных сферах как: природа и искусство, познания, активная, деятельная жизнь. Здоровым испытуемым доступны эти ценности, но они не испытывают в них потребности. В этих сферах наблюдается состояние внутренней опустошенности отсутствие побуждений. Видимо, чем

лучше человек умеет выбирать и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям, тем больше у человека появляется целей в жизни, которых он хотел бы достичь, реализовать, тем более у него выражены желания найти убеждения, мотивацию, которые бы предавали его жизни цели и смысл.

В результате обработки списков ценностей по «Анкете жизненных ценностей» была сделана классификация содержания и соответственное соотношение, и подсчет по этой классификации.

Обсуждение результатов

Таким образом получилось, что в выборе категорий общепризнанных ценностей у больных шизофренией наблюдается снижение по сравнению со здоровыми людьми. Эти ценности (например, любовь, семья) предполагают определенный эмоциональный отклик, поэтому можно предположить сниженный эмоциональный фон, что соответствует внутреннему шизофреническому миру. Если исходить из того, что социально-психологический контекст заложен семьей, то видно, что в случае шизофрении семейный сценарий нарушен. Здоровые люди имеют более близкие и доверительные отношения с окружающими, более способны к проявлению любви, эмпатии и близости. Меньший процент больных шизофренией (по сравнению со здоровыми), использующих категории общепризнанных ценностей, дает основания предположить, что общепризнанные ценности для них важны, но не играют доминирующей роли в мотивации поведения. Наглядно видно сужение уровня побуждений в экспериментальной группе. При шизофрении дефицит взаимодействия с социальным окружением ведет к тому, что

самая близкая сфера контакта с ним деформируется, больной не имеет эмоционально-чувственного контакта с окружением, чтобы реализовать свои чувственные установки. Возможно, это связано с высокой степенью аутизации, ведущей к закрытости, к отсутствию включенности в социум, к изоляции от социума и росту автономии. Это дает основания предположить экзистенциальный вакуум, а также нарушения в социально-психологическом контексте, если рассматривать семью как — социальную систему и окружающих, как общество и социальную группу.

Так же, как видно из таблицы 9, по сравнению со здоровыми людьми, в группе больных шизофренией в списке ценностей не перечислены такие понятия как счастье, гармония, уверенность в себе, свобода, что говорит об измененности экзистенциальных ценностей больных шизофренией. Видимо, условно здоровые люди не испытывают вакуума в этих сферах и, в целом, позитивно относятся к себе и к внешнему миру.

В группе больных шизофренией наблюдаются всякого рода перемещения в иерархии ценностей. Например, в качестве основных жизненных ценностей указываются: еда, продукты питания, спорт, природа, погода, чего совершенно не наблюдается в группе условно здоровых людей. Особенно интересно, на наш взгляд, что больные шизофренией особо выделяют ценности, как предметы удовлетворения оральных потребностей (еда). Данный феномен можно соотнести с теорией возникновения шизофрении в классическом психоанализе, где данное заболевание объясняется с точки зрения фрустрации маленького ребенка со стороны матери на оральной стадии развития [8]. Это дает основание предположить нарушения в социально-психологическом контексте, если рас-

сматривать семью как социальную систему.

Объяснением изменения иерархии ценностей у больных шизофренией может служить изменение смысловой сферы жизни, искажение жизненных интересов и, как следствие, снижение мотивации, что в конечном итоге ведет к сужению уровня побуждения. Таким образом, для человека, лишённого возможности действовать, сферой активности становится неподдающаяся проверке часть мира, в ней он чувствует себя в безопасности, будучи свободным от необходимости принятия активной позиции. Активность становится оторванной от действительности. Больше волнует то, что далеко, а не то, что рядом и требует включенности. «Бренные» дела мало интересуют больного. Заботы повседневной жизни больных мало волнуют; они существуют в обратной перспективе — они смотрят вдаль. Для них важнее страдания людей, живущих в отдаленных странах, судьба человечества и т.п. [8].

В результате многое из того, что ранее имело для больного личностный смысл (например, учеба, работа, дружба, любовь), постепенно теряет его, по сравнению со здоровой личностью. В результате теряется и побудительная сила мотива. Из этого также просматривается, немало важный момент: оскудение деятельности оказывает и обратное «влияние» — не формируются новые мотивы.

Видимо, чем лучше человек умеет выбирать и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям, тем больше у человека появляется целей в жизни, которых он хотел бы достичь, реализовать, тем более у него выражено желания найти убеждения, мотивацию, которые бы предавали его жизни цели и смысл. В этом тоже видится сужения уровня

побуждения лиц, страдающих шизофренией.

Что касается оценки испытуемыми данных ценностей по 10-ти бальной шкале, то у больных шизофренией обнаруживается, что значимые ценности доступны и не наблюдается ни внутренних вакуумов, ни конфликтов. Внутренний конфликт и внешний вакуум, выявляются, как значительное расхождение между ценностью и доступностью. Это показатель рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, свидетельствующий о степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, блокады основных потребностей, внутреннего дискомфорта, внутренней конфликтности, а также об уровне самореализации. Это расхождение между «желаемым» и «реальным». Это как бы расхождение между «хочу» и «могу», между «хочу и «имею». Отсутствие рассогласования между ценностью и доступностью у больных шизофренией может указывать на нарушение тестирования реальности, то есть больные уверены, что все, что им необходимо, они имеют.

Это делает разительным контраст по сравнению с условно здоровой группой людей. В ней отчетливо видны внутренние конфликты в таких категориях ценностей как: любовь, здоровье, семья, свобода, материальные блага, гармония, счастье, уверенность в себе. Это отражает потребность здоровых испытуемых в данных ценностях, однако они им не доступны, поскольку, в силу тех или иных обстоятельств, заблокированы. Иными словами, что для меня ценно, того у меня нет или есть, но не удовлетворяет мою потребность в этом.

Внутренние же вакуумы наблюдаются у данной группы в таких областях как учеба, творчество, работа, То есть, эти ценности доступны в контрольной выборке, но они не испытывают в них потребности. В этих сферах наблюда-

ется состояние внутренней опустошенности отсутствие побуждений. В группе здоровых людей наблюдается состояние преобладания внутреннего конфликта над внутренним вакуумом. Те ценности, которые важны для личности, заблокированы, в них дисгармония и неудовлетворенность. Те же ценности, которые доступны, не так уж не нужны.

Изменение иерархии ценностей представляет существенную проблему в лечении и реабилитации больных; нельзя навязывать им нормативную иерархию ценностей, но следует, исходя из учета того, что является для них самым важным, и отталкиваясь от этих вещей, постепенно расширять круг их интересов.

Выводы

Результаты проведенного исследования выявляют, что структура социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний больных шизофренией искажена, в отличие от структуры социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний здоровых людей.

В социально-психологическом контексте экзистенциальных переживаний больных шизофренией наблюдается экзистенциальный вакуум, нарушение социального взаимодействия, которое заключается в нарушении в социальной системе (семье), в интеракции, коммуникации и отношениях членов системы между собой.

Также гораздо меньший процент общепризнанных ценностей, по сравнению со здоровыми людьми, что дает основания предположить, что общепризнанные ценности важны, но не играют доминирующей роли.

Анализ количественных показателей выраженности смысложизненных

ориентаций и уровня соотношения «Ценности» и «Доступности» в различных жизненных сферах не дает возможности сделать содержательные выводы о различиях в ценностной сфере людей, страдающих шизофренией и в норме. В то время как качественный анализ позволяет нам говорить об изменении социально-психологического контекста экзистенциальных переживаний больных шизофренией по сравнению со здоровыми людьми.

Проведенное нами экспериментальное исследование позволяет также утверждать следующее. Отличительной чертой ценностно-смысловой сферы личности, страдающей шизофренией, является сужение уровня побуждения и, как следствие, нарушение мотивационной сферы.

У больных шизофренией обнаруживается, что значимые ценности доступны и не наблюдается ни внутренних вакуумов, ни конфликтов. Наблюдается преобладание нейтральной зоны над внутренним конфликтом и вакуумом. Это означает, что на субъективном уровне для людей, страдающих шизофренией характерно ощущение гармонии, удовлетворенности. Возможно, это связано с нарушением способности к тестированию реальности и уменьшению критичности у больных шизофренией.

У больных шизофренией наблюдаются всякого рода перемещения в иерархии ценностей, чего совершенно не наблюдается в контрольной группе. Объяснением этого может служить экзистенциальный вакуум, нарушение сценария социального взаимодействия, изменение смысловой сферы жизни, социумом, жизненных интересов.

Полученные результаты расширяют, на наш взгляд, понимание психологических особенностей людей, страдающих таким тяжелым психическим

заболеванием как шизофрения. Эти результаты ориентируют в направлении разработки рекомендаций для психокоррекционной и психотерапевтической практики.

Не выходя далеко за тематические границы этого исследования, можно видеть его перспективы в расширении и дифференциации экспериментально-методического инструментария: увеличении выборки испытуемых и батареи экспериментальных методик; использовании дополнительных методов статистической обработки данных; учете дополнительных параметров испытуемых (гендерных, возрастных, образовательных и иных различий); сравнительном анализе психологических особенностей больных шизофренией с больными других нозологий.

Кроме того, нужно отметить, что в настоящей работе использовались стандартизированные экспериментально-психологические методики, по своему устройству, обращенные к сознательной сфере человека. В этой связи представляет интерес дальнейшее исследование психологических особенностей больных шизофренией с помощью проективных методов, что позволило бы провести более объемный, многоуровневый анализ личностной структуры больных.

Литература

1. *Бойко В.И.* Ценности и технологии устойчивого социального развития. — Новосибирск, 1994.
2. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988.
3. *Головных Я.* Ценностные ориентации и перестройка общественного сознания // *Философские науки.* 1989. № 6.
4. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения // *Социологические исследования.* 1991. № 2.

5. *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. — М.: Политиздат, 1986.
6. *Зейгарник Б.В.* Психология личности: норма и патология / Под ред. М.Р.Гинзбург. — М.: МПСИ, 2007.
7. *Калитеевская Е.Р.* Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию / Психология с человеческим лицом / Под ред. Д.А.Леонтьева, В.Г.Щур. — М.: Смысл, 1997.
8. *Кемпинский А.* Психология шизофрении / Пер. с польского А.А.Боричев. — СПб.: Ювента, 1998.
9. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.
10. *Леонтьев Д.А.* Тест смысло-жизненных ориентации (СЖО). — М.: Смысл, 2000.
11. *Логина Н.А.* Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии / Под ред. Л.И.Анцыферовой. — М.: Наука, 1978.
12. *Лэнгле А.* Жизнь наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. 2-е изд. — М.: Генезис, 2004.
13. *Низовских Н.А.* Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3.
14. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В.Трубицыной и Д.А.Леонтьева. Под общ. ред. Д.А.Леонтьева. — М.: Смысл, 2002.
15. *Перри Р.Б.* Общая теория ценности. — М., 1926.
16. *Поляков Ю.Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. — М.: МГУ, 1991.
17. *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. — М.: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001.
18. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. С. 89–92.

Vitutina T.A. Socio-psychological context of existential experiences of patients with schizophrenia

The data of the empirical research on the socio-psychological context of the existential experiences of schizophrenic patients. The basis has placed the notion that the structure of socio-psychological context of the existential experiences of schizophrenic patients will be distorted in contrast to the structure of socio-psychological context of the existential experiences of healthy people.

Keywords: socio-psychological context, existential experience, personality, valuable-semantic sphere, semantic-vital orientations, vital values, motivation, requirements, valuable orientations, internal conflicts, internal vacuum.

Грязнов И.М., Казань

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ НА СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ АДДИКЦИЙ У СТУДЕНТОВ В ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ

Статья посвящена исследованию формирования мотивации на снижение уровня аддикций у студентов в их профессиональном становлении. Полученные результаты выявили теоретическую недостаточность разработок, направленных на решение проблемы профессионального становления аддиктивной личности.

Ключевые слова: аддикция, мотивация, студент, личность, профессиональное образование, специалист.

Правительство и Президент России вновь вернулись к самой злободневной проблеме общества — к проблеме аддиктивного поведения граждан. Дмитрий Анатольевич Медведев акцентировал внимание на том, что должны быть не запретительные меры, а профилактика этого социального явления.

Актуальность темы возрастает в связи с возникновением проблем профессионального становления студентов, обусловленных склонностью их к аддикциям. Трудности адаптации аддиктивной личности к условиям профессионального образования и последующей профессиональной занятости связаны со снижением мобильности, слабой адаптивностью, а также повышенной тревожностью, боязнью трудностей и уходом от ответственности, что тормозит эффективное профессиональное становление личности будущего специалиста.

В современных условиях профессиональное становление студента сопровождается воздействием целого комплекса средовых факторов, негативно влияющих на состояние физического и психического здоровья студентов. Как известно, создание условий здоровьесформирующего образования — одна из стратегий образования.

Склонность студентов к аддикциям препятствует реализации данной стратегии, снижая успешность и эффективность становления профессионального

самосознания и профессиональной идентификации. Это обуславливает необходимость подробного изучения феномена зависимостей у студентов в их профессиональном становлении в контексте измерения и снижения у них уровня склонности к аддикциям.

Исследованием, которое проведено в Академии социального образования (г. Казань), Казанском государственном медицинском университете (г. Казань), Казанском государственном энергетическом университете (г. Казань), Удмурдском государственном университете (г. Ижевск), Бирской государственной социально-педагогической академии (г. Бирск), охвачено более 2580 респондентов (60% женщин и 40% мужчин). Дизайн исследования составили следующие методики: Методика изучения ценностных ориентаций (М.Рокич), Опросник СМИЛ (адаптированный Л.Н.Собчик), Тест «Склонность к зависимому поведению» (В.Д.Менделевич), Опросник склонность к аддикциям (Грязнов А.Н., Чеверикина Е.А.).

Исследование показало высокий уровень склонности к зависимостям среди студентов. У 23,1% студентов высокий уровень склонности к алкогольной зависимости, у 58,7% — средний уровень, а нет склонности к алкогольной зависимости только у 18,2% студентов. Согласно данным, полученным по наркотической зависимости, высокий

уровень наблюдается у 26,9% студентов, средний — у 55,8%, а отсутствие склонности — у 17,3%. Высокий уровень склонности к аддиктивному поведению в целом показывают 19,2% студентов, средний — 70,2%, и только 10,6% студентов не склонны к аддиктивному поведению. Также было выявлено, что студенты с аутоагрессивным поведением более склонны к зависимостям по сравнению со студентами, у которых преобладает гетероагрессия. Исследование показало, что личностные профили склонных к алкоголю и наркомании и больных алкоголизмом и наркоманией, полученные по методике СМЛ, имеют выраженное сходство, которое будет усиливаться, если не предпринимать меры по профилактике аддикций. В индивидуально-психологических и аддиктивных особенностях зависимой личности, определяющих ее поведение, имеется специфика, выражающаяся в депрессивном стиле мышления, чертах нонконформизма, лживости, манипулятивном стиле общения с окружающими.

Полученные результаты выявили теоретическую недостаточность разработок, направленных на решение проблемы профессионального становления аддиктивной личности. В рамках исследования проблемы профессионального становления студентов, склонных к аддикции, в лаборатории психологии личности ИПП ПО РАО разрабатывается новое направление в социальной психологии — терциарная социализация аддиктивной личности. Терциарная (*tertiarius, a, um*) социализация аддиктивной личности в широком смысле рассматривается как процесс реализации системы психологических, социальных, воспитательных, трудовых и иных мер, направленных на полный отказ от психоактивных веществ, с формированием устойчивой антинаркотической направленности личности. Концепция терциарной социализации аддиктивной личности позволяет рассмат-

ривать компоненты социализации в качестве взаимосвязанных феноменов в совокупности обеспечивающих возможности достижения сообразной социализации, влияющей на успешное профессиональное становление. Сущность концепции состоит в переструктурировании личности, в результате которого происходит замена биологических потребностей в употреблении психоактивных веществ на личностно- и социально-значимые. То есть, минимизация и нейтрализация патологических личностных статусов и активизация функционирования нормативных.

Зависимость от психоактивных веществ формируется на трех уровнях функционирования личности: на психо-биологическом, психологическом и социально-психологическом. Отсюда следует, что и воздействие должно осуществляться на эти три составляющие, реализуя главный принцип: единство медико-биологических и социально-психологических методов целевого воздействия на аддиктивную личность. Также должны соблюдаться педагогические условия: установление долгосрочного контакта с аддиктивной личностью, обеспечение доступности и психологической комфортности для профилактики; комплекс социально-психологических воздействий должен быть направлен на формирование мотивации к здоровому образу жизни, формирования бытийных ценностей, потребностей.

Концепция терциарной социализации легла в основу построения модели снижения уровня аддикций у студентов, центральным звеном которой является ценностно-мотивационный блок. Акцентирование на ценностно-мотивационном блоке связано с тем, что современные концепции воспитания, а также реальная практика воспитательной деятельности не достаточно учитывают особенности лиц, склонных к той или иной зависимости. Важная роль среди этих особенностей принадлежит моти-

вационным процессам, связанным с мотивацией изменения аддиктивного поведения, мотивацией злоупотребления психоактивными веществами, отказом от их употребления и ведением здорового образа жизни.

Модель снижения уровня аддикции у студентов представляет собой сложный и многогранный процесс, цель которого — полный отказ от употребления алкоголя и других психоактивных веществ, ведение здорового образа жизни. В ней представлены понятия, задачи, средства, условия, механизмы, агенты, факторы снижения уровня аддикций.

Под понятием «**снижение уровня аддикций**» студентов в широком смысле мы понимаем изменение уровня склонности студентов к той или иной зависимости, социально-психологическое воздействие на них, при котором происходит изменение основных потребностей, также процесс обучения студентов навыкам принятия и осмысления бытийных ценностей.

Преодоление склонности к зависимости — это продолжительный по времени процесс, состоящий из нескольких специфических стадий. На каждой стадии должны быть разрешены определенные задачи и достигнуты определенные изменения, направленные на психологическую коррекцию аддиктивной личности:

— на когнитивном уровне — это признание себя склонным к зависимости и ослабление психологических защит отрицания и рационализации;

— на уровне самосознания — это развитие положительной самооценки и самоуважения, развитие позитивного самоотношения;

— на эмоциональном уровне — это комплексная коррекция аффективных нарушений через умение управлять своим психическим состоянием;

— на уровне поведения — это изменение стиля и образа жизни, воздействие на среду склонной к аддикции личности;

— на мотивационном уровне — создание и укрепление мотивов, альтернативных влечению к алкоголю, наркотикам и другим зависимостям.

Мотивация снижения уровня аддикции — динамическое многоуровневое образование, имеющее сложную многомерную структуру, являющуюся производным компонентом мотивационного уровня.

Мотивация снижения уровня аддикции — это побуждение личности к включению в процесс изменения себя, переход от регуляции зависимого поведения с помощью внешних факторов к саморегуляции, от внешней к внешне — внутренней мотивации снижения уровня аддикции.

Мотивация снижения уровня аддикции выражается в трех типах отношений: негативное; амбивалентно-неустойчивое; позитивное. И имеет следующую структуру включающую: ценностно-смысловые, эмоциональные, когнитивные, поведенческие компоненты (предикторы).

Нами выделены когнитивные и поведенческие предикторы, являющиеся наиболее важными компонентами в структуре мотивации.

К когнитивным предикторам мотивации снижения уровня аддикции относятся:

— признание себя зависимым (склонным к той или иной зависимости);

— амбивалентное отношение к зависимости;

— общая самоэффективность и самоэффективность воздержания от употребления ПАВ в ближайшем будущем.

К поведенческим относятся:

— стратегии совладающего с аддикцией поведения и настойчивость в достижении цели по снижению уровня аддикции, связанной с полным или частичным отказом от употребления ПАВ.

Направленное перманентное социально-психологическое воздействие на

указанные предикторы может повысить мотивацию снижения уровня аддикции у студентов, тем самым повысит эффективность и качество их профессионального становления.

Также были разработаны модули социально-педагогического воздействия направленного на снижение уровня аддикций: — информационный модуль, психодиагностика, психоконсультации, воспитательной деятельности, тренинги (мастер-класс), модуль оказания помощи в создании семьи, модуль оказания помощи в трудоустройстве.

При социально-психологическом воздействии на студентов необходимо соблюдать следующий алгоритм:

1. Установление коммуникативного воздействия.

2. Минимизация и нейтрализация патологических статусов, способствующих развитию склонности к употреблению психоактивных веществ.

3. Обучение студентов умению формировать основные потребности, обрести бытийные ценности, способности реализовывать потенциал и умению выражать себя и развиваться в своем стиле и своем алгоритме, особенно в начальный период их профессионального становления.

4. Фиксации личности в нормативных личностных статусах, обучение контролю над актуализацией патологического личностного статуса, перевод актуальной личностной позиции из фазы формирования патологической части в нормативную, оказание помощи в раскрытии и обеспечении функционирования нормативных личностных статусов.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют об актуальности проблемы профессионального становления студентов, склонных к аддикции. Современная ситуация развития общест-

ва действительно требует построения психолого-педагогической профилактики и консультирования в области профессионального образования, ранней диагностики и предупреждения отклоняющегося поведения, аномального развития студентов и молодежи. Такие меры позволяют своевременно выявить и исправить эти отклонения примерно в 30% трудных случаев, а значит поставить на рынок труда больше трудоспособных, высококвалифицированных специалистов.

Выводы

1. Для современной психологии актуальной является научная задача, связанная с разработкой теоретических проблем профессионального становления аддиктивной личности. Она имеет и огромное практическое значение.

2. Реализация модели снижения уровня аддикции позволяет осуществить целостный подход к профилактике аддикций:

— позволяет отслеживать процесс взаимодействия между аддиктом и средой;

— позволяет учитывать непрерывные изменения, происходящие как в окружающей среде, так и в структуре самой личности.

3. Разработанная модель при ее реализации способствует ведению аддиктивной личностью здорового образа жизни, обретению социального статуса, формированию в ролевом репертуаре позитивных норм и моделей поведения, принятых в обществе.

4. Результатом формирования мотивации на снижение уровня аддикций у студентов является успешное профессиональное становление компетентных специалистов.

Gryaznov I.M. Building motivation to reduce addiction students in their career

The article is devoted to creating motivation to reduce addict students in their career. The results revealed a lack of theoretical development that address professional formation addiction personality.

Keywords: addiction, motivation, student, person, professional education, specialist.

Грищенко Е.Г., Астана (Казахстан)

СПЕЦИФИКА ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСКИХ И РУССКИХ СЕМЬЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена исследованию специфики детско-родительских отношений в казахских и русских семьях поликультурного пространства. В качестве основания детско-родительских отношений выделяются два типа отношений: отношение родителей к ребенку, или родительское отношение, и отношение детей к родителям.

Ключевые слова: отношение, семья, родители, дети, система, сфера, экономика, мораль, культура.

Изменения, произошедшие в общественно-историческом развитии Республики Казахстан, повлияли на экономическую, политическую, культурную, семейную сферы, их структуру, функции и динамику. Институт семьи в нашем государстве претерпел значительные общественные, юридические, социально-экономические и морально-этические преобразования, которые непосредственно сказались на функционировании всей системы семейных взаимоотношений, в том числе на детско-родительском взаимодействии.

Детско-родительские отношения — это отношения между родителями и детьми во всем их многообразии, проявляющиеся в особенностях родительских установок, родительской любви, стиле и особенностях семейного (родительского) воспитания [1].

Основанием детско-родительских отношений являются два типа отношений: отношение родителей к ребенку, или родительское отношение, и отношение детей к родителям. Отношение родителей к ребенку, или родительское отношение, весьма сложный и многогранный феномен, и, как уже было обозначено в определении, включающий в себя множество других элементов.

Родительское отношение — это определенный стиль взаимодействия, взаимоотношений родителей с ребенком, обладающий трехкомпонентной структурой. Содержание родительского отношения противоречиво и амбивалентно, так

как в нем «сосуществуют в различной пропорции противоположные элементы эмоционально-ценностного отношения».

Согласно исследованиям Р.В. Овчаровой, первичным элементом структуры родительского отношения является когнитивный компонент, отражающий представления, знания и убеждения о способах и формах взаимодействия с ребенком; знания и представления о целевом аспекте этих взаимоотношений, убеждения в приоритетности тех направлений взаимодействия с ребенком, которые реализуют родители.

Вторым элементом выступает эмоциональный компонент, позволяющий оценить то, насколько эффективной будет реализация когнитивного компонента в реальном взаимодействии с ребенком. Это оценка различных типов родительского отношения; доминирующий эмоциональный фон, сопровождающий поведенческие проявления родительского отношения [1].

Третьим элементом является поведенческий компонент, предоставляющий возможность родителям в реальном взаимодействии с ребенком реализовать предыдущие два. Поведенческий компонент есть формы и способы поддержания контакта с ребенком; формы контроля, воспитания взаимоотношениями путем определения дистанции общения [1].

Вторая составляющая детско-родительских отношений — детское отноше-

ние — выступает в качестве информационной характеристики изучаемой системы.

Детское отношение, то есть отношение к родителям со стороны ребенка, будет определяться адекватностью проявления и реализации типа родительского отношения, стиля и особенностей семейного воспитания, родительских установок, родительских чувств к ребенку. Данными факторами будет детерминироваться динамика отношений в семье между родителями и детьми. В данном случае важным является еще одно условие, заключающееся в отсутствии противоречий и наличие согласованности в реализации составляющих элементов родительского отношения. Наличие противоречий и отсутствие согласованности в реализации составляющих элементов родительского отношения будут способствовать нарушению детско-родительских отношений и отрицательно воздействовать на развитие личности ребенка.

Учитывая трехкомпонентную структуру родительского отношения, а также его обратную сторону — детское отношение, нами были выделены и обоснованы критерии диагностики с целью эмпирического изучения детско-родительских отношений в семейной системе в условиях поликультурного пространства (на примере Республики Казахстан).

В эмпирическом исследовании приняли участие семьи казахов (84 семьи) и русских (95 семей), проживающих в условиях поликультурного пространства Республики Казахстан. Результаты исследования показали как общность, так и специфичность детско-родительских отношений в исследуемых семьях. Наиболее ярко общность была отмечена в детском отношении. Фактически мы не получили различий по результатам диагностики детского отношения. Это позволило нам сделать вывод о единстве детского восприятия и отношения к семейной системе независимо от этнической принадлежности. Для детей в казахских и русских семьях характерно позитивное

восприятие и построение отношений с обоими родителями, то есть с матерью и отцом как родительской четой. Дети воспринимают мать и отца как единое целое, что является позитивным аспектом в построении детско-родительских отношений. Также у детей из казахских и русских семей прослеживается большая психологическая близость к матери, что обусловлено психологическими закономерностями развития ребенка, где первоочередная роль принадлежит матери. В поведении детей отмечено яркое проявление любознательности, стремления к получению новых знаний и общительность в группе сверстников. Примечательным является факт отсутствия стремления к уединению и отгороженности.

В родительском отношении были выявлены как специфические особенности, так и общность проявления ряда моментов.

Общими аспектами родительского отношения в системе детско-родительских отношений в казахских и русских семьях стали:

Когнитивный компонент:

- направленность на воспитание порядочности в ребенке;
- жизненная ценность семьи и ребенка (детей);
- позитивность восприятия ребенка и себя как родителей у матерей и отцов.

Эмоциональный компонент:

- проявление понимающего отношения и родительской любви к своему ребенку, что обусловлено адекватностью восприятия и принятия ребенка, а также принятием себя как родителя со стороны матерей и отцов;

Поведенческий компонент:

- обеспечение комфорта для ребенка, оберегание его от проблем. Организация совместной с ребенком деятельности, игр, прогулок как ведущих форм взаимодействия. Понимание и стремление стать другом для ребенка.

У отцов в казахских и русских семьях отмечен единый ведущий тип родитель-

ского отношения к ребенку — кооперация.

В целом, элементы, выделенные в каждом компоненте, позволили сделать вывод о позитивном характере взаимодействия родителей с ребенком в казахских и русских семьях.

Общность родительского отношения в казахских и русских семьях мы объясняем поликультурностью пространства и взаимовлиянием двух культур, представители которых проживают на единой территории большое количество исторического времени.

Специфическими особенностями родительского отношения в казахских семьях стали:

Когнитивный компонент:

— незначительная процентная выраженность у матерей установок группы «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком»;

— установки матерей и отцов на воспитание и привитие ребенку любви к Родине, семье, друзьям, переживание за ребенка, его судьбу, позитивная направленность в отношении будущей судьбы ребенка, видение своего ребенка счастливым, надежда на ребенка, привитие и воспитание в ребенке уважения к родителям и другим старшим лицам;

— выраженность восприятия ребенка матерями воспитанным;

— восприятие ребенка отцами спокойным, ласковым, умным, любознательным, капризным;

— специфическими элементами восприятия себя как родителя у матерей выделены — внимательность, строгость в отношении ребенка, понимание своего ребенка;

— у отцов — восприятие себя как родителя социально занятым, усталым и раздражительным.

Эмоциональный компонент:

— тревожный тип эмоционального отношения к ребенку у матерей, проявляемый в опасениях о меньшей значимости их мнения для ребенка;

— чувство радости за своего ребенка, его успехи у обоих родителей.

Поведенческий компонент:

— у матерей отмечено проявление гиперпротекции, чрезмерного удовлетворения потребностей ребенка и предпочтение видеть в ребенке качеств, характерных для ребенка противоположного пола, а в частности, предпочтение мужским качествам в воспитании ребенка девочки;

— направленность матерей в процессе родительского взаимодействия на обучение ребенка всем необходимым жизненно важным умениям и навыкам;

— у отцов прослеживается недостаточность требований — запретов в отношении ребенка и, аналогично матерям, сдвиг в установках ребенка противоположного пола, то есть предпочтение в ребенке женских качеств. Эти особенности отцов в современной казахской семье мы объясняем ее трансформацией и индивидуально-психологическим опытом отцов в родительской семье;

— меньшая включенность отца в процесс воспитания ребенка (преимущественно воспитанием в казахской семье занимается мать);

— заботы о семье через ее финансовое жизнеобеспечение;

— стремление быть достойным примером и образцом подражания для своего ребенка;

— применение воспитательных воздействий своего отца, то есть приемов из прародительской семьи;

— воспитание в ребенке мужественности и порядочности;

— для обоих родителей характерна направленность на воспитание у ребенка внимательного отношения и уважения родителей и других старших по возрасту людей, что обусловлено национально-психологическими особенностями казахов;

— ведущим типом родительского отношения у отцов и матерей в казахских семьях является авторитарная гиперсоциализация. Проявление авторитарной гиперсоциализации обусловлено нацио-

нально-психологическими особенностями и установками казахов о безоговорочном подчинении детей родителям и страшим по возрасту.

Специфическими особенностями родительского отношения в русских семьях являются:

Когнитивный компонент:

– выраженность у матерей установок группы «оптимальный эмоциональный контакт с ребенком»;

– выраженность установок родителей в русских семьях на приобщение ребенка к труду, индивидуальный подход к развитию и воспитанию ребенка. А также установка социальной адекватности воспитательного воздействия родителей на ребенка у матерей;

– восприятие ребенка матерями положительным, послушным, любящим и уважающим своих родителей и непосредливым;

– восприятие ребенка отцами — добрым, послушным, любящим и уважающим своих родителей (на уровне тенденции);

– матери воспринимают себя как родителя заботливым, справедливым, ответственным, обыкновением («как все»), несколько уставшим и раздражительным родителем;

– у отцов восприятие себя обыкновенным («как все») и ответственным, родителем. Отрицательные элементы в восприятии себя как родителя у русских отцов отсутствуют.

Эмоциональный компонент:

– доверительный тип отношения с ребенком;

– отсутствие чувства раздражительности в отношении ребенка.

Поведенческий компонент:

У родителей из русских семей ярко выраженных поведенческих особенностей как таковых не выявилось. Ведущим типом родительского отношения у родителей из русских семей стали: кооперация — у матерей и смешанный тип (кооперация с элементами симбиоза) — у отцов.

Обозначенную специфичность родительского отношения в изучаемых выборках мы объяснили влиянием ряда факторов:

– культурно-историческим развитием казахского и русского этноса;

– культурно-историческими традициями и спецификой семейных взаимоотношений в данных этногруппах;

– национально-психологическими особенностями представителей данных этносов.

Немаловажную роль сыграла современная трансформация общества и института семьи.

Литература

1. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2003.

2. Крысько В.Г. Этническая психология: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Академия, 2002.

3. Мацкевич И.К. Семья в призме национальной психологии (на материалах Казахстана) // Семейная психология и психотерапия. 2000. № 4. С. 23–34.

4. Муналбаева У.Д. Этносоциальное воспитание в условиях современного Казахстана (аналитико-педагогический аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата пед. наук. — Алматы, 2005.

Grishchenko E.G. Specificity of children-parent relationships in kazakh and russian families multicultural space

The article is devoted to child-parent relationship specificity in Kazakh and Russian families multicultural space. As grounds for children and parental relations, there are two types of relationships: parenting to the child or parent and child to its parents.

Keywords: relationship, family, parents, children, the system, economy, ethics, culture.

Диденко М.Н., Иркутск

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В статье обсуждаются некоторые особенности самосознания личности испытуемых с алкогольной зависимостью, а также описано диагностическое исследование, направленное на сравнительный анализ самооценочных и регулятивных функций самосознания.

Ключевые слова: самосознание личности, алкогольная зависимость.

В настоящее время в период интенсивных социальных и политических изменений в жизни общества, наблюдается дестабилизация моральных и ценностных ориентиров существования человека. Сложившаяся ситуация привела к росту различного рода форм аддиктивного поведения. Распространение злоупотреблением алкоголем в обществе приносит вред экономике страны, здоровью населения, формирует субкультурную среду. В связи с этим преодоление алкогольной зависимости, а также ее профилактика имеет не только личностный, но и социальный смысл.

Особую тревогу вызывает ситуация взросления и воспитания в данных условиях детей и молодежи, усваивающих в процессе социализации алкоголь зависимые культурные стереотипы поведения. Сложившаяся социальная ситуация определяет необходимость поиска эффективных способов, не только преодоления самой распространенной — алкогольной зависимости, но и выявления психологических механизмов алкоголизации личности и построении на этой основе системы ее профилактики.

На психологическом уровне основные изменения, связанные с формированием алкогольной зависимости, происходят в мотивационной сфере и сфере самосознания личности. При всем многообразии взглядов на сущность, структуру и факторы развития самосознания личности, ученые едины во мнении, что самосознание является венцом ее развития [2; 3], а при достижении зрелых форм

развития самосознания личность получает способность к самодетерминации, становится источником выбора своего собственного пути. Понимание этого обстоятельства привело нас к необходимости исследования самосознания личности при алкогольной зависимости.

В рамках данной статьи остановимся на обсуждении некоторых особенностей самосознания личности испытуемых с алкогольной зависимостью.

В исследовании использованы следующие методики: для изучения отношения личности к себе применялась методика управляемой проекции (МУП), локус контроля «Я» определялся при помощи методики уровня субъективного контроля (УСК), самооценка исследовалась при помощи методики Дембо-Рубинштейн.

Анализ результатов исследования начнем с рассмотрения, в сравнительном плане, отношения к собственной личности у испытуемых с алкогольной зависимостью и без нее. В исследовании использовался контент анализ. Процедура разработана на основе выделения смысловых единиц — категорий контент анализа и их эмпирических индикаторов, присутствующих в текстах испытуемых. В нашем исследовании содержание высказываний анализировалось на предмет наличия категорий: симпатия-антипатия, уважение-неуважение. Использовался подсчет полярных категорий.

Результаты исследования самоотношения представлены в таблице 1. Дан-

ные свидетельствуют, что отношение с симпатией к собственному «Я» в группе с алкогольной зависимостью наблюдается у 58,3% испытуемых, для них характерно позитивная эмоциональная оценка личностных, «человеческих» качеств, привлекательности себя. Антипатия по отношению к собственному я выражена в данной группе у 41,7% испытуемых, им присуща негативная оценка собственной личности. Испытуемые демонстрирует непривлекательность, неприятность персонажа, явно выражая свое неприятие через оценочные характеристики или косвенно, домысливая качества, стремления, помыслы, поступки, негативно характеризующие персонаж. Уважение к собственному «Я» у лиц с алкогольной зависимостью встречается в 25%, что говорит о способности осуществить, реализовать себя, быть адекватным инструментом собственной мотивации, соответствовать своим внутренним ценностям и быть социально адаптированным. Неуважение в данной группе к собственному «Я» констатируется у 75%, респондентов, что выражается негативной оценки себя или другого с точки зрения способности к достижению своих мотивов, соответствия внутренним ценностям, самореализации во всех отношениях и социальной адаптации. Отношение с симпатией к собственному «Я» в группе безалкогольной

зависимости 83,3%, антипатия 16,7%, уважение 100%, а неуважение 0%. Таким образом, данные убедительно свидетельствуют, что основное количество участников группы с алкогольной зависимостью относится к своему «Я» — с симпатией (58,3%) и неуважением (75%). Наибольшее число участников в группе без алкогольной зависимости относится к своим «Я» чертам с уважением (100%) и симпатией (83,3%). Из этого следует, что люди с алкогольной зависимостью по сравнению с людьми без этой зависимости в меньшей степени проявляют уважение к себе. Одновременная выраженность симпатии и неуважения свидетельствует о жалости, сожалении о собственной жизни [1], что может порождать озлобленности и ревностное отношение к успехам других людей, при этом сниженный контроль своего поведения в ситуации приема алкоголя, неадекватность оценки ситуаций выливается в антисоциальное поведение и поступки.

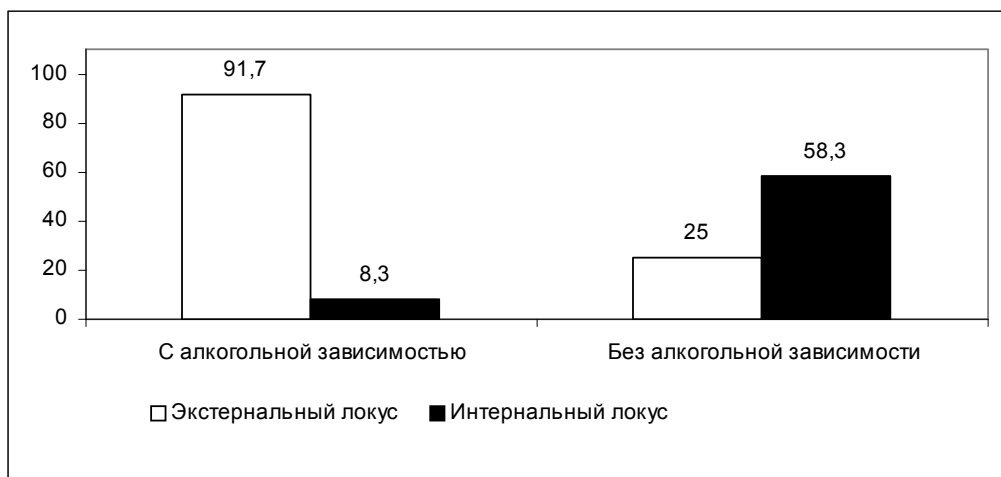
Статистический анализ с применением критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2=135$, при $p < 0,0001$) показал, наличие достоверных различий в распределении испытуемых с алкогольной зависимостью и без нее по отношению к собственной личности.

Обратимся к результатам исследования локуса контроля «Я» у испытуемых выделенных групп (рис. 1).

Таблица 1. Распределение испытуемых по отношению к собственной личности в группе с алкогольной зависимостью и без алкогольной зависимости (%)

№	Параметры	Группа с алкогольной зависимостью	Группа без алкогольной зависимости
1	Симпатия	58,3	83,3
2	Антипатия	41,7	16,7
3	Уважение	25	100
4	Неуважение	75	0

Рис. 1. Распределение испытуемых выделенных групп по локусу контроля «Я» (%)

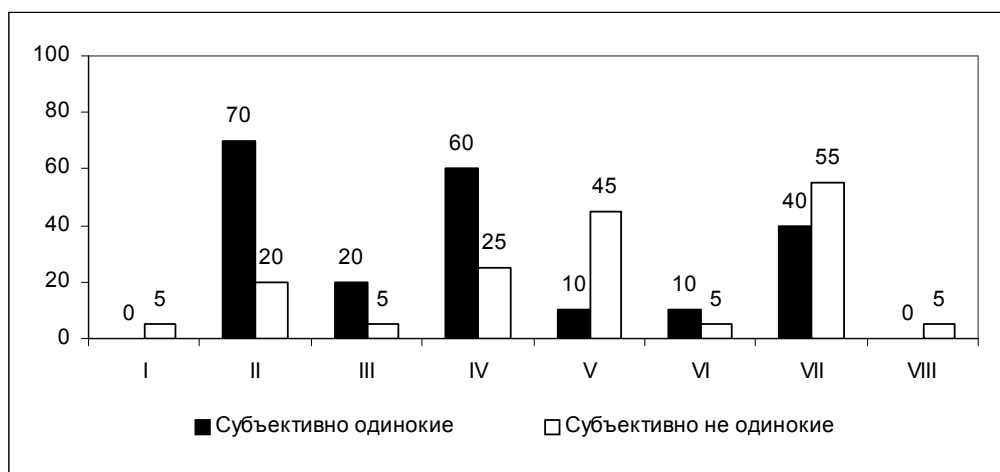

Как видно из рисунка наибольшее количество испытуемых с экстернальными чертами (91,7%) выявлено в группе с алкогольной зависимостью, а наименьшее (25%) в группе без алкогольной зависимости. Из этого следует, что испытуемые с алкогольной зависимостью склонны целиком полагаться на судьбу или счастливый случай, способны обвинять в своих несчастьях других людей и обстоятельства, но только не себя. Интернальные черты диагностируются в группе без алкогольной зависимости в 58,3% случаев. То есть наибольшее количество исследуемых-алкоголиков обладают с экстернальными, а в группе сравнения интернальными чертами (58,3%). Различия статистически достоверны ($\chi^2=89,7$, при $p < 0,0001$).

Таким образом, можно говорить о том, что испытуемые с алкогольной зависимостью отличаются безответственностью за собственные поступки, ищут им оправдания, ссылаясь на внешние обстоятельства и других людей. Собственная жизнь воспринимается ими как следствие множества не зависящих от них обстоятельств и событий.

Рассмотрим результаты исследования самооценки личности. На рисунке 2 представлен сравнительный анализ самооценки личности испытуемых из группы с алкогольной зависимостью и без этой зависимости. Гистограмма показывает, что в группе без алкогольной зависимости доминирует адекватная самооценка (91,7%), для них характерен адекватный уровень притязаний, трезвое отношение к своим успехам и неудачам. В отличие от группы с алкогольной зависимостью, большинство испытуемый данной группы отличает заниженная самооценка личности (83,3%), это свидетельствует о нерешительности, боязливости, обидчивости, конфликтности, испытуемые ставят перед собой более низкие цели, чем те, которые могут достичь, преувеличивают значение неудач. Интересно, что испытуемых с завышенной самооценкой в группе алкоголь-зависимых не выявлено, в то время как в группе обычных испытуемых такой вид самооценки констатируется в 8,3% случаев. Это свидетельствует, что уровень их притязаний превышает реальные возможности. Такие испы-

Рис. 2. Распределение испытуемых выделенных групп по самооценки личности (%)

туемые к себе не критичны, ставят перед собой более высокие цели, чем те, которые они могут достичь, с оценкой, которую им ставят окружающие, не соглашаются, часто бывают причиной конфликтных ситуаций. Представленные различия являются статистически значимыми ($\chi^2=142$, при $p < 0,0001$).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В самоотношении алкоголь зависимых испытуемых доминирует отношение к собственной личности с позиции симпатии, однако при этом им свойственно неуважение к себе, в отличие от испытуемых без алкогольной зависимости, для которых характерно уважение и симпатия в адрес собственного «Я». Недостаточное самоуважение препятствует формированию устойчивого и стабильного понятия о себе. Люди с заниженным самоуважением отличаются чрезвычайной ранимостью, болезненно реагируют на оценки со стороны окружающих, не обладает последовательностью поведения в общении и во взаимоотношениях с другими людьми. Нарушения отношения к себе является выраженное расхо-

ждение между реальным и идеальным представлением о себе, то есть между самооценкой и уровнем личных притязаний [4]. Для больных алкоголизмом, утративших ощущение ценности собственной личности, обращение к алкоголю — единственный способ сближения реального и идеального «Я», обретение самоуважения.

На основании данных результатов представляется возможным также констатировать неоднородность отношения к собственной личности у алкогольно-зависимых испытуемых и предположить наличие конфликтности в самоотношении. Однако для подтверждения данного положения необходимо проведение дополнительного исследования, что составляет перспективу нашей работы.

Сравнительный анализ самооценки личности у испытуемых выделенных групп показал доминирование заниженной самооценки у респондентов из группы алкоголь-зависимых. Заниженная самооценка препятствует адаптации людей в обществе, так как она страдает утратой пластичности, гибкости. У ис-

пытуемых доминируют самооценочные критерии, которые господствуют в асоциальных, ориентированных на злоупотребление алкоголем группах. Повышается уровень притязаний, развивается манипулятивное поведение, имеет место уменьшение способности перестроить свои отношения в связи с реально изменившимися обстоятельствами и согласовать личные притязания с нередко значительно сниженными возможностями. В случаях злоупотребления алкоголем у человека в состоянии опьянения создается иллюзорное представление и неадекватные переживания по поводу собственной всесильности, легкости удовлетворения желаний. Это иллюзорное представление, сравнительно легко достигаемое при помощи алкоголя, облегчает закрепление вредной привычки, укрепляет патологическое влечение к алкоголю.

У алкоголь-зависимых людей преобладают экстернальные черты, что делает людей больных алкоголизмом более зависимыми от различных внешних обстоятельств. Алкоголики убеждены, что их успехи или неудачи являются результатом внешних условий, таких как везение, случайность, давление окружения. Они воспринимают жизнь как следствие множества не зависящих от них обстоятельств. «Я» регулирует действие человека в ситуации, когда сила влечения нарастает, а условия его удовлетворения отсутствуют.

Результаты проведенного исследования показывают, что у больных алко-

лизмом изменяется отношение к собственной личности, доминирует неадекватная, заниженная самооценка личности, преобладает экстернальный локус контроля «Я». Неблагоприятная картина самосознания личности изменяется при приеме алкоголя, самооценка повышается, отношение к собственной личности становится более позитивным. Все это создает ощущение внутренней целостности, вызывает приятные переживания собственной значимости и удовлетворенности собой и собственной жизнью. Формируется дополнительный внутренний мотив обращения к алкоголю для защиты собственного «Я» в сложных жизненных ситуациях.

Проведенное исследование открывает перспективы построения системы целенаправленной психологической работы по профилактике алкогольной зависимости в молодежной среде через развитие самосознания личности.

Литература

1. *Пантлеев С.Р.* Самосознание как эмоционально-оценочная система. — М.: Изд-во МГУ, 1991. 110 с.
2. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — М., 1989. 720 с.
3. *Столин В.В.* Самосознание личности. — М.: Изд-во МГУ, 1983. 284 с.
4. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. — М.: Наука, 1977. 144 с.

Didenko M.N. The peculiarities of self-identity of personality in alcohol dependent people

In the article several peculiarities of self-identity of personality in alcohol dependence are discussed. We also show the results of the diagnostic research, comparative analysis of self-assessment and regulative functions of self-identity.

Keywords: self-identity of personality, alcohol dependence.

Ерохин Д.О., Москва

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена изучению связи мотивационных и когнитивных особенностей взаимодействия аудитории с информационной средой и характера протекающих под воздействием сообщений массовой коммуникации изменений в системе ценностей реципиентов. В результате проведенного исследования были выявлены процессуальные и мотивационные характеристики активности реципиентов в информационной среде и взаимосвязь выраженности этих характеристик с особенностями системы ценностных ориентаций их носителей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, информационная среда, массовые коммуникации, референтный источник информации, социализация.

На протяжении последних десятилетий в социальной психологии, психологии личности и других отраслях психологического знания отмечается постоянное возрастание интереса к проблеме ценностей — к их формированию, структурной организации, функциям и роли в становлении жизненного пути человека. Обобщая представленные в современной литературе подходы [2; 4; 5; 9], можно заключить, что ценности представляют собой сложные «вершинные» психические образования, сочетающие в себе мотивационные, смысловые и когнитивные компоненты, а также несущие в себе признаки установки. Соответственно этим компонентам ценности выполняют разнообразные функции по организации поведения индивида и познания им окружающей действительности, действуя при этом в надситуативном масштабе. Ценности выступают наиболее общими критериями оценки и осмысления человеком окружающих объектов и ситуаций. Они, следовательно, являются основанием для познания и конструирования целостного образа социального мира. Можно уверенно охарактеризовать ценности как психические образования, интегрирующие высшие психические функции и участвующие в выработке гене-

ральной линии жизнедеятельности человека.

В этом ключе следует предположить, что индивиды, формирующие новую группу — как реальную, так и номинальную, будут иметь точки соприкосновения в их персональных системах ценностных ориентаций. Когда же ценности выходят на интерперсональный уровень, участвуя в формировании общих для группы целей и норм, наблюдатель вправе констатировать впервые возникающие для данной группы социально-психологические феномены. Наряду с привнесением индивидами личных ценностных ориентаций в групповую систему ценностей существует и обратный процесс: детерминация ценностей индивида со стороны группы. Социально-психологические исследования традиционно рассматривают формирование ценностей человека в связи с процессом инкультурации индивидом целей и смыслов, характерных для групп, в которые тот непосредственно включен и которые являются для него референтными.

Отдельно хотелось бы отметить, что формирование индивидуальной системы ценностей не есть конечный, очерченный строгими временными рамками процесс, который можно с некоторой степенью достоверности локализо-

вать в том или ином возрастном периоде развития личности. Мы склонны считать процесс трансформации системы ценностей индивида непрерывно развертывающимся в течение всей жизни.

В качестве «источников» ценностей исследователи чаще всего рассматривают семью, образовательные учреждения, трудовые коллективы и т.д. [2; 5]. При взаимодействии индивида с информационной средой источниками формирования ценностей являются сообщения, получаемые по каналам массовой коммуникации, которая представляет собой процесс взаимодействия больших социальных групп, опосредованный техническими средствами [3]. При рассмотрении массовой коммуникации мы исходим из той посылки, что коммуникатор, создавая сообщения, с наибольшей вероятностью преследует цель управления поведением и мнениями реципиентов. Эта цель достигается за счет того, что сообщения коммуникатора заведомо содержат в себе интерпретацию описываемых событий и избирательность преподносимых фактов.

На теоретическом уровне мы можем представить трансформацию ценностей под влиянием СМК следующим образом: значения и смыслы индивида, полученные при взаимодействии с группами членства, дополняются значениями и смыслами, содержащимися в сообщениях массовой коммуникации. Чем более эффективна коммуникация, тем с большей вероятностью значения и смыслы реципиента будут меняться в желаемом для коммуникатора направлении. Аналогично можно рассмотреть трансформацию аффективных компонентов ценностных ориентаций, модифицирующихся под воздействием образного наполнения и эмоциональной окрашенности сообщений, поступающих через СМК. Тре-

тья, не менее важная составляющая ценностных ориентаций, выражающаяся в готовности действовать определенным образом, в заданной ситуации, представляет собой поведенческий компонент, открытие которого связано с отечественной психологической традицией, в рамках которой ценности впервые изучались с точки зрения наличия у них признаков психической установки [10]. Для описания процессов трансформации поведенческих, или установочных, компонентов ценностной ориентации, наиболее адекватным представляется категориальный аппарат, разработанный в исследованиях А.Бандуры [11]. Аудиовизуальная продукция, транслируемая через СМИ, содержит в себе выраженные в символической форме способы поведения по отношению к объектам и ситуациям, которые выступают для реципиента моделями, в соответствии с которыми тот модифицирует собственное поведение. Благодаря описанным Бандурой механизмам самоподкрепления, отдельные наиболее значимые для индивида модели закрепляются, модифицируя таким образом поведенческий, или установочный, компонент ценностных ориентаций.

Развитие сети Интернет расширило возможности поиска информации, однако создало новый класс этических проблем, связанных анонимностью коммуникации в адрес массовой аудитории при сниженном социальном контроле над распространяемыми сообщениями. Такие явления, как «коллективные блоги» и «социальные сети» свидетельствуют о стирании психологических границ между массовой коммуникацией и межличностным общением, а значит, более правомерным становится сопоставление реальных групп, в которые включен индивид, с референтными каналами коммуникации, и изучение сходства процессов

трансформации ценностей в рамках их социализирующего влияния [2; 9]. Можно предположить, что, по мере движения человеческой цивилизации в направлении глобального информационного общества, удельный вес влияния информационной среды на ценности будет увеличиваться относительно аналогичного влияния со стороны реальных групп членства.

В нашем эмпирическом исследовании, проведенном при поддержке компании Tiburon Research, ставилась задача выделить различные параметры взаимодействия с информационной средой и, по возможности, установить с наибольшей частотностью соответствующие им профили выраженности ценностных ориентаций, доминирующих у респондентов. Под типом взаимодействия мы понимаем совокупность мотивационных, когнитивных и поведенческих компонентов, функционально характеризующих комплекс процессов поиска, отбора и восприятия всей массы сообщений СМК. На первом этапе посредством анкетирования и проведения структурированных интервью были получены мотивационные типы обращения к СМИ, а также выделены базовые процессуальные характеристики поведения в информационной среде. К ним относятся:

1. Консерватизм — активный поиск новых средств информации;
2. Пассивное восприятие информации — активное обсуждение и распространение;
3. Доверие авторитетному источнику — сопоставление разных источников;
4. Устойчивость — подвижность интересов и предпочитаемой тематики.

На втором этапе, проведенном с респондентами посредством заполнения онлайн-анкеты спустя 16 месяцев после интервьюирования, были повторно замерены перечисленные про-

цессуальные характеристики взаимодействия респондентов с информационной средой, а также респондентам была предъявлена ценностная методика, представляющая собой модификацию процедуры косвенного шкалирования С.Шварца. Обработка результатов шкалирования позволила выделить кластеры ценностей, соответствующих базовым ориентациям [6]. Таким образом выделились: ориентация на себя (здоровье, самореализация), ориентация на ближайшее окружение (друзья, родственники, любимый человек), ориентация на потребление (успех, деньги, карьера), ориентация на универсальные ценности (экология, пацифизм, права человека). Одна из выявленных тенденций заключалась в том, что респонденты, регулярно использующие два и менее вида СМК (например, радио и ТВ) с большей частотностью демонстрируют пиковые значения по лишь одной из ценностных ориентаций, причем чаще всего в этой роли будет выступать ориентация на потребление либо ориентация на ближайшее окружение. Остальные же условно выделенные кластеры ценностей получают у таких респондентов статистически значимо меньшие баллы, либо входящие в них ценности исключаются из рассмотрения и получают ноль баллов. Напротив, когда мы наблюдаем «диверсификацию» информационных источников, сопоставление и обновление каналов коммуникации, активный поиск данных по интересующей респондента тематике — в этом случае значимо менее частотно выделение пиковых значений для одной из ценностных ориентаций. При этом только для случая разнородного, многоканального модуса взаимодействия с информационной средой характерно стабильное присваивание высоких баллов универсальным ценностям. Причем эти тенденции не меняются для

подвыборок, взвешенных по основанию доминирующих мотиваций обращения к СМК. Интерпретация результатов также позволила заключить, что чем разнообразнее используемые каналы коммуникации и чем более разноплановы интеракции с СМК, тем богаче «ценностный репертуар» респондентов; и наоборот — чем более однородным является характер взаимодействия с СМК — с тем большей вероятностью выражен полюс инструментальных ценностей, и в частности, ориентации на потребление материальных благ.

Чем выше разнообразие способов взаимодействия с информационной средой, тем менее будут индивид или группа подвержены ценностной экспансии, управлению мышлением с помощью идеологии в широком понимании этого термина. Под «экспансией» в данном контексте мы понимаем целенаправленное формирование ценностей и других регулирующих поведение психических образований по заказу и в интересах социальных групп, располагающих административными и экономическими инструментами управления информационными потоками [7]. Таким образом, залогом самостоятельности мышления и независимости от идеологии и навязываемых другими социальными группами ценностей является не коммуникативный протекционизм и отсекание «чуждых» по идейной направленности каналов массовой коммуникации, которые практикуют тоталитарные общества, традиционные авторитарные социумы и деструктивные харизматические группы [8]. Напротив, эффективным решением становится более интенсивная и активная интеграция в глобальные информационные процессы, равнодействующая которых с высокой вероятностью будет способствовать продуктивной выработке собственных уникаль-

ных ценностей и мнений. Наряду с очевидными преимуществами, которые несет в себе вступление человеческой культуры в информационную эру, современный субъект познания рискует быть дезориентированным в избыточном объеме знаний, данных, мнений и вариантов интерпретации фактов, единовременный доступ к которым может обеспечить современная среда массовых коммуникаций. Этими рисками, на наш взгляд, призваны управлять образовательные институты — главное и, возможно, единственное предназначение которых в современную эпоху — снабдить индивида эффективными инструментами самостоятельной навигации в информационном пространстве. Здесь может возникнуть резонный вопрос: на каком основании можно утверждать, что для субъекта социального познания «продуктивнее» и «лучше» — чувствовать себя заблудившимся в информационном пространстве, нежели быть ведомым в нем? Однако здесь нам стоит обозначить ту грань, за которой исследование вторгается в область аксиологии, поскольку и автор этой статьи не свободен от ценностной детерминированности собственной исследовательской деятельности.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян. — М., 2001.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. — М., 2003.
3. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. — М., 2008.
4. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. Том 20. № 5.

5. Морозова Н.А. Ценностно-мотивационные ориентации современной молодежи // Ценностно-мотивационные ориентации студентов вузов в современной России / Под ред. И.А.Зимней. — М., 2000.
6. Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ // Под. ред. И.С.Енюкова. — М., 1989.
7. Пронина Л.А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека. <http://analiculturolog.ru>. 2006.
8. Стюарт М., Лири Т. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах / Пер. с англ. под ред. И.Митрофановой. — СПб.: Экслибрис, 2002.
9. Шерковин Ю.А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы // Психологический журнал. 1982. Т. 3. Вып. 5.
10. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
11. Bandura A. Social cognitive theory of mass communication // Media Psychology. — NY, 2001.

Erokhin D.O. The recipient's value system and some features of its transformation under the influence of mass media

The article researches the possible connection between the motivational and cognitive parameters of interactions of the audience with its informational environment and the nature of transformations within the recipients' values system that take place under the influence of mass media. As a result of this study some motivation and processing characteristics of informational activity were discovered, as well as the connection between the expressiveness of these characteristics and features of the value orientations system of the recipients.

Keywords: value orientations, informational environment, mass communications, referent source of information, socialization.

Недозрелов А.В., Екатеринбург

МАТРИЦА МИФА КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу матрицы мифа, которая понимается как совокупность мифологем, архетипов и образов, формирующих модель мира человека и являющихся основой его системы ценностей и сценариев жизни.

Ключевые слова: матрица, моделирование, архетип, миф, модель, действие, поведение.

Одним из актуальных аспектов прикладного применения психологии является моделирование навыков — способ описания и передачи того способа структурирования субъективного опыта, который позволяет эффективно производить определенный тип действий. Существуют различные методы моделирования, и в данной статье мы рассмотрим ту методологию, которая используется в системе нейролингвистического программирования. Безусловно, она имеет свои недостатки — равно как и свои плюсы, и часть статьи будет посвящена освещению этих недостатков. Также в данной статье будет предложен метод оптимизации системы моделирования за счет смещения акцентов на ту область, которая не всегда напрямую связывается с психологической дисциплиной и граничит со сравнительной мифологией — областью, рассматривающей влияние мифов и архетипов на структуру человеческой психики. В данной статье будет предложен подход, совмещающий технологичность и прагматизм (где-то граничащий с примитивизмом) НЛП-моделирования с глубиной тех слоев психики, которые формируют некую «матрицу мифа» в структуре субъективного опыта. Также, поскольку мы используем элементы моделирования из арсенала НЛП, для соблюдения корректности будет приведен краткий перечень основных недостатков данной методики, компенсировать которые призвана модель, ориентированная на мифологические аспекты психических процессов.

Поскольку мы ввели такое понятие, как «матрица мифа», дадим ему опреде-

ление. Матрицей мифа мы назовем ту совокупность мифологем, архетипов и образов, которые формируют модель мира человека, являются основой его системы ценностей и во многом закладывают сценарий жизни.

В идее мифологичности человеческого мышления нет ничего нового — этот вопрос поднимался плеядой ученых разных мастей от Юнга до Кемпбэлла. «То, чем мы представляемся нашему внутреннему взору, и то, что есть человек *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности. — лат.), может быть выражено только через миф. Миф более индивидуален и отражает жизнь более точно, нежели наука» [1].

Безусловно, в начале имеет смысл определить, что есть миф. Для простоты используем определение Ролана Барта: «Что такое миф в наше время? Для начала я отвечу на этот вопрос очень просто и в полном соответствии с этимологией: **МИФ — ЭТО СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ**» [2].

В этом смысле любая аффирмация, любая рефлексия, любое утверждение или установка является процессом мифотворчества. Здесь форма мифа — это форма, удобная для кодировки и распознавания окружающей действительности, позволяющая определять реальность и оперировать ей. Окружающий мир сам по себе — груда материальных объектов, и задача человека — сделать этот мир волшебным. В этом нам помогает миф, который придает смысл и характер реальности.

Итак, выводим базовый тезис: *миф — это процесс структурирования внутрен-*

ней и внешней реальности, что позволяет создать комфортную модель мира. Миф предполагает заведомые способы поведения в тех или иных ситуациях и конкретные рецепты решения проблем. Совокупность приемлемых для данного индивида рецептов решения задач и моделей поведения можно рассматривать как архетипичность. В этом отношении миф можно рассматривать как основу архетипичности, а также как основу поведенческих и коммуникативных стратегий. Кроме того, здесь же миф выступает в качестве основы системы ценностей. Однако в этих изысканиях можно шагнуть значительно дальше — можно рассматривать миф как основу сценария человеческой жизни. Ведь выбирая приемлемые формы поведения и взаимодействия с окружающей действительностью, человек выбирает также приемлемые формы реальности и сюжетные линии, позволяющие реализовать эти формы. Здесь миф выступает не только как способ организации жизни, но и как способ формирования мира вокруг себя.

Итак, определив базовые понятия, используемые в данной методологии, перейдем к рассмотрению техник НЛП-моделирования. Душой и сердцем НЛП традиционно считается моделирование — описание поведенческих навыков, позволяющее использовать эти навыки другому человеку. В идеале, в русле кибернетического подхода НЛП, считается, что качественная модель должна «инсталлировать» нужные навыки в психологию другого человека — или, на худой конец, сделать их более доступными. И здесь мы видим огромное поле для дискуссий — как те идеи, которые кажутся спорными, так и те, которые можно развить и дополнить.

Разновидностей, способов и методологий моделирования много — как в рамках концепции НЛП, так и за ее пределами. И, как говорит Дэвид Гордон, «У всех у них есть различные идеи, которые они могут предложить нам. Ни одна из

этих методологий не является правильной, и в свое время каждая из них по очереди будет перепахана, чтобы удобрить поле, на котором вырастет новая методология — та, которую мы себе еще даже и представить не можем. Не имеет значения, насколько прекрасными могут быть некоторые из подобных методологий, но ни одна из них не работает сама по себе. Именно люди вдыхают в методологию жизнь» [3].

Именно это утверждение мы предлагаем взять за основу, развивая концепцию моделирования, и для дальнейшей работы нам нужно четко определиться с терминологией. Во избежание разногласий возьмем определение, предложенное Д. Гордоном: «модель — описание человеческого опыта и поведения», «моделирование — создание полезных описаний человеческого опыта и поведения» [4].

Исходным предположением моделирования в НЛП является утверждение, что если поведение человека эффективно благодаря использованию определенных ментальных стратегий, то и другой человек, используя те же стратегии, способен достигать схожие результаты. Пожалуй, это утверждение можно считать наиболее спорным, что признают сами классики НЛП: например, как пишет Джозеф О'Коннор, «Модель никогда не будет приносить тех же результатов, что и оригинал. Однако она все же может быть полезной, и помогать людям мыслить нечто по-другому и находить новые отличия в своем опыте, чего они не делали ранее. Поэтому они станут лучше в понимании самих себя» [5].

Еще дальше идет Дэвид Гордон, ставя под вопрос, всегда ли мы властны менять свои поведенческие паттерны: «В НЛП существует предостережение: «Если ты продолжаешь делать то, что ты делал всегда, ты будешь продолжать получать те же результаты, которые получал всегда». Но, возможно, на самом деле у нас нет выбора относительно этого. ... Возможно, это основополагающее свойство нашей на-

туры, и мы не можем вести себя по-другому. Мы можем только учиться копировать стратегии. Вероятно, мы — усовершенствованные животные. Ни больше, ни меньше. Мы скрываем наши инстинктивные желания, но они, однако, все еще здесь и всегда здесь будут» [6].

Подобные предположения существенно сужают границы возможностей классического НЛП-моделирования, что еще больше подчеркивает О'Коннор: «Со времен своего рождения по теме НЛП-моделирования был сделан ряд нереалистичных и недоказуемых утверждений, которые большей частью основывались на надежде и оптимизме, а не на строгости и проверке». Причин, по которым моделирование не оправдало своих изначальных надежд, он видит три. Первая, по его мнению, причина — отсутствие четких и ясных отличий между тем, что такое модель и что такое описание. «Модель не говорит вам ЧТО, она говорит КАК, это динамика. Нейрологические уровни могут быть полезным инструментом понимания мира (хотя, нейрологические уровни и не являются моделью), и многие так называемые модели являются простыми описаниями в терминах нейрологических уровней. Они могут быть занимательными и облегчающими понимание, но не являются моделями» [7].

Вторая причина, которую он выделяет — попытка смоделировать результат вместо попытки смоделировать процесс обучения. Какими бы полными и качественными не были описательные модели, они не заменят процесс тренировки и отработки навыка. «Полное описание моего состояния (в то время как я играю на гитаре) в терминах нейрологических уровней никому не поможет научиться играть на гитаре, или даже просто повысить уровень своей игры» [8].

В-третьих, как пишет О'Коннор, НЛП моделирование часто использует слишком сильные обобщения и не имеет соответствующих инструментов различения. «Поведения слишком комплекс-

ный феномен, а ТОТЕ слишком общая мета-стратегия. НЛП моделирование является настолько успешным, насколько в этом деле хорош тот, кто моделирует, и насколько хороши те инструменты, который он при этом использует. В этой метафоре инструментами являются существующие модели и дистинкции НЛП — Мета Модель, Милтон Модель, субмодальности, метапрограммы и т.п. Иногда эти дистинкции просто не подходят к тому процессу, который вы хотите моделировать — к примеру, групповые процессы» [9].

Впрочем, в контексте общей увлеченности кибернетическим подходом появление подобных исходных установок не кажется удивительным: «Я думаю, что эти ловушки являются следствием применения в НЛП метафоры компьютерного программирования и ее нацеленностью на скорость. Поведение и способности не являются программным обеспечением, которое может быть скопировано на другой носитель (компьютер) и принести там те же результаты, потому что люди не компьютеры. Мозги не работают по законам логических алгоритмов. Они изменяются во время обучения даже на нейронном уровне» [10].

Исходя из этого, можно выделить несколько базовых предположений для дальнейшей работы. Первое, из чего мы исходим — моделирование не способно заменить наработку навыков там, где требуется их планомерная наработка. Но оно может существенно ее ускорить, создать мотивацию, способствовать интеграции навыка на бессознательный уровень. И оно может быть очень полезно в той ситуации, когда навык уже набран, но с его своевременным и конгруэнтным использованием возникают некие затруднения.

Второе, из чего мы исходим — модель никогда не является реальностью и, более того, даже не соответствует ей. Как говорит Дэвид Гордон, «Модели — не реальность, а описание, и никогда не будут

совпадать с реальностью. Ни одна модель не соответствует реальности целиком» [11]. Ему вторит Джозеф О'Коннор: «Милтон модель, однако, не является моделью Милтона Эриксона, это модель только небольшой части его лингвистических навыков. Она не захватывает суть личности этого человека, и овладение Милтон Моделью не позволит вам проводить терапию так же, как это делал Милтон, хотя, вполне вероятно, вы станете лучше работать как психотерапевт после того, как освоите эту модель» [12].

Следующая предпосылка, которую мы закладываем в основу, представляет собой озарение Гордона о том, что мы не находим полезные описания, а придумываем их. Соответственно, сама модель является не «фотографией», а, скорее, зарисовкой с натуры, порой очень абстрактной и напоминающей образец лишь отдаленно. И эффективность модели зависит не от того, насколько точно она соответствует первоисточнику, а от того, насколько она резонирует с моделью мира того, кто ее будет использовать. И тогда ценность самой модели заключается не в том, чтобы скопировать успешную у кого-то стратегию, а в том, чтобы расширить спектр возможных вариантов, выйти за рамки заведомо неудачных ментальных циклов, создать по ее подобию новые стратегии. Модель может являть собой лишь кусочек мозаики, и мастерство состоит в том, чтобы создать из этих кусочков шедевр.

Здесь мы подходим к вопросу личного мастерства, и если рассматривать моделирование как способ его достижения, то мы считаем возможным выделить в этом процессе несколько ключевых этапов:

1. Обучение, максимально широкий сбор информации, массирующая наработка навыков, поиск «своего»;

2. Постепенная интеграция и сопоставление освоенных паттернов, их оценка на применимость, внедрение в практику;

3. Моделирование: создание собственных моделей, четкое определение целей, задач и контекстов применения, отсечение лишнего, комбинирование методик в целостные единые модели;

4. Ритуализация, введение навыков в постоянную практику.

Стоит отметить, что ритуализацию, создание регулярных действий, которые поддерживают навык, развивают его и заставляют им пользоваться, мы считаем важным этапом моделирования — едва ли надолго сохраниться тот навык, который не нужен на практике и никак не используется.

Итак, для того, чтобы модель была эффективной, она должна резонировать с моделью мира того, кто будет ее использовать. Тогда нам нужны дистинкции, позволяющие описать модель мира, и традиционных дистинкций НЛП для этого мало — они уже использованы в классических методиках моделирования. Как мы помним, «если что-то не получается, сделай что-нибудь другое», и «чтобы описать систему, нужно выйти за ее пределы». Как говорит Роберт Дилтс, знайте границы паттернов, но знайте также и границы дистинкций, которые вы используете.

Мы предлагаем взять в качестве основной дистинкции матрицу мифа — как ту основу, которая формирует все последующие слои мировосприятия. И тогда моделирование превращается в мифомоделирование — создание такой системы личностных образов, мифологем и архетипов, которая обеспечивает максимально плодотворную почву для изменения, интеграции и развития поведенческих паттернов.

Данный подход несколько не отрицает методик классического моделирования — напротив, он дополняет их, создавая механизмы для более тонкой «настройки» интегрируемых паттернов. Выбирая любимую сказку, воспринимая мифологемы и архетипы, человек, по сути, занимается бессознательным моде-

лированием. Идея в том, чтобы связать эти уровни моделирования с интеграцией навыков. Таким образом интеграция происходит автоматически на всех логических уровнях, и, может статься, еще глубже.

Специфика этой методики заключается в том, что акцент внимания смещается с человека, являющегося носителем навыка, на комплекс мифологем и образов, создающих контекст для актуальности, ценности и доступности этого навыка. Задача в том, чтобы этот комплекс был близок и актуален для человека. Поэтому именно его мы «моделируем» в первую очередь — например, если в комплекс доминирующих мифологем, архетипов и образов данный навык не вписывается, то наша задача изменить его так, чтобы, соответствуя прежним критериям и сохраняя актуальные ценности, он мог поддерживать данный навык. Эта работа представляется самой тонкой, поскольку насильно «насаженный» образ не будет интегрирован и воспринят как близкий и актуальный.

Другой важный аспект мифомоделирования — вариативность сценариев. Каждый архетип является не только моделью, актуализирующей определенные ценности, качества и навыки, но и моделью определенного жизненного сценария. И очень может случиться, что актуализированные качества и навыки более чем уместны здесь и сейчас, но общий итог оставляет желать лучшего или вообще неприемлем. Например, если для архетипа эпического героя характерным сценарием является трагическая кончина, чего мы, предполагается, не хотим, но для нас актуальны какие-либо соответствующие ему навыки, можно рассмотреть палитру связанных с этим архетипом образов — все ли они так трагичны? Может быть, можно найти сценарий, где воин, к примеру, становится правителем, или ведет совершенно иной образ жизни, оставаясь при этом воином (пусть и в альтернативном

виде — например, шаолиньский монах и т.п.). И, находя нужный культурный скрипт, нужный образ и нужный сценарий, мы можем работать дальше.

В этом процессе могут помочь терапевтические техники — например, «интеграция частей личности» может помочь создавать новые образы на базе имеющихся, а «генератор нового поведения» — совершенствовать их. Многие из терапевтических методик можно условно определить как «технологии быстрого моделирования», поскольку они позволяют создать модель мастерства на базе того материала, который уже есть в личном опыте.

На этапе встраивания модели может быть очень полезна и актуальна работа с интегративными состояниями, ускоряющими общий процесс интеграций и делающими ее более глубокой и экологичной. Это могут быть как игры Нового Кода, структуру которых можно модернизировать непосредственно для развития данного навыка, так и интенсивные интегративные психотехники.

Общая структура мифомоделирования:

1. Постановка цели — определение навыков и поведенческих моделей, которые необходимо освоить. Основой данного этапа является модель хорошо сформулированного результата.

2. Пристройка к будущему — создание базовых образов (ассоциированных и диссоциированных), как может выглядеть применение данных навыков и моделей. На данном этапе уместно использование таких технологий, как генератор нового поведения, встраивание новой части личности, шестишаговый рефрейминг и т.д.

3. Поиск архетипов и образов, поддерживающих эти навыки и модели.

4. Поиск и проработка мифологем, связанных с данными архетипами, поиск вариативности образов и сценариев.

5. Компиляция, интеграция архетипов и образов, выработка наиболее гар-

моничных моделей и наиболее оптимальных сценариев. По сути, на этом этапе происходит разработка собственного мифа. На уровне техник могут использоваться интеграция частей личности, интеграция логических уровней, проработка я-концепции, встраивание новых частей, генератор нового поведения и т.д.

6. Поиск конкретных людей, реальных моделей для моделирования. В чем-то это напоминает стратегию Диснея — от общего списка возможных вариантов мы переходим к более конкретным и структурированным моделям, и затем моделируем людей, которые наиболее соответствуют критериям модели. Важная особенность — людей можно моделировать исключительно как носителей навыков, но не как основу модели. Модель создается индивидуально на основе актуальных мифологем и архетипов, которые «редактируются» до оптимума, обеспечивающего максимальную комфортность и эффективность. Разумеется, никакой человек, тем более посторонний, в должной степени этой модели соответствовать не будет. Также желательно, чтобы людей было несколько — это дает возможность не просто встраивать жестко заданную стратегию, а иметь гибкость, используя несколько возможных стратегий.

7. ИмPLICITное моделирование.

8. ЭкPLICITное моделирование.

9. Интеграция моделей, выявление связующих паттернов. На этом этапе уместно использовать терапевтические методики на интеграцию стратегий и моделей (как друг с другом, так и с базовой мифомоделью) — от интеграции частей личности до работы с линией времени и проработки я-концепции.

10. Использование игр Нового Кода для интеграции. Структура игр создается исходя из специфики модели и навыков.

11. Интенсивные интегративные психотехники для глубинной интеграции.

12. Ритуализация — создание регулярных действий и практик, развивающих данные навыки и служащих дополнительной опорой для я-концепции.

Не факт, что для создания каждой модели целесообразно проходить все эти этапы; также не факт, что каждый этап является критически необходимым. Вполне вероятно, что для решения «повседневных» задач будут достаточны отдельные этапы, и вполне может быть, что эти этапы в какой-то мере взаимозаменяемы. Мы рассмотрели комплексную модель, задачей которой является максимально системный взгляд на создание и интеграцию поведенческих моделей.

Литература

1. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. — Мн.: Харвест, 2003.

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994.

3. Гордон Д. Желтые мимы, обучение III и объяснение объяснений: как моделирование может спасти мир (Тезисы выступления на конференции по НЛП в Канаде в 2002 г.).

4. Гордон Д. Новые подходы к моделированию. Запись семинара в Москве 2001 г.

5. О'Коннор Дж. В каких случаях не работает НЛП моделирование?

Недозрелов А. В. Matrix myth as basis for modeling

Article is devoted to the analysis matrix myth, which is understood as the totality of mythologems, archetypes and images that make up the model of the world, are the basis of its value system and provided a script to life.

Keywords: Matrix, modeling, archetype, myth, model, action, behaviour

Останина А.И., Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОДИНОЧЕСТВА И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С СИСТЕМОЙ ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена проблеме изучения субъективного одиночества и его взаимосвязи с системой жизненных смыслов личности. Описаны различия систем жизненных смыслов у субъективно одиноких и субъективно не одиноких. В исследовании выявлены доминирующие жизненные смыслы обеих групп. Установлено наличие взаимосвязи субъективного одиночества с системой жизненных смыслов личности.

Ключевые слова: субъективное одиночество, одинокая личность, система жизненных смыслов личности, смысл жизни, личностный смысл, экзистенциальный смысл, семейный смысл.

Субъективное одиночество является одной из малоизученных проблем современной психологической науки. Существует необходимость изучения данного феномена, так как субъективное одиночество относится к группе тензионных психических состояний, которые вызываются недостатком внешней стимуляции физического и социального характера [4]. Субъективное одиночество является одним из распространенных и острых по эмоциональному переживанию состояний. Установлено, что переживание субъективного одиночества не зависит от пола, возраста или социальной принадлежности. Как отмечает Т.Вульф, «одиночество отнюдь не редкость, не какой-то необычный случай, напротив, оно всегда было и остается главным и неизбежным испытанием в жизни каждого человека» [2, 28].

Несмотря на то, что проблема субъективного одиночества интенсивно разрабатывается как в западной, так и в отечественной психологии, в настоящее время отсутствует единое определение данного феномена. Субъективное одиночество изучается в рамках следующих психологических подходов: экзистенциального, когнитивного, психодинамического, биологического, социологического, гуманистического, межличностного, системного, каждый из которых предлагает свое понимание его сущно-

сти и природы. Общим для всех этих подходов является рассмотрение субъективного одиночества как более сложного и многоаспектного состояния. Представители разных подходов раскрывают и описывают определенный аспект, одну из составляющих состояния субъективного одиночества, находясь на определенном уровне сложности системы «человек»: биологическом, социальном, межличностном. Следствием этого является отсутствие четкой дефиниции понятия одиночества, которое рассматривается с различных позиций: как процесс, состояние, ощущение, чувство. В своей работе мы придерживались понимания субъективного одиночества как состояния в целом связанного с переживанием ситуаций, субъективно воспринимаемых как нежелательные, личностно неприемлемые для человека, связанные с дефицитом общения и положительных интимных отношений с окружающими людьми [3].

Установлено, что переживание субъективного одиночества сопровождается чувством беспомощности и страха, у человека актуализируется ощущение бессмысленности своего существования [1]. В этом состоянии человек задумывается о проблемах экзистенциального порядка. Исследованиям смыслов личности посвящается много внимания, но связь с субъективным одиночеством не

рассматривается, хотя общеизвестно, что в состоянии одиночества человек сталкивается с выбором своего жизненного пути, задумывается о смысле жизни, самоопределении.

В связи с этим мы предприняли попытку рассмотреть взаимосвязь субъективного одиночества и системы жизненных смыслов личности, при этом мы исходили из следующих допущений:

1. Состояние субъективного одиночества взаимосвязано с системой жизненных смыслов личности.

2. Система жизненных смыслов личности у субъективно одиноких и субъективно не одиноких различна.

С целью определения уровня переживания субъективного одиночества применена методика «Диагностика уровня переживания субъективного одиночества», предложенная Д.Расселом, Л.Пепло, М.Фергюсоном. Для изучения и построения системы жизненных смыслов у субъективно одиноких и субъективно не одиноких использована методика В.Ю.Котлякова «Исследование системы жизненных смыслов».

Анализ результатов исследования начнем с показателей распределения

испытуемых по выраженности переживания субъективного одиночества, которые представлены на рисунке 1.

Из рисунка видно, что у 20% испытуемых от всей выборки выражен высокий уровень переживания субъективного одиночества. Данные относятся к группе субъективно одиноких, остро переживающих это состояние. У 40% испытуемых констатируется средний уровень переживания субъективного одиночества. Эти испытуемые относятся к группе не остро переживающих состояние субъективного одиночества, и относятся к норме. Данным испытуемым характерно принятие состояния субъективного одиночества. Эти испытуемые способны устанавливать положительные интимные отношения, но и находясь в состоянии субъективного одиночества, они не тяготеют им. Так же 40% испытуемых от общей выборки переживают состояние субъективного одиночества на низком уровне, и относятся к группе не субъективно одиноких.

По результатам проведенной диагностики показатели распределения испытуемых по выраженности доминирующего жизненного смысла у испытуемых

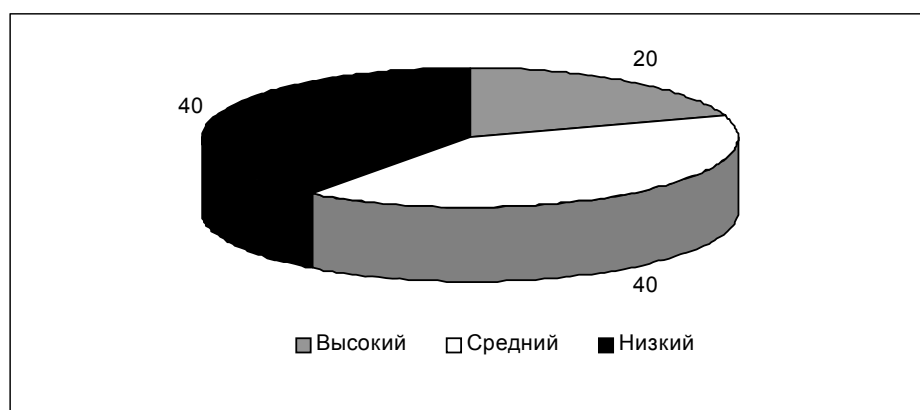

Рис. 1. Распределение испытуемых по выраженности переживания субъективного одиночества (в %)

с высоким и низким уровнем переживания состояния субъективного одиночества представлены на рисунке 2.

Из рисунка 2 видно, что доминирующим у 70% субъективно одиноких испытуемых является экзистенциальный жизненный смысл. Это говорит о том, что большинство субъективно одиноких первоначально волнуют проблемы познания смысла жизни, свободы, любви. Таким людям свойственны философские размышления о своем месте в жизни, предназначении. Они стараются понять себя, найти себя. Это указывает на то, что у человека нет конкретного смысла в жизни, нет определенной цели, и он находится в поиске. Отсутствие конкретного смысла жизни или невозможность его реализовать порождает у человека состояние экзистенциального вакуума и экзистенциальной фрустрации, выступающие причиной так называемых ноогенных неврозов, связанных с апатией, депрессией и утратой интереса к жизни. Ноогенный невроз по В.Франклу, характеризуется как сово-

купность психических нарушений, связанных с переживанием утраты смысла жизни [5]. Направленность на экзистенциальный смысл жизни — это избегание активной жизни и решение экзистенциальных проблем. Одиночество, таким образом, оказывается следствием нерешенных основных жизненных задач. В связи с этим возникает предположение о том, что переживание одиночества, отчуждения от общества и беспомощности, актуализирует ощущение бессмысленности своего существования. У субъективно не одиноких экзистенциальный смысл жизни выражен лишь у 20%, для такого же количества субъективно не одиноких испытуемых данный смысл жизни не имеет значения.

Смысл самореализации для обеих групп актуален и имеет значение. Но, несмотря на это, результаты различны. Так у 60% субъективно одиноких, а это больше половины, данный смысл доминирует в системе жизненных смыслов. А у субъективно не одиноких он доми-

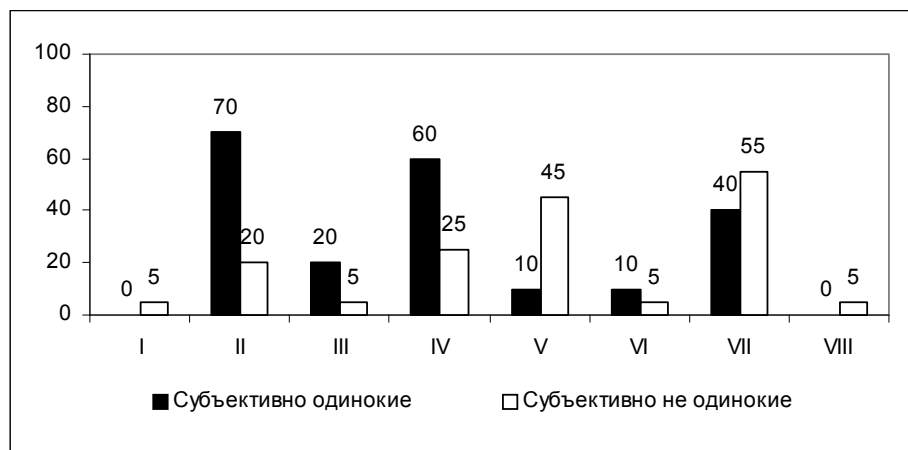

Рис. 2. Распределение испытуемых по выраженности доминирующего жизненного смысла у субъективно одиноких и субъективно не одиноких (в %)

Примечание: I — альтруистический, II — экзистенциальный, III — гедонистический, IV — смысл самореализации, V — статус, VI — коммуникативный смысл, VII — семейный, VIII — когнитивный.

нирует только у 25% испытуемых. Это указывает на то, что субъективно одиноким людям характерно стремление к совершенствованию, к тому, чтобы реализовать все свои возможности. Для них очень важно осуществить себя.

Семейный смысл жизни является важным для всех субъективно не одиноким, доминирует он у 40% испытуемых, для них значимо жить ради своей семьи, помогать своим родным и близким, передавать все лучшее своим детям. У 55% субъективно не одиноким семейный смысл жизни является доминирующим, при этом у половины от общей выборки субъективно одиноким семейный смысл жизни слабо выражен.

Рисунок 2 наглядно показывает наличие различий между субъективно одинокими и субъективно не одинокими по выраженности статусного смысла жизни. Так у 45% субъективно не одиноким испытуемых и лишь у 10% субъективно одиноким этот смысл жизни доминирует. Субъективно не одиноким личности больше присуще стремление добиваться успеха, занимать достойное положение в обществе, что связано с уверенностью в себе и адекватной самооценкой.

Не смотря на то, что в большинстве случаев говоря о проблеме одиночества, затрагивают потребность и недостаток в общении, из результатов данного исследования видно, что коммуникативный смысл не относится к числу доминирующих в системе жизненных смыслов субъективно одиноким личности. Так он выражен лишь у 10% субъективно одиноким испытуемых и доминирует только у 5% субъективно не одиноким.

Полученные результаты эмпирического исследования показывают наличие различий доминирующего смысла жизни личности у субъективно одиноким и субъективно не одиноким данной выборки в общей системе жизненных смыслов. Несмотря на то, что система жизненных смыслов каждого в отдельности индивидуальна, можно сформировать общую систему жизненных смыслов характерную субъективно одиноким личности и общую систему жизненных смыслов характерную субъективно не одиноким личности.

Сравнительный анализ систем жизненных смыслов субъективно одиноким и субъективно не одиноким личности показал наличие доминирования экзи-

Таблица 1. Система жизненных смыслов субъективно одиноким и субъективно не одиноким личности

Ранг	Система субъективно одиноким личности	Система субъективно не одиноким личности
1	Экзистенциальный смысл	Семейный смысл
2	Смысл самореализации	Статусный смысл
3	Гедонистический смысл	Смысл самореализации
4	Статусный смысл	Экзистенциальный смысл
5	Семейный смысл	Гедонистический смысл
6	Коммуникативный смысл	Коммуникативный смысл
7	Когнитивный смысл	Когнитивный смысл
8	Альтруистический смысл	Альтруистический смысл

стенциального смысла жизни у субъективно одинокой личности и доминирование семейного смысла у субъективно не одинокой личности. Для обработки результатов мы применили U критерий Манна-Уитни программы «Биостат». Статистический анализ подтвердил наличие достоверных различий по выраженности экзистенциального жизненного смысла (при $U = 2,322$, $p = 0,020$; наибольшее среднее значение у субъективно не одиноких испытуемых (12,4), наименьшее — у субъективно одиноких (7,8)). Так же статистически достоверны различия в выраженности семейного жизненного смысла у субъективно одиноких и субъективно не одиноких испытуемых (при $U = 2,033$, $p = 0,042$; наибольшее среднее значение показателей у субъективно одиноких испытуемых (14,5), наименьшее — у субъективно не одиноких (10)). Так как субъективно одинокие и субъективно не одинокие испытуемые имеют существенные статистически достоверные различия систем жизненных смыслов личности, это подтверждает наличие взаимосвязи субъективного одиночества и системы жизненных смыслов личности.

Выполненное исследование имеет перспективы дальнейшего развития.

Так, предметом специального исследования могут стать особенности переживания субъективного одиночества в зависимости от наличия и отсутствия партнера, отношение личности к переживанию состояния субъективного одиночества.

Литература

1. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. № 2. С. 46–56.
2. Долгинова О.Б. Изучение одиночества как психологического феномена / Прикладная психология. 2000. № 4. С 28–36.
3. Перлман Д., Пепло Л.Э. Теоретические подходы к одиночеству. Лабиринты одиночества / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е.Покровский. — М., 1989. 238 с.
4. Психические состояния / Сост. и общая редакция Л.В.Куликова. — СПб.: Питер, 2001. 512 с. (Серия «Хрестоматия по психологии»).
5. Пузько В.И. Экзистенциальный невроз как бегство от одиночества. Материалы научной конференции «Теология, философия и психология одиночества». — Владивосток, 1995. 269 с.

Ostanina A.I. Features of experience of subjective loneliness and its interrelation with system of vital senses of the person

The article is being held on the problem of studying loneliness and its correlation with system of meaning purports of life personality. The differences between system meaning purports of life personality of loneliness and not loneliness opponents are described. In the scientific research dominating meaning purports of both life groups were defined. The fact of correlation between loneliness and system meaning purports of life personality was doubtless established.

Keywords: subjective loneliness, loneliness personality, system meaning purport of life personality, meaning purport of life, personality meaning, existential meaning, domestic meaning.

Стародубцева Г.А., Иркутск

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Организационная лояльность, как социально-психологическая установка, отражающая отношение сотрудника к организации и деятельности в ней, определяется смысловыми конструктами. При этом сотрудники с различной выраженностью организационной лояльности имеют различные смысловые конструкты. Последние, в свою очередь, могут обнаруживать тесную связь с ценностными ориентациями, которые лежат в основании многих организационных процессов.

Ключевые слова: организационная лояльность, смысловые конструкты, ценностные ориентации, организация.

В практике современного конкурентно насыщенного рынка труда перед работодателями остро стоят вопросы диагностики и прогнозирования лояльного/нелояльного поведения сотрудников. Решение проблемы формирования организационной лояльности персонала также является одним из важнейших направлений кадрового менеджмента в условиях гонки за качеством продукта, уровнем обслуживания клиентов, получения прибыли при производстве товаров. Решение данных задач на практике не всегда оказывается эффективным без решения кадровой политики. Многие российские компании, сталкиваясь с последствиями низкой лояльности персонала, высокой текучестью кадров, хищениями, утечкой конфиденциальной информации, снижением производительности и качества труда, падением трудовой дисциплины, пассивностью и пр.

Очевиден запрос практиков к науке в отношении изучения самого феномена организационной лояльности, ее психологических и социально-психологических механизмов, факторов влияния на лояльность персонала со стороны организации, ее руководства, внутренних детерминант лояльности, способов предупреждения и профилактики нелояльности.

«Организационная лояльность» (ОЛ) как научный конструкт социальной и организационной психологии еще мало изучен. Приходится констатировать, что сегодня не существует общепринятой научной концепции лояльности, развернутой модели ее структуры и механизмов, нет единого мнения о ведущих факторах лояльности, о технологиях управления лояльностью. Более того, исследователи лояльности продолжают полемизировать по вопросу о сущности и основном содержании организационной лояльности. Не всегда ясно, что именно надо измерять в эмпирических исследованиях, когда изучается лояльность. Весь этот круг научно-исследовательских проблем требует теоретических решений. Накопление же эмпирических фактов в данной области исследований позволит восполнить нехватку знаний о механизмах ОЛ для теоретического осмысления интересующего феномена.

Организационная лояльность составляет важный элемент организационного взаимодействия, как руководства, так и сотрудников. Во-первых, лояльность между руководителями организации определяет, с одной стороны, ее общую психологическую атмосферу, распространяясь на все ее уровни, с другой — начинает выступать как

внутриорганизационная норма, формируя организационную культуру. Во-вторых, лояльность руководителей друг к другу позволяет быстро и эффективно решать любые проблемы. В-третьих, лояльность к персоналу является важнейшим организационным ресурсом, так как лояльность руководителя по отношению к сотрудникам вызывает ответный отклик в виде желания оправдать доверие, мобилизует все возможности работников и повышает проявление ответственности. Но это происходит далеко не всегда и не часто. В-четвертых, организационная лояльность сотрудников по отношению к организации, преданность ей будет действенна в том случае, когда руководство компании выстраивает системную, многоуровневую целенаправленную кадровую политику персонала в соответствии с корпоративной культурой компании. Кадровая политика является для организации своеобразным каркасом, который строится из системы управления персоналом, планирования кадровой работы, проведения маркетинга персонала, определения кадрового потенциала и потребности организации в персонале [9]. В свою очередь, организационная лояльность персонала — это такой социально-психологический феномен в организации, без учета которого, любая, даже самая усовершенствованная кадровая политика персонала не будет работать.

На предыдущих этапах исследования, измеряя уровень организационной лояльности (ОЛ), мы пришли к выводу, что ОЛ как социально-психологическая установка определяет отношение сотрудников к организации и деятельности в ней [7]. ОЛ необходимо изучать через смысловую сферу работника, включающую в себя элементы сознания и самосознания, систему установок, отношений личности к ор-

ганизации и другим сторонам профессиональной деятельности. Более того, мы считаем, что в качестве ключевой категории в понимании такого многомерного конструкта, как ОЛ, должен являться смысл, поскольку это позволит снять противопоставление «внешнего» и «внутреннего», «субъективных» и «объективных» факторов ОЛ. Смысловой конструкт — устойчивая индивидуально-специфическая категориальная шкала, служащая инструментом выделения, классификации и оценивания субъектом значимых характеристик объектов и явлений действительности [4]. Следовательно, смысл слова «организационная лояльность» для личности будет определяться через смысловые конструкты, которые не только дифференцируют, но и объединяют объекты и явления в классы по сходному смысловому основанию. Хотя очевидно, что ОЛ является многомерным конструктом, и существующие исследования не определяют компоненты (конструкты) ОЛ однозначно. Такая многозначность в понимании ОЛ создает определенные сложности в выделении смысловых конструктов, отражающих лояльное отношение сотрудников к организации.

Смысловой конструкт, наравне с мотивом и смысловой диспозицией, образует второй уровень смыслообразующих структур в динамической смысловой системе (ДСС) как принципа организации и единицы анализа смысловой сферы личности по Д.А.Леонтьеву. Смысловые конструкты отличаются «наибольшей обобщенностью и устойчивостью из числа смысловых структур «второго яруса» и наиболее тесной связью с личностными ценностями» [4, с. 223]. Личностные ценности, как высший уровень ДСС, являются неизменными и устойчивыми в масштабе жизни субъекта источником смыслообразования, автономным по

отношению к конкретным ситуациям взаимодействия субъекта с миром. Что касается первого уровня структур, то в него входят личностный смысл и смысловая установка, непосредственно включенные в регуляцию процессов деятельности и психического отражения. На наш взгляд, концепция ДСС как концепция о смысловой организации является наиболее полной и проработанной.

Возвращаясь к категориальным шкалам, конструктам Д.А.Леонтьев предлагает различать два типа шкал: предметные и смысловые.

Предметный конструкт — описывает объекты и явления на языке их собственных признаков либо ассоциирующихся признаков других объектов [4, с. 217].

Смысловой конструкт — устойчивая категориальная шкала, представленная в психике субъекта на уровне глубинных структур образа мира, выражающая значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явления действительности (или отдельного их класса), и выполняющая функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру следствием которой является приписывание им соответствующего жизненного смысла [4, с. 217]. «Смысловые конструкты как источники смысла объектов, явлений и ситуаций, заслуживают более пристального внимания, чем мотивы и смысловые диспозиции. В отличие от мотивов они являются устойчивыми, инвариантными, а в отличие от смысловых диспозиций вносят вклад в оценку всех без исключения объектов и явлений действительности. Тем самым смысл любого объекта или явления частично определяется его оценкой по смысловым конструктам» [4, с. 220]. Смысловые конструкты могут выступать источником личностных смыслов, ведь смысл лю-

бого объекта или явления частично определяется его оценкой.

В.В.Столин и М.Кальвиньо обнаружили важную закономерность функционирования смысловых конструктов: объекты и явления, обладающие выраженным личностным смыслом, могут быть привязаны к одному из полюсов смыслового конструкта — как «склеиваться» с самим конструктом, в этом случае они начинают выступать как критерии оценивания других объектов [8]. Возможно также «склеивание» смысловых и предметных конструктов; в этом случае оценка по предметному основанию косвенно отражает характеристику личностного смысла объектов и явлений. «Например, оценивая объект как «большой», я признаю его тем самым страшным, а оценивая его как «маленький» — безопасным» [4, с. 218]. Для нас становится очевидным тот факт, что в зависимости от того с какими смысловыми конструктами сотрудника будет происходить «склеивание» предметных конструктов, отражающих лояльное отношение работника к компании и его работы в ней, будет зависеть его лояльное или нелояльное отношение. Кроме этого, само содержание ОЛ будет зависеть от содержания смысловой оценки предметных конструктов, которые ее характеризуют.

По мнению В.Ф.Петренко, «конструкты определяют систему категорий личности, через которые субъект осуществляет межличностное восприятие: чем шире набор личностных конструктов у человека, тем более многомерным является образ мира, себя, других, тем выше его когнитивная сложность» [6, с. 69]. Таким образом, главной характеристикой смыслового конструкта является его биполярность. По мнению А.Д.Леонтьева, смысловые конструкты выполняют функцию непосредственной близости реального положения ве-

щей к идеальному или необходимому. В.И.Доминяк выявил значимость соотношения идеальных ожиданий и реального представления об организации в формировании ОЛ: «До поступления на работу в организацию потенциальный сотрудник сначала не владеет информацией об организации. В процессе формирования решения о поступлении на работу он накапливает знания об этой организации, условиях работы, предполагаемой компенсации и т.п. Одновременно формируется и идеальная картина ожиданий потенциального сотрудника. Если расхождения между идеальной картиной ожиданий и реальной картиной жизни организации присутствуют, то приверженность начинает снижаться. Чем больше совпадения между идеальной картиной ожиданий и реальной картиной жизни организации, тем выше организационная приверженность» [1, с. 114–115]. Таким образом, если реальные представления об организации и деятельности в ней совпадают с идеальными представлениями о том, какая в идеале должна быть работа в организации и лояльное отношение к ней, организационная лояльность будет выше. Следовательно, в зависимости от того, где будут находиться предметные конструкты лояльного отношения к организации, от соотношения реального положения вещей и идеального в субъективном образе мира сотрудника, от силы связи между ними будет зависеть смысл ОЛ.

Все это приводит к предположению о том, что *при этом сотрудники с различной выраженностью ОЛ имеют различные смысловые конструкты по отношению к организации и деятельности в ней в зависимости от ценностных ориентаций самих сотрудников, поскольку последние, по мнению А.Д.Леонтьева, обнаруживают тесную связь со смысловыми конструктами.*

Исследование же ценностей в вопросе изучения ОЛ сотрудников важно потому, что ценностные ориентации лежат в основании многих организационных процессов. Люди приходят в организацию, имея множество систем ценностных представлений, которые постоянно взаимодействуют с системами ценностных ориентаций самой организации, организационной жизни. Вследствие этого ценности способны влиять не только на поведение работников, но и на эффективность организации в целом. Например, «если работник убежден, что поощрение должно основываться, прежде всего, на результатах деятельности, он вряд ли будет относиться с одобрением к системе стимулирования, вознаграждающей работников за стаж работы» [2, с. 572]. Значительный вклад в данную область внесен Т.С.Кабаченко, которая изучила взаимосвязь ценностей сотрудников организации и их поведения, выделила перечень ценностей, регулирующих организационное поведение персонала [3]. Увеличение зависимости сотрудников от организации, то есть высокая зависимость сотрудников от организации, приводит к усилению влияния организации на систему ценностей личности. Ценности, характеризующие достижение целей организацией, широко исследуются в экономических науках с целью повышения эффективности функционирования компаний (Fey and Denison, 1998; Fey and Kusnarenko, 2000).

Ценности не всегда осознаются индивидом, при этом их регулятивное влияние остается. Таким образом, ценности представляют собой базовые представления о том, что определенные идеалы, цели, формы поведения или институты являются индивидуально или социально предпочтительнее иных идей, целей, форм поведения и т.д. [11]. Ценностные ориентации яв-

ляются важнейшими элементами внутренней структуры личности. Они закреплены жизненным опытом индивида и отграничивают значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует своего рода систему личностных координат, обеспечивающую устойчивость и преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов человека [5].

Ценностные представления могут быть разделены на две большие группы: терминальные и инструментальные. К первой группе относятся ценности, которые выступают базовыми, имеющие нормативный аспект. В соответствии с ними человек строит свою жизнь, их он готов отстаивать и укреплять (пример, ценности здоровья, деятельная жизнь, общественное признание, счастливая семейная жизнь и др.). Порядок в иерархии скорее всего определяется степенью обобщенности и важности ценностей для реализации потребностей и физического и социального существования человека [1, с. 50]. Ко второй группе относятся ценности, имеющие более конкретный поведенческий смысл, они отражают способ деятельности субъекта (пример, аккуратность, независимость, ответственность, самоконтроль и др.). В отличие от терминальных ценностей, которые характеризуются значительной устойчивостью и консервативностью, инструментальные ценности более гибки и подвижны. Они в значительной степени подвержены изменениям в результате обучения или нового опыта [10, с. 577].

В нашем исследовании мы придерживаемся концепции В.А.Ядова об иерархической структуре диспозиций и ее социальной обусловленности, в ко-

торой самый высший диспозиционный уровень образует система ценностных ориентаций, а точнее — «доминирующая направленность ценностных ориентаций как определенная жизненная позиция» и общая направленность интересов личности, образующие целостную подструктуру. [10, с. 59]. При этом первый, низший, уровень этой структуры образуют элементарные фиксированные установки. Второй уровень диспозиционной структуры — это система социальных установок. Автор отводит решающую роль в саморегуляции поведения высшему уровню структуры, поскольку «формирование ценностных ориентаций отвечает высшим социальным потребностям личности в саморазвитии и самовыражении, притом в социально-конкретных, исторически обусловленных формах жизнедеятельности, характерных для образа жизни общества и социальных групп, к которым принадлежит индивид и с которыми он себя идентифицирует, а, следовательно, — мировоззрение, идеологию и образ мыслей которых он разделяет» [там же, с. 23]. Решающее условие достоверной интерпретации ценностных структур — выделение системных «образов», а не ранжирование списка ценностей и изолированное их рассмотрение [там же, с. 50].

Ценностные ориентации служат опорными установками для принятия решений и регуляции поведения. Поэтому, находясь на более высоком уровне, они неизбежно будут влиять на ниже расположенные уровни, а следовательно, на регуляцию поведения и само поведение. А значит, зная индивидуальную, специфическую иерархию ценностных ориентаций, мы, с определенной долей вероятности, можем предположить, как сотрудник будет себя вести в той или иной ситуации, какие ценности-цели (терминальные) у него преобладают и какими инстру-

ментальными ценностями он воспользуется. Вследствие чего можно предсказывать, а в дальнейшем и корректировать особенности поведения сотрудника, влиять на развитие лояльного отношения к организации и деятельности в ней.

На основе всего вышеизложенного нами было выделено главное эмпирическое предположение о том, что *ОЛ, отражающая отношение сотрудника к организации и деятельности в ней, определяется смысловыми конструктами. При этом сотрудники с различной выраженностью ОЛ имеют различные смысловые конструкты по отношению к организации и деятельности в ней.* Прикладной целью явилось изучение смысловых конструктов и ценностных ориентаций сотрудников с различной степенью выраженности ОЛ.

В исследовании приняло участие 70 человек (в том числе и руководящий состав) государственного учреждения г. Иркутска. Для оценки организационной лояльности использовался опросник организационной лояльности «ОСЦ — Organizational Commitment Questionnaire» (перевод В.И. Доминяк) [2]. В соответствии с его нормами было выявлено: у 41 человека — средний уровень ОЛ (от 58 до 75 бб) и высокий уровень (от 76 до 99 бб) имеют 29 человек. Для реконструкции представлений об организации и работе в ней использовался специально разработанный для этой цели семантический дифференциал (СД). Преимущество СД заключается в том, что он способен реконструировать субъективную систему значений, смыслов лояльного отношения к работе как некую картину образа работы в организации и преданности к ней; определить смысловое пространство понятия «организационная лояльность» как совокупность определенных, организованных признаков, описывающих данное понятие. Оценка же

ценностных ориентаций производилась по методике М.Рокича (в обработке В.Я.Ядова, 1979 г.). Сотрудникам предлагались списки терминальных и инструментальных ценностей, в каждом из которых по 18 ценностей.

Разработка СД происходила в два этапа. На первом этапе, был разработан опросник, состоящий из двух частей, для выявления реальных и идеальных представлений об организации, а также значимости этих представлений для сотрудников. Каждая часть представляет собой набор выделенных 57 понятий (смысловых конструктов ОЛ), отражающих наличие или отсутствие какого-либо проявления в работе сотрудников, либо в настоящий момент, либо в идеале, которые надо ранжировать. В результате было получено, что в целом для организации была обнаружена сильная согласованность представлений о реальном и идеальном положении вещей в организации, что способствует повышению ОЛ. Анализируя представления сотрудников о реальном и идеальном положении вещей в организации, были обнаружены следующие различия в выделении смысловых конструктов у сотрудников с высоким и средним уровнем ОЛ. Так, у сотрудников со средним уровнем ОЛ первые 2 ранга занимают конструкты «разделение целей компании» и «безопасность». Остальные 54 смысловых конструкта, кроме конструкта «кадровая стабильность», по отношению к которому нет единого мнения, имеют средний ранг (21,5). Сотрудники с высоким уровнем ОЛ имеют более выраженные дифференцированные представления об ОЛ: как личностных, так и организационных проявлений. Выделенные ими смысловые конструкты отражают соответствующие компоненты ОЛ как социально-психологической установки. Так в первую десятку вошли конструкты: работа на общую

цель и разделение, соблюдение организационных ценностей, целей, норм, правил поведения, — которые относятся к поведенческому и когнитивному компоненту ОЛ и отражаются в принципах изучения ОЛ (принцип когнитивного соответствия, принцип разделения и привлекательности целей и ценностей). «Необходимость выполнения обязательств по отношению к компании» и «Ощущение обязательств перед организацией» (занимают 8 и 10 место соответственно) входят в нормативный компонент и определяют принцип выполнения обязательств перед компанией. К аффективному компоненту относится конструкт «эмоциональная привязанность к организации, желание оставаться ее членом» (5 место), основанный на механизме развития ОЛ «Причастность, приобщенность», отражающая некую идентификацию сотрудника с организацией, межгрупповую идентификацию, когда ОЛ к своей компании и в своей группе означает отчуждение от других. Конструкты «преданное отношение к компании», «доверие к организации», «взаимность отношений между сотрудниками» и др. также относятся к механизму развития ОЛ «Характер отношений, построенный на доверии». Принцип ответственного отношения к сотрудникам отражен в конструктах «социальная защищенность» и «кадровая стабильность». Остальные смысловые конструкты (их 42, имеют общий ранг 31,5) не столь значимы для сотрудников, или по отношению к ним нет единого мнения.

Таким образом, видно, что для сотрудников как со средним, так и высоким уровнем ОЛ обнаружена сильная согласованность представлений о реальном и идеальном положении вещей в организации. Это подчеркивает высокую степень лояльности сотрудников в организации (по результатам теста: средняя по выборке 73 бб., что близ-

ко к верхней границе среднего уровня — 75 бб). В то же время, смысловое поле сотрудников данной организации с различным уровнем ОЛ имеют качественные и количественные различия. Работники со средним уровнем ОЛ выделяют меньшее количество конструктов, которые к тому же характеризуют только одну сторону ОЛ. Сотрудники с высоким уровнем ОЛ выделяют как значимые, ценные для них большее количество конструктов, отражающих разные стороны ОЛ как явления, что свидетельствует о большей осознанности их представлений о взаимодействии себя как работника и организации как профессиональной среды.

Таким образом, нами были выделены 7 смысловых конструктов, отражающие лояльное отношение к компании и работу в ней, которые впоследствии были использованы в качестве параметров СД на втором этапе его разработки, это: разделение целей компаний, работа на общую цель, социальная защищенность, преданное отношение к компании, эмоциональная привязанность к компании, доверие к компании.

Итак, для подтверждения нашего предположения о том, что сотрудники с различным уровнем ОЛ имеют качественную разницу между выбранными ими смысловыми конструктами мы использовали факторный анализ (Statistica 8.0). В результате чего, у сотрудников с высоким и средним уровнем ОЛ были выделены различные факторные пространства (по 5 факторов в каждой из групп), в каждом из которых обнаружены следующие смысловые конструкты, имеющие наиболее значимые нагрузки (выше 0,5), отражающие лояльное отношение к компании. Высокий уровень ОЛ характеризуется следующими конструктами: безопасность как ценность (0,95), как сила (0,61), как активность (0,81); со-

циальная защищенность как активность (0,83), как сила (0,64), как ценность (0,69); разделение целей компании как активность (0,79), затем преданное отношение к компании как сила (0,44, Factor Scores) и преданное отношение к компании как ценность (0,43, Factor Scores). Смысловые конструкции, входящие в факторное пространство сотрудников со средним уровнем ОЛ, следующие: работа на общую цель компании как ценность (0,66, Factor Scores), социальная защищенность как ценность (0,85), как активность (0,81), преданное отношение к компании как активность (0,44, Factor Scores), разделение целей компании как ценность (0,51, Factor Scores), безопасность как ценность (0,58), как сила (0,45), как активность (0,47). В результате полученных данных мы можем сказать, что первая гипотеза подтвердилась. Таким образом, выделились базовые смысловые конструкции ОЛ, это — безопасность и социальная защищенность, которые отражают «здоровый жизненный консерватизм компании». При этом субъективные оценки характеристик организации и деятельности в ней, полученные у сотрудников с различной степенью выраженности ОЛ, имеют статистически значимые отличия по t-критерию Стьюдента. В шести случаях из семи были получены статистически значимые различия ($p < 0,05$) в оценках по дескрипторам у работников с высоким и средним уровнем ОЛ, что составляет 90% от общего числа дескрипторов.

Исходя из полученных результатов по методике М.Рокича на выявление ценностных ориентаций, нами было выявлено, что сотрудники с высоким уровнем ОЛ в качестве целевых ценностных ориентаций, терминальных ценностей (Т-ценности), выбирают следующие: *активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, здоровье, интерес-*

ная работа. Что же касается Т-ценностей с самыми низкими рангами: *творчество, уверенность в себе, удовольствие*, — то для этих сотрудников они рассматриваются как несущественные цели. Также и в списке инструментальных ценностей: *широта взглядов, честность, эффективность в делах, чуткость*, — отвергаются работниками с высокой лояльностью в качестве активных средств деятельности, но принимаются: *аккуратность, воспитанность, высокие запросы.*

Сотрудники же со средним уровнем ОЛ в качестве целевых ценностных ориентаций, терминальных ценностей (Т-ценности), выбирают следующие: *здоровье, интересная работа, счастливая семейная жизнь.* В качестве несущественных целей эти работники выбирают: удовольствие, творчество, равенство. Также и в списке инструментальных ценностей: *высокие запросы, непримиримость, чуткость*, — отвергаются сотрудниками со средней лояльностью в качестве активных средств деятельности, но принимаются: *образованность, воспитанность, ответственность.*

Судя по этим данным, можно сказать, что обследованные сотрудники с разным уровнем ОЛ сильно различаются в своих ценностных ориентациях. Зная это, руководству компании можно правильно выстраивать кадровую политику, правильно формировать отношение к деятельности своих сотрудников. Ориентируясь на инструментальные ценности работников, предлагать им такую работу, которая способствовала бы реализации этих ценностей, а в дальнейшем прийти к реализации терминальных ценностей. Также это будет способствовать формированию и развитию ОЛ, так как это будет строиться не через противоборство ценностей компании и ценностей личности сотрудников, а, наоборот, через знание тех и других путем сближения

и возможностей реализации последних.

Исследование находится на стадии интерпретации связей смысловых конструктов и тех ценностных ориентаций сотрудников, через которые можно повлиять на формирование и развитие ОЛ, на систему установок, отношений к организации и деятельности в ней.

Литература

1. Доминяк В.И. Измерение лояльности: действующая модель // Персонал-Микс. 2004. № 2. С. 114–119; № 3. С. 105–108.
2. Занковский А.Н. Организационная психология. — М.: Форум, 2009.
3. Кабаченко Т.С. Выявление ценностных регуляторов организационного поведения // Практикум по психологии труда и эргономике. — М.: Academia, 2003. С. 228–253.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. Изд. 2-е, исправленное. — М.: Смысл, 2003;
5. Маркова Е.В. Ценностные ориентации как фактор формирования поведения персонала организации // Современные проблемы прикладной психологии. Том 1. — Ярославль, 2006.
6. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. — М.: Изд-во Московского университета, 1988.
7. Стародубцева Г.А. Организационная лояльность сотрудников производственных и офисных подразделений компании // Вестник Университета. 2009. № 12.
8. Столин В.В., Кальвиньо М. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. 1982. № 3. С. 38–46.
9. Управление персоналом. Учебник / Под ред. М.Кибанова. — М., 2002.
10. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. — Ленинград: Наука, 1979.
11. Rokeach I.M. The Nature of Human Values. — NY: Free Press, 1973.

Starodubceva G.A. Experimental study of organizational loyalty

Organizational loyalty as social and psychological set that reflexes attitude of an employee to organization and its activities is formed by semantic constructs. At that employees with different evidence of organizational loyalty have different semantic constructs. The latter can be very closely connected with value orientations that are the basis of many organizational processes.

Keywords: organizational loyalty, semantic constructs, value orientations, organization.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Козлов В.В., Карпов А.А., Ярославль

ПСИХОЛОГИЯ ИГРЫ И ЕЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ СУЩНОСТЬ

Статья посвящена феномену игры и ее психологической сущности. Игра рассматривается как содержательная функция со многими гранями смысла и сравнивается с творческим процессом. Особое внимание уделяется трансцендентной функции игры и творчества, вычлениваются деструктивные особенности игровой зависимости.

Ключевые слова: игра, творческий процесс, трансценденция, функция, деятельность, личность, поток, зависимость.

Многие писатели и поэты сравнивали нашу жизнь с игрой, где каждый играющий имеет свою роль. Способность играть и давать волю своему воображению, ни мало не заботясь о сиюминутном результате, проявляющаяся в детских забавах и развлечениях взрослых, составляет суть человечества. Биологи и этологи доказали, что игра тесно связана со стремлением индивидуума познать неизвестное и удовлетворить свое любопытство, она побуждает человека и всех высших животных осваивать окружающий мир. Значение, придаваемое непринужденной игре в той или иной культуре, дает нам возможность судить об ее основных чертах.

Игра является феноменом, присущим всей живой природе. Как показывают исследования, все высшие животные используют игру как способ общения, времяпровождения и обучения. У человека игра достигла точки своего наибольшего развития. Человек играет практически всю свою жизнь.

Необходимо выделить один весьма важный пункт: даже в простейших формах игра выходит за рамки только био-

логической или физической деятельности. Но в любом научном подходе безоговорочно принимается мнение, что игра выполняет необходимую полезную функцию. В детстве игра служит способом обучения общению, выработке тех или иных практических навыков и т.д. У взрослого человека многие виды деятельности тоже связаны с игровым компонентом. Кроме того, с помощью игры люди общаются, отдыхают, структурируют свое свободное время.

Игра не только восполняет потребность в отдыхе и разрядке, но является и тренировкой перед серьезным делом, может быть упражнением для выработки самообладания. Игра удовлетворяет потребность что-либо уметь или совершать, в стремлении к главенству и лидерству. Игра может быть невинной компенсацией вредных побуждений, необходимым восполнением монотонной односторонней деятельности. Игра может стать удовлетворением неких невыполнимых в реальной обстановке желаний и тем самым способствовать поддержанию чувства стабильности личности.

Многие исследователи ищут ответ на вопросы: «В чем именно «соль» игры? Почему игрок, увлекаясь, забывает все на свете? Почему публичное состязание повергает в неистовство многотысячную толпу?»

Интенсивность игры пока нельзя объяснить никаким биологическим анализом. И все же, как раз в интенсивности, в способности приводить в иступление кроется сущность игры, ее исконное качество. Природа не зря дала нам игру с ее напряжением, с ее радостью, шуткой и забавой.

Существуют различные признаки подлинной игры. Всякая игра, прежде всего, представляет собой свободную деятельность. Игра по приказу или принуждению уже не будет являться игрой. В крайнем случае, она может быть некой навязанной имитацией, воспроизведением игры. Ребенок и животное играют потому, что испытывают удовольствие, в этом заключается их свобода. Игра — это не задание, она протекает в свободной форме и в свободное время. По мере того, как игра становится функцией культуры, понятия долженствования, задания, обязанности привязываются и к ней. Игра не есть обыденная жизнь, как таковая. Она скорее выход из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющей собственную направленность.

Игра и творчество имеют очень много схожего. Наиболее яркий пример того, сколько радости, подъема чувств, глубокого удовлетворения приносит само совершение действий, а не их результат, являет собою игра.

С другой — существует целый ряд разнообразных форм трудовой деятельности, которые ориентированы в первую очередь на процесс, а не на результат: художники, скульпторы, поэты, композиторы, писатели нередко проводят дни и ночи напролет за работой, ничего не замечая вокруг себя; но, завершив произведение, могут тотчас поте-

рять всякий интерес к нему. Процесс созидания настолько привлекает и поглощает их, что ради него самого они готовы жертвовать многим: не спать, голодать, не иметь гарантии в обязательном признании своего продукта, ни в материальной организации. Страницы истории искусства изобилуют примерами поистине трагической судьбы их действующих лиц. То же самое можно сказать о труде ученых, архитекторов, режиссеров, менеджеров, руководителей производства и представителей других профессий, неустанно бьющихся над решением поставленных задач; об актерах, о спортсменах и танцорах, которые действуют, прежде всего, ради самого процесса и глубоко переживают его.

Но «захваченность» самим процессом деятельности наблюдается не только в так называемых творческих профессиях. «Упоение» процессом труда может наблюдаться в деятельности летчика, оператора, токаря, маляра, плотника.

На возможность отделения мотива от цели и перемещение на саму деятельность указывал еще С.Л.Рубинштейн (1940). В работах в рамках его школы разрабатывается теория «психического как процесса». Эта теория, с одной стороны, специально указывает на дифференциацию психики на процесс и его продукт; а с другой — исходит из отношения единства этих составляющих, изучая тем самым продукт только в соотношении с психическим процессом. «Психическое существует, прежде всего, как процесс — живой, предельно пластичный и гибкий, непрерывный, никогда изначально полностью не заданный, а потому формирующийся и развивающийся... только в ходе непрерывно изменяющегося взаимодействия индивида с внешним миром» (Брушлинский, 1984).

«В ходе непрерывного и изменяющегося взаимодействия внешнего и внутреннего возникают все новые, ранее не существовавшие продукты, средства,

способы осуществления процесса и другие детерминанты, которые сразу же включаются в дальнейшее протекание процесса в качестве его новых внутренних условий» (Брушлинский, 1979 г.). Эту непрерывную взаимосвязь процесса и продукта, когда продукт, предшествующий деятельности, выступает одновременно и как внутреннее условие последующей, А.В.Брушлинский считает главной характеристикой психического как процесса и видит в ней основу действительного психического развития, то есть развитие характера и способностей человека.

Три последние парадигмы психологии — гуманистическую, трансперсональную и интегративную объединяет одинаковое понимание цели человеческого существования на земле — самореализация, самоактуализация, самопроявление. Самопроявление — это реализация в жизни сущностных сил человека — витальных, интеллектуальных, эмоциональных, полное проявление его Самости, потенциальности. На наш взгляд, самоактуализация не обязательно должна принимать форму творческих усилий, выражающихся в создании произведений искусства. Родитель, спортсмен, студент, преподаватель или рабочий у станка — все могут актуализировать свой потенциал, выполняя наилучшим образом то, что они делают; специфические формы самоактуализации очень разнообразны. Именно на этом высшем уровне иерархии потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга.

Качественно отличительным признаком такой личности является способность и интенция творить. Именно нахождение, присутствие человека-демиурга в творческих, эвристических (расширенных, потоковых, ресурсных) состояниях сознания выделяет его из основной массы людей.

Наши многолетние исследования показывают, что притягательная сила твор-

ческих (ресурсных, эвристических, потоковых, расширенных) состояний сознания (так же, как и игры) обеспечивается рядом важных признаков. Как показывают нейропсихологические, психологические и социально-психологические эксперименты, они сводятся к следующим качественным отличиям (признакам, свойствам):

1. Трансценденция Эго. В эвристическом акте сам действующий субъект исчезает, то есть «чувство себя», «Я-ковость», самосознание и самоидентичность теряется.

Отсутствие Эго в сознании не означает, что человек теряет контроль над своей психикой или над своим телом. Эго растворяется на высшей точке управления ситуацией, действия человека становятся средством выражения и реализации своего «Я» как системы взаимодействия с действительностью.

В творческом процессе человек настолько вовлекается, погружается в то, что он делает, что у него исчезает осознание себя как чего-то отделенного от совершаемых им действий.

В процессе творчества возникает единая когнитивно-ментальная структура сознания человека, которая, растворяя «Я» в деятельности, растворяет деятельность в «Я».

В некотором смысле творчество — всегда забывание себя, некое заклинание, жертвоприношение «Я».

В результате трансцендирования (выхода за пределы своего «Я») происходят существенные изменения в ценностно-смысловой сфере личности, начинают действовать механизмы сверхсознания. Здесь человек испытывает дистанцированность от других людей, погружается в собственное интеллектуальное переживание. Уединение становится сродни самотворчеству, выступает как необходимое условие для «труда души». В этом аспекте мы можем вспомнить мысль А.Маслоу о творческом аспекте состояния одиночества и что одиночество яв-

ляется одним из отличительных признаков самоактуализирующейся личности. Человек в таком состоянии представляет собой своеобразный телесно-духовный континуум. Он осмысливает себя метафизически.

В творческом состоянии человек может привносить трансцендентный смысл во внешнюю реальность, и может извлекать его оттуда.

Наше понимание творческого акта как расширенного состояния сознания имеет несколько значимых аргументов:

— Эго перестает быть «кожным». Личность не идентифицирует себя только с тем, что находится под кожей, она расширяет свои границы, растворяется в знаковых системах (научное, литературное, поэтическое творчество), в других людях (коммуникативное взаимодействие — «упоение общением»), в природе (в эстетическом восприятии, медитации, экстремальных видах спорта), в технических объектах (единство летчика с самолетом, гонщика с автомобилем, токаря со станком, программиста с компьютером и др.).

— Личность становится частью действующей системы, большей, чем его индивидуальное «Я». За счет интроецирования деятельностной среды, пространства ее реализации, само Эго становится «расширенным» в аспекте идентичности.

— Возникает интеграция всех языков сознания (ощущения, эмоций, образов, символов, знаков) и чувственного отражения опредмеченной реальности в мышлении личности, синтетические способы познания и интерпретации мира, при которых задействованы всевозможные виды чувственно-логического опыта.

— В творческом акте человек действует как источник своих сущностных сил. Осваиваемая и порождаемая деятельностная среда предстает как адекватное, истинное отражение глубинных интенций личности, его потенциальности. Че-

ловек существует в опредмеченной деятельностной среде как Демиург, создатель, который и творит ее, и отображает себя в ней наиболее полно и целостно.

— Творчество дает возможность проявить ресурс витальности человека, его энергии, жизненных сил. Не только воодушевление, прилив сил ассоциированы с творческим процессом, но и возможность почти невероятной интенсивности усилий в длительное время: без пищи, без сна, без отдыха.

2. Трансценденция времени. Еще в начале 90-х годов нами было экспериментально доказано искажение восприятия времени в расширенных состояниях сознания. Вне сомнения, такого рода искажения существуют и в «поточковых состояниях». В творческом состоянии сознания человек теряет адекватное чувство времени. В основном возникает феномен искажения временных промежутков в сторону их сокращения (час как несколько минут, день как час) или возникает аутизация такого уровня, когда восприятие времени полностью исчезает и личность «обнаруживает себя» во временном промежутке — «уже утро оказывается».

Искажение восприятия времени связано с аутизацией сенсорных систем (в том числе кинестетической и слуховой), которые играют самую важную роль при точном различении промежутков времени). Феномен также связан с подавлением таких психофизиологических механизмов восприятия времени, каковыми являются разноуровневые биологические ритмы, связанные с удовлетворением биологических потребностей.

Человек «забывает» не только привычно дышать с характерным личностным паттерном, переходя на биологическое (животное) связанное дыхание.

У человека меняется режим питания. Часто в творческом процессе человек «постится», может длительное время не пить, меняется ритм удовлетворения выделительных функций.

Трансценденция времени, искажение базовых его переменных (длительность, скорость протекания и последовательность) в эвристическом потоке обусловлен, таким образом, психофизиологическими механизмами. Но нам бы хотелось сделать некоторые дополнения, которые продиктованы нашим исследовательским опытом:

а) Искажение восприятия длительности временных периодов существенно зависит от «поглощенности» деятельностью. Интеграция мира, который находится в человеке (психосемантический предметный мир), и мира, в котором находится и действует человек (предметная физическая среда) в творческом процессе приводит к ситуации, когда привычные способы картирования времени подавляются. Это подавление привычных механизмов структурирования времени приводит к искажению его восприятия.

б) В творческом акте нивелируется граница между объектом и субъектом, между тем, что есть (предметная среда) и тем, что есть для субъекта (индивидуальное психосемантическое пространство). Творчество происходит в полном присутствии в «здесь и сейчас», растворении личности в происходящем процессе. Это некий аналог архаического восприятия реальности (презентизм первобытного мышления), когда мир распаковывается в ежесекундном присутствии. «Между секундами есть брешь, которая называется вечностью». В творческом процессе происходит некое «выпадение» из континуума линейного времени: из привычного «прошлое-настоящее-будущее» в полное присутствие «в здесь и сейчас» — без всего, что было, и без всего, что будет. Пиковые творческие состояния открывают врата вечности. У меня есть подозрение: творчество особо притягательно тем, что дает вкусить нектар бессмертия.

в) Третьим дополнительным истоком трансценденции времени являются осо-

бые эмоциональные состояния, которые возникают в ходе творческой деятельности. «Душой исполненный полет», как Пушкин описывал творческий процесс, сопровождается чрезвычайно неординарными эмоциями. Они многообразны: эстетический восторг, мистический экстаз или инстаз, трепет, таинственность, чувство парения души, ликования, наслаждения процессом деятельности, изумления-умиления открытием, упоения действием, радости бытия.

Чувство упоения следует отличать от чувства удовольствия, которое также может приносить процесс деятельности. Удовольствие можно испытывать без приложения каких-либо усилий, поэтому оно не ведет к росту и развитию личности. Чувство же упоения не может возникать без полной отдачи сил.

Ресурсное состояние сознания имеет непостижимое величие эмоционального состояния. Само понятие наслаждения не настолько точно раскрывает содержание состояния. Мы можем, наверно, выделить две возможные версии эмоциональных паттернов, сопровождающих «поток»:

— творческий экстаз, который связан с сильным возбуждением, часто безудержной энергией и восторгом, неуправляемостью, мощными эмоциями, граничащими с безумием и социальной неадекватностью (аналог религиозного экстаза);

— инстаз — более дисциплинированное, систематическое и потому сохраняющееся во внутреннем сознании. В ресурсном состоянии сознания мы всегда можем дифференцировать мыслящего субъекта, мышление как процесс и мыслимое как содержание деятельности. Когда эти три составляющие сливаются друг с другом и растворяются в единстве — это и есть ресурсное состояние сознания.

Инстаз мы бы обозначили как *глубокую медитацию на истину*. А в эмоциональном состоянии — это тихое умиле-

ние-восторг-радостность и созерцательность.

Поэтическое «Счастливые часов не наблюдают» является точным описанием влияния эмоционального состояния на восприятие времени в творческом процессе.

3. Трансценденция пространства — индифферентное отношение к качественным характеристикам пространства, их трансформация или полная отрешенность от этих качеств.

Основным механизмом возникновения этого феномена является трансформация объективного пространства среды в субъективный предметный мир личности.

Мы можем рассматривать этот феномен в трех аспектах:

Во-первых — индифферентность по отношению к физическим характеристикам пространства. В творческом состоянии сознания личность перестает замечать такие важные параметры как эстетические характеристики (красиво-безобразно) и все образные переменные, которые находятся за пределами деятельности активности, звуко-шумовые характеристики (человек как бы перестает слышать), температурные (тепло-холодно), обонятельные, вкусовые и даже степень удобства (комфорт-дискомфорт, удобно-неудобно).

Во-вторых, трансценденция социальных характеристик пространства: теряется половая (мужчина-женщина), интеллектуальная (умный-глупый), эстетическая (красота-безобразность), социально-иерархическая (крупный-начальник-подчиненный, богатый-бедный) значимость других людей.

В-третьих, происходит сужение стимульного поля восприятия пространства до значимых, референтных, обеспечивающих деятельность переменных.

Трансформация качеств пространства может сводиться к антропоморфизации природных объектов и вещей. Известно, что человек может воспринимать

свойства того или иного объекта как со стороны самого объекта («космический холод»), так и со стороны субъекта («холодок между лопатками»).

Человек способен перевоплотиться в неодушевленный предмет, видеть его как бы «изнутри», вступать в «диалог с вещами», истолковывать их поведение с точки зрения человеческих мотивов. Иначе говоря, сознание человека спонтанно стремится к одухотворению, анимации всех объектов, с которыми он контактирует.

Он наделяет животных и растения, неодушевленные предметы и отвлеченные (высокоабстрактные) понятия человеческими свойствами — сознанием, мыслями, чувствами, волей (антропоморфизм). Так, скрипач олицетворяет (персонифицирует) свою скрипку, программист — компьютер, плотник — топор, водитель — машину. Средневековые рыцари одушевляли свой меч, моряки парусного флота — корабль. Существует религиозная персонификация мира (пантеизм, абсолютная идея, Бог, Универсум, Мировая Воля, Брахман, Высший Разум).

Феномен антропоморфизации природы и вещей, созданных человеком (рукотворный мир, или «вторая природа») как партнеров по «общению», имеет, видимо, глубокие корни в человеческой психике. Сами способы восприятия и действия с предметами внешнего (добавим — и внутреннего) мира включают в себя «позицию партнера» по общению. Их можно рассматривать как трансрациональные протофеномены сознания человека, позволяющие ему осуществлять с природой «a vivre ouvert», что в переводе с французского означает — действовать без подготовки, «читать по раскрытой книге», «петь с листа».

Человек выступает в функции трансцендентного субъекта, которому истина дана «как на ладони», и он действует «как по нотам», записанным в партитуре природы. В этом аспекте мы очень

много писали об «изначальном состоянии сознания», при котором личность теряет свою субъектность и «растворяется в одухотворенном космосе» (Козлов, 1999).

4. Трансперсональность — в результате трансцендирования Эго происходит замещение этого смыслового пространства идентификаций надличностной феноменологией. У человека, на фоне трансценденции Эго, возникает состояние Боговдохновенности Демиурга: «Мысли льются», «Идеи падают с небес», «Открывается Канал», «Бог творит»...

Творчество происходит. Не человек, не личность творит, а через человека происходит творчество. И этот процесс не только озарен таинством, мистерией творчества, на и наполнен переживанием реализации своей миссии, высшего смысла бытия в мире, исполнением предназначения.

Ресурсное состояние жестко ассоциировано переживанием функции трансцендентного субъекта, которому истина дана «как на ладони» и мир открыт и сущностно понятен. Но при этом не по твоей воле, а по «Его». Если творчество происходит, то оно «боговдохновенно», ты, твое сознание, твое Эго просто являются инструментом проявления и раскрытия истины жизни.

Мы предельно хорошо понимаем, что термины, которые здесь употребляются, весьма ненаучны. Но нужно понимать, что само творчество часто проживается как мистическое состояние, которое ты «заслужил», «достиг», которое с тобой «случилось».

Как мы уже указывали выше, ресурсное состояние сознания — это экстатическое или инстатическое состояние, «захватывающее» человека. В этом состоянии доминирует мотивационно-эмоциональная сфера мышления, а не рационально-логический интеллект и доминирует духовность как направленность к высшим силам личности.

Самосознание человека релевантно ощущению демиурга. В процессе творчества не столько человек создает те или иные идеи, образы, лингвокреативные (языкотворческие) символы и знаки, сколько продуктивные идеи «создают» человека — в их власти находятся увлеченные своими действиями люди. Действующая личность раскрывается как «causa sui» (причина себя). Так, личность со-творяет себя и «о-творяет» (открывает другому) — в моментах выхода за границы себя (в межличностное пространство) и своих возможностей (знаний, умений, способностей), представленности себя в других людях (бытие человека в другом человеке) и воспроизводстве другого человека в себе.

Подлинный смысл ресурсных состояний сознания — это не столько погружение вглубь бесконечного антропокосмического для того, чтобы найти для себя нечто новое, сколько постижение глубины конечного «Я», чтобы найти неисчерпаемое и обрести духовное измерение бытия.

Человек на этом пути «взрачивает» в себе не только Субъекта Деятельности, но и Субъекта Мира. В любом случае происходит глубокое постижение мира, самого себя и преображение-обогащение сознания человека. Это и есть блаженство человеческой деятельности. Вообще говоря, это и есть Деятельность Человека.

Творческое состояние сознания связано с рождением всего нового и прекрасного в мире и в самом человеке, в выходе за пределы известного, за границы предустановленного, простирании субъекта в новые пространства знаний, способностей, умений, трансперсональных переживаний.

5. Апрагматичность — непрактичность, бессеребрность, немонетарность творческих состояний сознания, их ориентированность на процесс выполнения деятельности, а не на результат.

Для ресурсного состояния истинно и ценно лишь то, что происходит в процессе выполнения деятельности, какими состояниями он наполнен, а не практическая действенность цели и результата. Более того — часто к нарисованной картине художник теряет всякий интерес, а писатель к написанной книге, хотя в них вложено невероятное количество энергии, жизни и времени. Часто творцу не так важно, как повлияет эвристический процесс на общественную и индивидуальную жизни. Явные практические плоды, на мой взгляд, чужды ресурсным состояниям сознания. Само творчество и является манной небесной.

Настоящее творчество ни купить, ни продать невозможно.

Творец не променяет творчество ни на какие блага в мире.

Творчество, те психические состояния, которые сопряжены с ним, являются самым высокой наградой для человека в мире.

Кто был уже награжден — это знает.

Итак, феноменология творчества как процесса и состояния сознания, показывает нам, что люди, которые переживают это состояние, оказываются целиком поглощены своим занятием.

Они испытывают глубокое удовлетворение от того, что они делают — и это чувство приносит сам процесс деятельности, а не его результат.

Они забывают личные проблемы, видят свою компетентность, обретают опыт полного управления ситуацией.

Они переживают чувство гармонии с окружением, «расширения» себя, их навыки и способности развиваются, личность растет.

Насколько эти элементы опыта присутствуют, настолько субъект получает наслаждение от своей деятельности и перестает беспокоиться о внешней оценке, становится полнезависимым, свободным — «имеет наглость быть».

Естественно, что такой опыт является оптимальным для человека.

Он позволяет упорядочить случайный поток жизни субъекта, дает базовое чувство опоры: в каждый данный момент субъект может сконцентрировать все свое внимание на осознанно выбранной деятельности.

Он позволяет пережить свою глубинную миссию, судьбоносное предназначение, мгновенно забыть то, что его разрушало и было сиюминутным, наносным — грязной пеной на волнах жизни.

И самое важное — в ресурсном состоянии сознания человек «творит себя» — не только «образовывается» (то есть приобретает знания, умения, навыки), но и сам «образует мир»: создает свое понимание, свое видение мира, проектирует и строит собственную жизнь, решает, куда ему идти, о чем думать, с кем взаимодействовать и общаться.

Игра все пять качеств «потока» реализовывает в предельном и самом искреннем выражении.

Игра обособляется от обыденной жизни местом действия и продолжительностью. Она разыгрывается в определенных рамках пространства и времени. Любая игра протекает внутри своего игрового пространства, которое заранее обозначается, будь оно материально или идеально, преднамеренно или спонтанно. Арена цирка, игральный стол, сцена — все это по форме и функции игровые пространства, на которых имеют силу особые собственные правила. Внутри игрового пространства царит собственный безусловный порядок. Положительное свойство игры в том, что она творит порядок, и сама она есть порядок. Ее течение и смысл заключен в ней самой. Будучи однажды сыгранной, она остается в памяти как некое духовное творение или ценность, передается далее как традиция и может быть повторена в любое время, будь то немедленно, либо после длительного перерыва. Эта повторяемость есть одно из существенных свойств игры.

Среди признаков, присущих игре, уместно назвать напряжение. Этот элемент занимает особое и важное место. Напряжение означает неустойчивость, некий шанс или возможность. В нем есть стремление к разрядке, расслаблению. Чтобы нечто удалось, требуются усилия. В азартной игре и в спортивном состязании напряжение достигает крайней точки.

Игровая ассоциация обладает общей склонностью самосохраняться, консервироваться даже когда игра уже закончилась. Исключительность и обособленность игры проявляется характерным образом в таинственности, которой она любит себя окружать. Внутри сферы игры законы и обычаи мира повседневности силы не имеют. Мы существуем и делаем по-другому. Игра предстает свободной формой деятельности. Эта деятельность осознается как выполняемое вне повседневной жизни занятие, и хотя происходит «понарошку», может целиком овладеть играющим. Эта деятельность свободна от материального интереса, не ищет пользы. Она совершается: внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной, либо подчеркивающие свое отличие от прочего мира всевозможной маскировкой.

Функция игры выводится из двух аспектов — игра есть борьба за что-нибудь или представление чего-нибудь. Обе эти функции без труда объединяются таким образом, что игра представляет борьбу за что-то, либо является состязанием в том, кто лучше других ее представит.

В последнее время получили распространение игры, не несущие в себе признаков настоящей, подлинной игры. В индустриальных странах, например, игра, принимающая форму спортивных состязаний, азартных игр, развлекательных представлений или лотерей, часто становится средством извлечения прибыли, в результате чего образуется разрыв между профессионалом, получающим вознаграждение за участие в игре, и пассивными зрителями, отсчитывающими купюры за полученное удовольствие.

Все эти игры потеряли главную присущую им ценность — бескорыстие, свободу, установление взаимоотношений и снятие эмоционального напряжения.

Коммерциализация спорта приводит к тому, что мы уже имеем дело с феноменом, который называется игрой, но не является ей в полном смысле этого слова. Особенно это касается азартных игр, которые в условиях технологического процесса приобрели свою наиболее злокачественную форму.

В процессе этих игр теряется дух общения, творчества, обмена эмоциями. Наоборот, они приводят к замкнутости, порождают агрессивные и негативные эмоции. Человек в процессе азартной игры самоизолируется, и постепенно изменяется не только его отношение к игре, но и мировоззрение. Рушатся моральные принципы, происходит самоотторжение играющего человека от общества. Единственным компаньоном в жизни становится стол для рулетки, игровой автомат и безликие, но почему-то ставшие родными, люди, обслуживающие игорные заведения. Меняется и сам азарт, сопровождающий игру.

Kozlov V.V., Karpov A.A. Psychology games and its transcendental entity

The game is dedicated to telling the game and its psychological entity. It is seen as a useful feature with many facets of meaning and compared with the creative process. Special attention is paid to the transcendental functions games and creativity and destructive features of game dependence.

Keywords: game, creative process, transcendence, feature, identity, the thread that dependency.

Калиниченко Н.В., Ярославль

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Статья о фундаментальных понятиях социальной рекламы и развитии ее в России. Большое внимание уделяют эффективности влияния некоммерческой рекламы на потребителя. исследуются механизмы восприятия социальной рекламы различными социальными группами и возможность использовать их в экспертизе для увеличения эффективности некоммерческой рекламе.

Ключевые слова: реклама, эффективность рекламы, история развития рекламы в России.

В последнее время мы все чаще слышим выражение «социальная реклама» и наблюдаем ее в СМИ, но вместе с тем, по результатам нашего опроса, только небольшой процент респондентов может объяснить, что это — социальная реклама. Несмотря на то, что социальную рекламу использовало еще советское правительство (без труда можно вспомнить плакаты «Болтун-находка для врага», «Полевые работы не ждут», «Ты записался добровольцем?» и др.), официальное ее появление в России датируется 1994 годом. Это говорит о том, что даже за десятилетие официального существования социальной рекламы, она не стала неотъемлемой, понимаемой и принимаемой частью общественной жизни. Что удивительно, ведь данный вид рекламы — это прямое отражение общезначимых социальных проблем и способ мобилизации добровольной активности членов общества для их решения. Проблемы, для удовлетворения которых недостаточно использования только государственных административно-правовых средств.

Растущая потребность в социальной рекламе в последнее десятилетие в России связана с социально-экономическими изменениями, повлекшими за собой трансформацию общественной системы и обострение социальных проблем. Таких, как низкая продолжительность жизни, смертность, преобладающая над рождаемостью, рост преступности и ДТП, увеличение разводов и аборт, острые межнациональные конфликты и несформированная толерантность общества, увеличение психических заболеваний,

дефицит позитивной информации и положительных эмоций.

Социальная реклама — это реклама нематериальных ценностей, особого отношения к миру, к основным темам которой относятся:

- Безопасность жизнедеятельности города и в городе (экология города, профилактика преступности, дорожно-транспортные проблемы, проблемы бездомных и беженцев, борьба с мусором, проблемы «быстрой еды», синдром одиночества большого города и т.д.).

- Проблемы достижения равных прав и социальных гарантий (права женщин, пожилых людей, профилактика семейного насилия, толерантное отношение к инвалидам и т.д.).

- Экологические проблемы (радиационная, химическая безопасность, пропаганда идей рационального природопользования и т.д.).

- Тенденции развития общества (образование, перемены в обществе, бизнес, финансы, страхование, здравоохранение, выплата налогов, планирование семьи, борьба с абортами, молодежь 21 века и общечеловеческие ценности и т.д.).

Выделяют также смежную тему социальной рекламы — *социальная психотерапия*. Необходима для снижения массовых негативных чувств и состояния: депрессия, тревожность, страхи, неуверенности в будущем и т.д. (например, в период безработицы, экономических кризисов). Исходя из выше сказанного, нельзя отрицать безусловную значимость социальной рекламы. Но цель социальной рекламы — изменение отношения общественности к

социальной проблеме — реализуется, если реклама будет эффективной. За десять лет социальная реклама неоднократно менялась в направлениях, видах, заказчиках, но ее качество и эффективность по-прежнему остаются спорными. Одной из причин этого является мнение, бытующее долгое время среди профессиональных рекламистов, что социальная реклама не серьезна и малооплачиваема. В последнее время, материальный вопрос частично решается с помощью акций и конкурсов социальной рекламы, в которых активно участвуют равнодушные творческие молодые люди (Международный форум АРТ старт, ежегодный студенческий Открытый фестиваль социальной рекламы «МИР» — РГУ.РУ, Международный фестиваль социальной рекламы «МЫ!/WE!», Московский фестиваль социальной рекламы, Первый фестиваль социальной интернет-рекламы, Фестиваль наружной социальной рекламы).

В настоящее время вопрос эффективности социальной рекламы остается открытым. В отличие от большого числа исследований эффективности коммерческой рекламы, данных по социальной рекламе в научной литературе нет. Это вызвано спецификой последней. Главным показателем некоммерческой рекламы является *социальный эффект*, включающий в себя определенную пользу для общества, а также формирование новых социальных ценностей и поведенческих моделей, что характеризуется долгосрочностью и, в последствие, затрудняет возможность исследования. Вместе с тем, трудности в измерении эффективности социальной рекламы создают «побочные переменные» — внешние факторы, влияющие на социальные показатели (изменение экономического фактора и условий жизни, реформы, мода и др.).

Ввиду обозначенных трудностей, измерение результативности социальной рекламы оптимально изучать по эффективности восприятия рекламного продукта (так как это базовая составляющая конечной эффективности). А здесь уже открывается широкое поле для исследований психологов.

Психологическая эффективность рекламы вообще заключается в воздействии на сознание потребителя, и выражается в критериях, свойственных коммерческой рекламе (запоминаемость, привлекательность, информативность, побудительность и др.), но с определенными ограничениями, вызванными спецификой социальной рекламы. Наше исследование, целью которого является изучение восприятия социальной рекламы различными социальными группами, находится на начальном этапе, но мы видим его несомненную значимость. Результатом нашего научного поиска должно стать выявление механизмов эффективности воздействия некоммерческой рекламы и внедрение их в практику.

Литература

1. Ковалева А.В., Азарова А.С., Тихтарова И.В. Социальная реклама: учеб. пособие. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 108 с.
2. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2009.
3. Паршенцева Н. Социальная реклама. 2007. http://business.polbu.ru/parshenceva_socadvert/ch02_ii.html.
4. Официальный сайт социальной рекламы в России <http://www.socreklama.ru>.

Kalinichenko N.V. Public (noncommercial) advertising: a psychological sketch

This article is about the basic concepts of social advertising and its development in Russia. The great attention is given to efficiency of influence of noncommercial advertising on the consumer. The author puts the purpose to investigate mechanisms of perception of social advertising by various social groups and to use them in an expert for increase of efficiency of noncommercial advertising.

Keyword: Efficiency, Themes, The reasons, History of development in Russia.

Даугелавичюс Марюс, Таллинн (Эстония)

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС — ПУТЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена психологии духовного кризиса. Основываясь на теории трансперсональной психологии, автор рассматривает процессуальные характеристики и векторы развития духовного кризиса.

Ключевые слова: трансперсональная психология, духовный кризис, психосинтез, дезинтеграция, сознание.

В наше время все больше людей занимаются духовными поисками, саморазвитием и самопознанием. Это прекрасный путь, полный открытий и приключений. Но также на нем встречается немало препятствий и испытаний. Одно из таких испытаний — духовный кризис. Это так называемое «темное время души» или время, когда старые психологические структуры рушатся, вызывая у человека состояние, похожее на психические расстройства или измененные (неординарные) состояния осознания. К сожалению, такие состояния специалистами часто относятся к разряду психозов. Тем самым отвергается огромный положительный трансформирующий потенциал таких состояний. У меня есть большой личный интерес к этой теме, потому что я сам испытал такой период в своей жизни и могу с уверенностью сказать, что правильно прожитый (не подавляемый) духовный кризис может очень положительно сказаться на эволюцию, созревание личности.

Понятие «духовного кризиса» ввел один из основателей трансперсональной психологии С.Гроф, психиатр с более чем тридцатилетним опытом исследовательской работы в области необычных состояний сознания. По его определению это состояния, с одной стороны, обладающие всеми качествами психопатологического расстройства, а с другой — имеющие духовные измерения и потенциально способного вывести индивида на более высокий уровень существования. Переживания, происходящие во

время этого процесса, варьируются в широком спектре глубины и интенсивности — от очень мягких, до полностью переполняющих и вызывающих замешательство. Очень важный вклад в понимании проблемы духовного кризиса принадлежит Роберто Ассаджиоли, итальянскому психиатру и основателю оригинальной психотерапевтической школы, названной психосинтезом. Также важно вспомнить пионерские работы швейцарского психиатра К.Г.Юнга, который ввел духовное измерение в психиатрию. В некоторых случаях возможно идентифицировать ситуацию, которая, судя по всему, послужила спусковым крючком духовного кризиса. Это может быть чисто физический фактор, например болезнь, несчастный случай или операция. В другой раз непосредственным толчком могут оказаться крайнее физическое истощение или недостаток сна. У женщин это могут быть аборт, роды или выкидыш; нам также известны ситуации, когда начало процесса совпадало с исключительно мощными сексуальными переживаниями.

Иногда начало духовного кризиса следует за сильными эмоциональными переживаниями. Это может быть утрата важных взаимоотношений, например смерть ребенка либо другого близкого родственника, конец любовного романа, развод. Сходным образом ряд неудач, увольнение с работы или утрата собственности также могут послужить причиной для начала кризиса. Для индивидов, предрасположенных к кризису, «последней каплей» может быть опыт с психо-

деликами или сессия экспириенциальной психотерапии.

Однако одним из наиболее важных катализаторов духовного кризиса является вовлеченность в различные формы медитации и духовной практики. Эти методы специально задуманы для активации духовных переживаний. По мере быстрого роста популярности различных восточных и западных духовных дисциплин все большее число людей начинает испытывать трансперсональный кризис — вот еще одна причина того, что правильное понимание и правильный подход к духовному кризису день ото дня приобретают все большую важность (2).

Список наиболее частых разновидностей духовного кризиса:

1. Шаманский кризис.
2. Пробуждение Кундалини.
3. Эпизоды сознания единства («пиковые переживания»).
4. Психологическое обновление через возвращение к центру.
5. Кризис психического раскрытия.
6. Переживание «прошлых жизней».
7. Общение с духами-проводниками и «контактерство».
8. Околосмертные переживания.
9. Переживания близких контактов с НЛО.
10. Состояния одержимости.

Все эти внешне разные формы духовного кризиса объединяют несколько моментов. Первое — это зов. Человек чувствует зов чего то большего, он выбивает человека из комфортной зоны существования. Он уже не может с этим справиться и жить по старому. Второе — это сопротивление. Защитные структуры психики человека пытаются защитить его от зова, ибо это воспринимается как угроза стабильности Эго и целостности личности. И чем более жесткими являются структуры Эго, чем более человек привык контролировать себя и свое поведение, тем сильнее это сопротивление. Американские психотерапевты Х. Стоун, С. Уинкельман, разработавшие уникальный метод «Диалог с голосами» (Voice

Dialogue) и положившие начало новому направлению психологии — психологии субличностей (Субличности это структуры психики человека, которые возникают на разных этапах развития человека и обеспечивают его защиту, реализацию его потребностей и позволяют ему жить так, как он живет (6)), выделяют три части человеческой психики:

1. Первичные Я (субличности) которые защищают уязвленность, незащищенность, слабость человека. В эту группу входят такие субличности, как Контролер-Защитник, Толкач, Рациональный Ум, Внутренний Критик, Любезник, Судья, Законодатель. Это те части психики, которые стремятся сохранить старое состояние и поведение, противятся любому новому.

2. Отстраненные Я, которые противоположны субличностям первой группы. Отстраненные субличности человек запрещает себе как то, что приносит ему слабость. Это то, что человек не хочет видеть в себе, отвергает.

3. Незрелые Я — это такие части личности человека, которые являются возможными лишь потенциально, то есть то, чего мы еще не касались в своей жизни (6).

Исходя из этой концепции, можно сказать, что обычное состояние человека — это когда личностью руководят первичные (защитные) энергетические модели психики. А духовный кризис — это момент, когда отстраненные и незрелые части психики, вследствие зова духовных измерений, выходят в первый план. Возникает огромный внутренний конфликт, борьба. Личность испытывает колоссальный дискомфорт. Защитные части психики борются с приходившим новым осознанием, новыми энергетическими моделями. Это пик переживаний, пик кризиса.

Из этой ситуации бывают всего четыре выхода (3):

1. Позитивная дезинтеграция с переходом на новый качественный уровень целостности сознания и личности.

2. Сумасшествие с различным возможным содержанием.

3. Негативная дезинтеграция с потерей социальных коммуникаций, жизненности и возвратом в комфортную зону с минимальным уровнем витальности.

4. Смерть.

При позитивной дезинтеграции умирает старое Эго и рождается другая более зрелая личность с новыми качествами, новыми способностями.

В новом, принятом качестве возникает чувство духовного освобождения, спасения и искупленности. Человек воспринимает глубинный смысл свободы, как состояния (3). Если противится процессу кризиса и мешать натуральному его течению, возникает неблагоприятное течение процесса с возможным патологическим результатом.

Главное направление работы с духовными кризисами должна заключаться в том, чтобы позволять личности пройти все натуральные этапы кризиса, поскольку временное торможение кризисных процессов, а также применение лекарственных средств могут только растянуть кризис во времени и привести к негативным последствиям. Обязательно надо сообщать человеку, который проходит духовный кризис, о положительном трансформирующем потенциале данного процесса. Очень важно разъяснить индивиду, что же на самом деле происходит в действительности и помочь ему занять правильную позицию (1). Очень положительная помощь человеку может оказать работа с энергетическими моделями психики при помощи метода «Диалог с голосами» (Voice Dialogue). Это помогает снять сопротивление, очистить

старые и позволить быть новым приходящим энергетическим моделям. Психологическое консультирование клиентов, находящихся в состоянии психодуховного кризиса, должно строиться на принципах экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов (3). Важно помочь сделать инвентаризацию целей, ценностей, поступков и привычек, отношений и людей вокруг (5). Отпустить то, что хочет уйти и впустить то, что приходит. Самый лучший подход к кризисам — это принятие их как подарка судьбы, как натуральной части течения реки жизни. Когда мы перестаем противиться этой реке, мы начинаем просто течь к глубинным состояниям понимания смысла жизни, к открытию сердца и к истинным ценностям.

Литература

1. Assagioli R. Psychosynthesis. A Manual Principles and Techniques. — NY: Viling Press, 1971.

2. Гроф С., Гроф К. Духовный кризис. Когда преобразование личности становится кризисом. Изд-во Трансперсонального института, 2000. 288 с.

3. Козлов В.В. Духовный кризис. Этапы развития и пути преодоления. Sunhome.ru.

4. Стоун Х., Уинкельман С. Принимая собственные «я». — Изд-во Эксмо; СПб.: Домино, 2003. 304 с.

5. Стрекалов С.А. Жизнь как эволюция души. — СПб., 2010. 112 с.

6. Стрекалов С.А. «Диалог с голосами» и формирование структуры личности // Вестник Балтийской педагогической Академии. № 91. — СПб., 2009.

Marius Daugelavicus. Spiritual crisis — a path of transformation of personality

Of the article is devoted to the psychology of spiritual crisis. Based on the theory of the mindset, the author looks at transpersonal procedural characteristics and vectors of development of the spiritual crisis.

Keywords: transpersonal psychology, spiritual crisis, disintegration, consciousness.

Селищев В.Ю., Челябинск

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена пониманию смысла в эпоху постмодерна. На смену эпохи модерна приходит постмодерн. Меняется мировоззрение, создаются новые концепции в понимании смысла и бессмысленности. Реакция невротической личности на утрату смыслов свидетельствует о потребности человека в наличии границ.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, смысл, бессмысленность, невротическая личность, граница.

Уходит в прошлое модерн как историческая эра, характеризующаяся особым философским и научным мировоззрением — модернизмом, символизируемым такими фигурами, как Декарт, Ньютон, Гегель, Маркс и др. Основной идеей этого мировоззрения была вера в возможность человеческого разума познать мир как некое целое, как единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам, а также убеждение в том, что выявление основных законов природы и общества не только способствует историческому прогрессу, но и дает право на переустройство мира в соответствии с ними. Таким образом, модернизм в своих теоретических построениях исходил из того, что человеку доступно абсолютное знание, которое можно воплотить в реальности, то есть доступен Высший смысл жизни и деятельности.

Хотим ли мы этого или нет, на смену модернизму приходит постмодернизм как комплексное идейное течение, наиболее адекватно отражающее состояние духовности в наши дни, связанное с ощущением неприемлемости господствующих ранее представлений о мире и человеке. Главной, отличительной чертой постмодернизма считается определяющая установка на невозможность описания мира как некоего целого с помощью каких-либо общих теорий, претендующих на истинное, единственно верное знание о действительности. Постмодернизм не пред-

ставляет собой единую, целостную теорию. Причем, следует заметить, что различные версии, даже если они являются альтернативными, не взаимоисключают друг друга, а скорее наоборот, признают законность претензий каждой из них на равноправное сосуществование. Все есть во всем, разница — в пропорции.

Характеризуя эпоху постмодерна, Ж.Ф.Лиотар в классической работе «Состояние постмодерна» рассматривает ее как сложившийся факт. Вхождение общества в постмодерный период французский философ связывает с процессами всеохватывающей информатизации, которые стали одной из причин изменения статуса знания и возникновения специфического постмодернистского видения мира.

Отличительными чертами новой эпохи являются массовое распространение творческого, интеллектуального труда, качественно возросший объем и значение научного знания и информации, развитие средств коммуникаций, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью. Для науки характерен отказ от господствующего представления о мире как о ригидном универсуме, подчиненном сумме неизменных законов, в котором нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности, неопределенности, и переход к его пониманию в качестве постоянно меняющейся, аморфной, инвариант-

ной в своем развитии и бесконечно сложной реальности. Постмодернизм — новая эпоха, обусловленная необходимостью пересмотра оснований жизни по причине их неадекватности. Размытость этических, эстетических и прочих жизненных ориентиров в наше время резко сужает пространство понятия, осмысленного.

Осмысленная деятельность человека подразумевает стремление к Цели. Наличие цели — и есть основной признак эпохи модерна, когда есть цели, и им следуют, деятельность и жизнь в целом наполнена смыслом. Отсутствие цели равнозначно утрате смысла жизни, что закономерно лишает человека возможности проявиться как конкретной, неповторимой личности и заставляет лихорадочно думать об этом самом смысле.

Смыслом является личная значимость тех или иных явлений, сообщений или действий, их отношение к интересам и жизненному контексту в целом конкретного субъекта.

Понятие «смысл» особенно активно стало использоваться философами и лингвистами в первой половине двадцатого века, это было связано с ростом внимания к субъективной реальности человека, к его практической деятельности и содержанию сознания. Почти все авторы, использующие это понятие, не рассматривали его в строгой теоретической форме. Разные авторы понимают смысл по-разному, не соотносясь в своем понимании.

Проблематизация смысла разрабатывалась такими психологами, как А.Бине, Ван дер Вельт, Э.Титгенер, Ф.Барлет. Общим в способе трактования этих авторов была попытка исследовать смысл как явление сознания в пределах самого сознания.

Принципиально новую концепцию в понимании смысла разработал А.Н.Леонтьев. Характерным для его

системы взглядов является то, что смысл как психологическое понятие раскрывается в результате анализа явлений, принадлежащих не сознанию, а жизни и деятельности субъекта, явлений его взаимодействия с окружающей реальностью.

Изучая структуру человеческой деятельности, А.Н.Леонтьев показал, что смысл создается в результате отражения субъектом отношений между ним и тем, на что его деятельность направлена как на свой непосредственный результат, то есть цель. Именно отношение мотива к цели порождает личностный смысл, при этом смыслообразующая функция в этом отношении принадлежит мотиву.

Когда говорят о смысле в приложении к человеческим деяниям, имеют в виду нечто направленное на некий промежуточный результат в рамках деятельности индивида, становящийся самостоятельной целью. Но смысл деятельности — больше чем просто его цель. Для субъекта цель его деятельности отделена от ее мотива и выделяется как действие.

Смысл каждого нашего действия, каждого поступка, каждого принятого решения заключается не в них самих, а в том, что мы в них вкладываем. Чаще всего смыслом принято считать то значение, которое сам человек придает своей деятельности в зависимости от степени его собственного понимания и от того, какую важность имеет для него эта деятельность. Наличие или отсутствие смысла определяется индивидом в зависимости от его личностного восприятия. Смысл может существовать только в рамках феномена «осмысленная деятельность».

Вопрос о смысле сложен и не всегда доступен анализу, но всегда есть возможность проанализировать бессмысленность, то есть деятельность, в которой, по мнению индивида, отсут-

ствует смысл. Бессмыслица — отсутствие смысла, недостижение цели, неудача в осуществлении задуманного.

На практике обращение к смыслу возникает в момент обнаружения его отсутствия, то есть в состоянии обнаружения бессмысленности действия, поступков, периода жизни. В какой-то момент времени человек замечает, что его действия носят повторяющийся характер. «Каждый день — одно и то же». «Не вижу смысла». «Жизнь идет по кругу».

Осознание бессмысленности деятельности возникает при условии, что мы не удовлетворены изменением первоначального положения, движение от которого, было призвано его изменить. Возврат означает неудачу попытки изменения, следовательно, цель не достигнута.

Таким образом, бессмысленность обнаруживается на фоне повторяемости событий или информации или их полного отсутствия, как частный случай. Е.Н.Трубецкой в работе «Смысл жизни» делает однозначный вывод: «С тех пор, как человек начал размышлять о жизни, жизнь бессмысленная всегда представляется ему в виде замкнутого в себе порочного круга» [1].

Жизнь без осознанного смысла в наше время, в период творческого хаоса в преддверии новой эпохи, нового порядка жизни, становится довольно распространенной проблемой. Люди разочарованы в основах и сущности своей жизни. Субъективно они переживают потерю смысла жизни или же не могут его найти, страдают от одиночества и от некой опустошенности души, жизнь становится пресной и теряет ценность.

Согласно Виктору Эмилио Франклу, человеком движет, в первую очередь, стремление найти смысл своего существования. Осмысленная жизнь есть залог духовного равновесия, душевно-

го благополучия в широком понимании этого слова.

Многие ученые исследуют эту довольно распространенную проблему — жизнь без осознанного смысла. Итальянский психолог Сальваторе Мадди предложил назвать эту проблему утраты смысла «экзистенциальным недугом» или «экзистенциальным неврозом».

Невротическая личность не чувствует резервов, чтобы жить, чтобы стоять на собственных ногах. Она не видит и даже не хочет видеть свои резервы, свои силы.

Расширение представления о своих возможностях порождает ответственность за себя. Но ответственность обязывает к выбору, и, в этом случае, невротическая личность предпочитает чувство вины перед собой и отказ от свободы выбирать решения, использовать свои возможности. Невротик испытывает чувство вины за то, что он есть, за то, что он не соответствует этому миру. Ему достаточно чувствовать себя виноватым для того, чтобы жить, пусть и в экзистенциальном неврозе, вина не обязывает к действию, тогда как принятие ответственности за себя обязывает.

Смысл жизни — философская и духовная проблема, имеющая отношение к определению конечной цели существования. Предназначение человека как биологического вида — одно из основных мировоззренческих понятий, имеющих огромное значение для становления духовно-нравственного облика личности. [2].

Реакция на утрату смыслов и потерянность в эпоху постмодернизма свидетельствует, прежде всего, о потребности человека в наличии границ. Законченность определяет целостность мира и, соответственно, целостность человека в нем. Осмысление деятельности происходит на каком-то конечном

или промежуточном этапе. Осмыслению подвергается период времени или отрезок, имеющий начало и конец. Понятие структуры упорядочивает и фиксирует действительность, а тем самым вписывает ее в жесткие рамки и лишает возможности изменения.

Модернизм как мировоззренческий проект, обладал: стремлением к созданию универсальной картины мира, сводящей все многообразие действительности к единым основаниям; убеждением в доступности человеческому разуму абсолютного знания об этих основаниях; стремлением к полному воплощению этого знания в действительности; убеждением, что такая реализация будет способствовать увеличению человеческого счастья; уверенностью в поступательном развитии человечества, в приоритете настоящего перед прошлым, а будущего перед настоящим. Существовали границы, существовала структура, цели были predetermined.

Наша реальность и жизненный мир стали «постмодерными». Совершаются попытки разомкнуть, рассеять структуру, сделать ее открытой. В эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; одновременность разно-

временного стала новым естеством. Общая ситуация практической одновременности протекания психических процессов и взаимопроникновения различных концепций, допущение одновременного сосуществования разнообразных точек зрения и, как следствие, разных смыслов — более чем реальна.

Мы слишком близки, чересчур включены в эти социальные процессы, чтобы окончательно и беспристрастно их оценить. Трудно определить смысл деятельности, которая находится в стадии становления, постоянного изменения и корректирования выбранных направлений развития. Именно в этот период происходит перелом в сознании людей, пусть еще пока до конца осмысленный теоретически и не обозначенный в качестве постмодернистского, но, тем не менее, уже имеющий место как исторический факт, выражающий не единичные случаи, а общие настроения.

Литература

1. Трубецкой Е.Н. Избранное. — М., 1995. С. 33.
2. Словарь Группы лакановского психоанализа. — СПб., 2008.

Selishev V.Yu. Comprehension of meaning in the epoch of postmodern

The article is devoted to comprehension of meaning of life in the epoch of postmodern. Postmodern comes to change the modern epoch. The ideology changes and new conceptions of understanding the meaning and inanity are being created. The neurotic personality reaction for the loss of these meanings testifies that the person needs the boundaries.

Keywords: Modern, postmodern. Meaning, inanity, neurotic personality, boundaries.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семенова Т.В., Самара

СОЗЕРЦАЯ СОЗНАНИЕ: САМАРСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

В серии публикаций последних лет Г.В.Акопова и самарской психологической школы представлен широкий спектр мнений авторов, занимающихся проблемой сознания, начиная с принципа единства сознания и деятельности А.Н.Леонтьева и заканчивая одной из последних теорий сознания В.М.Аллахвердова, который сформулировал некоторые законы работы сознания. Спектр подходов к решению проблемы сознания в Западной Европе и США иной. Прогресс связан с развитием нейронауки, с исследованием феноменов (например, способность слабовидящих точно угадывать характеристики зрительных стимулов и др.), с работами в области искусственного интеллекта, с формулированием так называемых «легких» (объясняемых с позиций когнитивной науки) и «трудных» (тупиковых, например, связанных с объяснением субъективного опыта) проблем сознания [2, 6, 7]. Первая Всероссийская конференция «Психология сознания: современное состояние и перспективы», прошедшая в Самаре в 2007, году привнесла много нового в пестроту научных мнений о сознании [5]. Вторая конференция планируется летом 2011 года и обещает раскрасить самарский калейдоскоп идей разноцветием научных версий понимания феномена сознания как ключевой категории психологии.

Г.В.Акопов предлагает свою объяснительную версию — принцип контакта и свободы (потребность индивида в установлении контакта со средой, са-

мим собой и социальным миром, а также потребность в самостоятельности принятия решений). В двухфакторной модели сознания каждый из факторов, в свою очередь, может рассматриваться в триадичной структуре: *контакт* — его отсутствие или наличие (по критерию обратной связи), коммуникация (по критерию передачи определенного информационного содержания), а также смысловое общение; *свобода* — возможность выбора; определение, нахождение субъективно новых целей (творчество); конструирование объективно новых целей (созидание). Каждый из факторов рассматривается также в двух планах — внешнем и внутреннем, что позволяет с учетом трехкомпонентной структуры каждого из факторов (контакт, коммуникация, смысловое общение; выбор, творчество, созидание) и различных сочетаний компонентов выстраивать достаточно широкое поле конкретных проявлений сознания.

Особенностью самарских исследований сознания является их консолидирующий характер, объединяющий различные идеи, мнения, версии, подходы и принципы. Понятие «консолидация» аргументировано артикулируется в последних публикациях Г.В.Акопова, что можно рассматривать как закономерный этап развития методологических исследований и введение новых терминов в перечень уже имеющихся — «междисциплинарность», «интеграция», «конвенция», «толерантность», «либерализм», «схизис» и пр. Не случайно и название научного мероприятия, прове-

денного 21 мая 2010 года факультетом психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии: Первый Поволжский консолидирующий семинар «Созерцание — современная научно-теоретическая и прикладная (практическая) проблема», посвященный памяти Дмитрия Александровича Агапова, который заложил активное начало в изучение одного из удивительнейших явлений сознания — «созерцание», определив тем самым новое направление исследовательской мысли самарской научной психологической школы. Тема последних лет во многом связана с совместно начатой работой Г.В.Акопова и Д.А.Агапова [1, 2, 3]. Неожиданная для всех смерть Д.А.Агапова усилила интерес к тому, что он так плодотворно начал и категория «созерцание» стала выполнять функцию условного «аттрактора» системы психологических понятий, так или иначе связанных с категорией «сознание».

Созерцание — довольно редко используемое в современной психологии понятие, не наделенное категориальным статусом, в силу этого позволим себе привести некоторые выдержки из выступлений участников семинара и комментарии к ним [4]. Определение понятия в словаре С.И.Ожегова (1964): созерцание (созерцать, созерцатель, созерцательный) — пассивное наблюдение, бездеятельность, рассматривание. В словаре В.И.Даля (1882): созерцать, то есть внимательно или продолжительно рассматривать, наблюдать, смотреть со смыслом, вникая, углубляясь в предмет, изучая его, любясь им // вникать во что-то мысленно, разумом, духом. «Созерцая природу, созерцаем и величие создателя». Г.В.Акопов отметил, что понятие постепенно было выхолощено и сегодня «распространенный ассоциативный отклик связан со словосочетанием «чувственное созерцание». По справедливому замечанию И.Н.Карицкого (Москва, МГУ), исчезновение по-

нятия говорит о том, что нами утрачивается и часть реальности, уходит слово, исчезает и целый слой культуры. Можем ли мы без этой реальности обходиться сегодня — в нашей спешке, погоне за достижениями, приобретениями, не уделяя должного или даже минимально необходимого внимания нашей внутренней реальности?

Н.Б.Шкопоров (Тольятти, ТГУ) в своем докладе, соглашаясь со многими авторами, констатировал, что созерцание можно рассматривать как нечто, существующее до психических процессов, или как один из психических процессов, или наоборот — как включающее в себя все иные процессы, все же настаивал на том, что созерцание — это функция постижения высшего и одновременно погруженность в собственное психическое существование. Яркое впечатление произвел на всех доклад И.А.Подоровской (Самарская духовная семинария) «Созерцание в святоотеческой традиции».

Семинар был назван и состоялся как консолидирующий. В нем приняли участие около 60 человек, прозвучали 11 докладов, авторы которых придерживаются самых разных методологических позиций, научных интересов и по-разному относятся к обозначенной проблеме. Программа семинара логично выстроилась от анализа созерцания как предмета психологических исследований, его структуры и функций к описанию различных духовных практик и трансперсональных состояний личности. В эпоху методологического кризиса психологии оказалось возможным в рамках одной темы консолидировать научное и профессиональное сообщество.

В моих личных исканиях тема консолидирующего семинара по проблеме созерцания названа «Музыка науки» — это принятие идеи полифонической психологии [3], понимаемой мной как созвучие разных теорий, объясняющих

одно и то же — как устроено и как работает сознание: не психика, которая быстро во времени не изменяется, а именно сознание — как инструмент, который создала природа (или Бог) для многомерного, многоаспектного понимания мира вокруг нас. Полифония в музыке — это одновременное звучание нескольких музыкальных тем, не просто «наложение» или «интерференция», или «какофония», это особым образом подобранные мелодии, ритмы и музыкальные рифмы, аккорды и паузы... Не ключик ли это к разгадке феномена человеческого сознания? «Карта — не территория» (эту метафору используют многие), любая теория сознания — это лишь одна музыкальная тема. Задача науки нынешнего уровня развития — «подбирать аккорды», то есть консолидировать те из теорий, сочетание которых в совокупности описывают разные, наиболее созвучные друг с другом «мерности» многомерного и многоуровневого феномена сознания. Так, к примеру, самый простой и самый фундаментальный аккорд, с которого психология началась как наука, это «мажорное трезвучие»: бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология. Дело за малым — подобрать 7 лучших теорий для доминантсептаккорда...

Некоторое «созвучие» теории сознания, разрабатываемой Г.В.Акоповым, можно найти в других отечественных теоретических концепциях. Примером может служить кластерная теория интеграции М.Щербакова [цит. по 6]. Модель двумерна и многослойна. Ось ординат имеет смысл «глубины слоев» сознания. Ось абсцисс — это шкала смыслов. Верхний слой назван мотивационным, или адаптивным, — это та часть сознания, которая отвечает за поведение, мотивацию и социальную адаптацию. Под ним — слой личностной истории. Глубже — слой сознания, связанный с информацией и опытом, полученными в период внутриутробного разви-

тия плода и в процессе родов. Глубинные слои — архетипические или трансперсональные — содержат информацию, получаемую при рождении. Самый глубокий слой — уровень универсального единства. Все слои, кроме адаптивного, недоступны для непосредственного осознания и исследования. Модель предполагает наличие большого набора паттернов — элементарных *структур сознания* (не обязательно четко диссоциированных), которые в свою очередь объединены в структуры более сложной конфигурации — кластеры (которых, по мнению М.Щербакова, сотни тысяч или миллионов). Процесс формирования паттернов и кластеров назван интеграцией. Кластеры взаимообусловлены, взаимодействуют и конфликтуют друг с другом, имеют законы формирования, трансформации и разрушения. Описан процесс «туннельного перехода» глубинного кластера на поверхностный слой и т.д.

Главный вывод, который напрашивается: сознание изначально *социально*, то есть («внутри себя самого») устроено по принципу «социальности» — на основе контактов (взаимодействия) «единиц» (кластеров и паттернов) элементарных сознаний. Общие слои представляют собой то единство, которое объединяет кластеры.

«Музыка науки» начинается с созвучия между отдельными нотами и музыкальными фразами...

Несколько лет параллельно с самарской психологической школой и в ее мировоззренческих и методологических пределах существует «самарский психологический детский сад» — так ласково и нежно я, его создатель и руководитель, называю разные формы организации научно-исследовательской работы студентов факультета психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (до 2009 г. — Самарский государственный педагогический университет). «Старшая группа» по-

следних лет — это участники студенческого научно-учебного семинара по сознанию, который проводится в рамках разработки учебного курса «Новые направления современной психологии сознания». Необычная форма общения — через книги, которыми участники обмениваются при встрече (комплекты новых монографий и ксероксы статей периодических изданий являются неотъемлемой организационной частью семинара), обсуждение выбранного и прочитанного по собственному желанию, а не по принуждению, провоцируют необычную «консолидирующую» атмосферу, в которой комфортно чувствуют себя практически все студенты, не зависимо от когнитивной сложности их сознания и уровня профессиональной подготовки. Итогом семинара я считаю не только (и не столько) экзамен с оценкой, защиту курсовой или даже диссертационной работы, сколько создание индивидуальной картины мира, разработку «теории сознания» на основе своих собственных идей и взглядов на проблему в рамках нашей науки — психологии. Мотивировать стараюсь всех, но требовать на экзамене «свою теорию» — по меньшей мере не этично, поэтому с трепетом собираю копилку мудрости своих студентов — и устно, и письменно, и индивидуально, и в групповом творчестве, помогая преодолевать страх научной неполноценности и обрести свою «минуту славы».

В одном из вариантов структурных построений сознания лежит схема психических процессов (сознания) В.А.Ганзена и структура группового сознания Г.В.Акопова [2]. Студент Федор Кечаев предлагает свою, не лишённую здравого смысла, версию упорядочивания психических процессов сознания, развивая логику взаимодействия всем известных компонентов. В общей схеме выделено два контура — внутренний («Я») и внешний («Деятельность»), а также область неосознаваемого (с центром «Память»)

и осознаваемого в сознании (с центром «Внимание»). Осознаваемое — это область пересечения восприятия, чувств, мышления и мотивации. Внимание служит характеристикой осознаваемого не потому, что мы осознаем его, а потому, что именно внимание рождает осознание. «Перцепция» («ощущение» имеет непосредственное физическое воплощение; «восприятие» целостно, не сводится к работе нервных центров) и «Воля» («мотивация» содержится в сознании; «действие» осуществляется физическим телом) оказываются на границе физического и психического мира. «Аффект» и «мышление» идеальны, полностью погружены в сознание. «Деятельность» — отражение сознания вовне, результат работы сознания. Анализ полученной модели позволяет выявить два свойства сознания, обозначенные как «восприимчивость» и «активность». Первое характеризует принятие человеком мира, второе — изменение мира в соответствии со своими представлениями, что позволяет соотнести фактор свободы сознания с идеальным, абстрактным, а фактор контакта с материальным, конкретным, развивая тем самым идею соотношения свободы и контакта в сознании.

Смелость мысли молодых исследователей, раскрепощенная научно-учебной атмосферой студенческого семинара по сознанию, порождает удивительные идеи. Например, своеобразная мировоззренческая позиция Кирилла Дорошко о том, что сознание — это «рудимент», который человечеству дан временно и уже сейчас многим мешает и тормозит общее развитие цивилизации. Его отчасти поддерживает Андрей Безуглов, который высказывает мнение, что человеческая речь со временем отомрет и люди будут обмениваться мыслеформами, многие способны к такому общению уже сегодня. Денис Исаев в течение пяти лет остается верен своей собственной «Достаточно общей тео-

рии развития». Стойкости научных убеждений не помешали ни учебники, ни монографии известных ученых. Одна из идей связана с пересмотром фундаментальной проблемы психологии — взаимоотношением биологического и социального. Он утверждает, что в борьбе биологического и социального за «власть» над индивидом, рано или поздно должно родиться «психологическое», которому в дальнейшем отводится роль арбитра. Биологическое должно быть адаптировано к социуму посредством социализации, в результате которой в индивиде формируется «психологическое» и как следствие личностная активность. Рассматривать развитие личности стоит в ином ключе — в противостоянии психологического и социального на почве биологического. «Адаптанты» и «дезаптанты» проходят в своем развитии разные пути, но и у тех, и у других, есть варианты развития событий: уход в дезадаптацию, патологию, смирение, стремление или возврат к своему истинному «Я», и, как итог — переход на новый уровень сознания. В этих преобразованиях первостепенная важность отводится психологическому вектору развития личности, благодаря которому возможно самосовершенствование и саморазвитие.

«Научный Детский сад самарской психологической школы» имеет свои версии в представлениях о созерцании. Так, например, Федор Кечаев рассматривает термин в соотнесении с категорией «свобода» и, вслед за Д.А.Агаповым, считает, что диада «деятельность-созерцание» является фундаментальной в описании всей активности человека.

Кирилл Дорошко больше интересуется проблемой соотношения созерцания и мышления (во многом под впечатлени-

ем работы Э.Канта «Критика чистого разума»), в рамках которой он понимает созерцание как высшую интеллектуальную функцию развитого человеческого сознания... Дело сейчас не в том, кто в чем прав или не очень, интересен полет мысли, мотивация деятельности и ориентация научного поиска.

«Летите, голуби, летите...»

Литература

1. Агапов Д.А. Персонализм и категория созерцания как методологические основы психолого-культурологических исследований // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Факультет психологии. Выпуск 3. — Самара: СГПУ, 2007–2008. С. 8–23.

2. Акопов Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. — М.: ИПРАН, 2010. 272 с.

3. Акопов Г.В., Агапов Д.А. На подступах к полифонической психологии // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы Первой Всероссийской конференции. — Самара: НТЦ, 2007. С. 16–17.

4. Бакуштова Е.В. Созерцание на Волге // Молодой учитель. № 5–6. — Самара: ПГСГА, 2010. С. 7.

5. Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы Первой Всероссийской научной конференции. — Самара: НТЦ, 2007.

6. Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. — Самара: СГПУ, 2008. 354 с.

7. Семенова Т.В., Чернышов В.С. В театре сознания: подходы к исследованию. — Самара: ОФОРТ, 2010. 68 с.

НАШИ АВТОРЫ

Абдулаева Анна Владимировна — магистр психологии, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ. Караганда.

Боллигер Л.В. — кандидат психологических наук, доцент Иркутского государственного технического университета. Иркутск.

Буровихина И.А. — факультет психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедра возрастной психологии. Москва.

Брудный А.А. — доктор философских наук, профессор направления «Психология» Американский университет в Центральной Азии. Бишкек.

Бурыкина Марина Юрьевна — доктор психологических наук, доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г.Петровского.

Витюгина Т.А. — психолог, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ. Москва.

Грищенко Е.Г. — психолог, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ. Астана.

Грязнов И.М. — психолог, преподаватель. Казань.

Даугелавичюс Мариус — трансперсональный психолог, психотерапевт. Таллинн.

Диденко Мария Николаевна — психолог, Психологический Центр «Альфа-Омега». Иркутск.

Ерохин Д.О. — аспирант. Факультет психологии Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. Москва.

Калиниченко Н.В. — аспирант ЯрГУ им. П.Г.Демидова. Ярославль.

Карпов Александр Александрович — аспирант ЯрГУ им. П.Г.Демидова. Ярославль.

Карпов Анатолий Викторович — Заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии Ярославского государственного университета

им. П.Г.Демидова, академик МАПН, РАГН. Ярославль.

Козлов Владимир Васильевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, президент МАПН, академик МАПН, РАСО, БПА и др., первый вице-президент Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии, главный редактор журналов «ЧФ: Социальный психолог» и «Вестник интегративной психологии», основатель интегративной психологии. Ярославль.

Лидерс А.Г. — факультет психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедра возрастной психологии. Москва.

Мазилев Владимир Александрович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского, академик МАПН. Ярославль.

Недозрелов А.В. — психолог, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ. Екатеринбург.

Останина Алена Игоревна — аспирант кафедры общей и прикладной психологии по специальности педагогическая психология Сибирской Академии права, экономики и управления. Иркутск.

Просекина А.Н. — психолог, сотрудник Иркутского государственного технического университета. Иркутск.

Санникова Наталья Геннадьевна — психолог Центра дерматологии и профилактики БППП. Астана.

Селищев Владимир Юрьевич — практикующий психоаналитик. Челябинск.

Семенова Татьяна Вениаминовна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Самара.

Стародубцева Г.А. — психолог, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ. Иркутск.

Международная научно-методическая конференция**«ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»****Ярославль 25 апреля — 29 апреля 2011 года**

При поддержке: Международной Академии Психологических Наук; Института психологии РАН, Ярославского государственного университета; Российского психологического общества; Межрегиональной эргономической ассоциации России; Балтийской Педагогической Академии.

Оргкомитет приглашает Вас участвовать на конференции «Интегративная психология: теория и практика», которая состоится в Ярославле с 25 апреля по 29 апреля 2011 г.

Цель конференции: интеграция теории и практики психологии, обмен опытом ведущих специалистов по различным направлениям практической психологии и психотерапии, знакомство с новейшими методами и техниками исследования, трансформации сознания и коррекции личности, работы с социальным сознанием и социальным бессознательным.

На конференции выступают и проводят мастер-классы лидеры различных направлений и уровней психологии и психотерапии, ведущие тренеры личностного роста, представители трансперсональной, гуманистической, глубинной, поведенческой терапии, психосинтеза, гештальт-терапии, телесно-ориентированной, танцевально-двигательной терапии, психологического консультирования, и других направлений прикладной психологии.

Уникальный формат конференции раскрывает возможность не только теоретического осмысления перспектив развития современной психологии и психотерапии, но и знакомства с огромной палитрой методов и техник, помогающих человеку достичь осознания

глубин своей личности, исследовать истоки и пути развития ее качеств, добиться внутренней гармонии и совершенства, раздвинуть социальные горизонты жизни и заново найти себя в постоянно изменяющемся мире.

В рамках работы конференции предполагается обсуждение задач и перспектив интеграции психологии в России.

Конференция работает по **трем основным направлениям:**

1. Методологический семинар (выступают ведущие психологи-теоретики).

2. Психологическая мастерская (работают ведущие психологи-практики).

3. Школа молодого ученого-психолога.

Каждое направление включает в себя работу отдельных секций, симпозиумов, воркшопов, проведение дискуссий, круглых столов и вечерних лекций.

Члены Оргкомитета: Аллахвердов В.М., Акопов Г.В., Базаров Т.Ю., Журавлев А.Л., Знаков В.В., Карпов А.В., Карпов А.А., Кашапов С.М., Ключева Н.В., Львов В.М., Мазиллов В.А., Мануйлов Г.М., Новиков В.В., Свенцицкий А.Л., Семенов В.Е., Фетискин Н.П., Юревич А.В.

Техническая информация:

К началу работы конференции будут изданы тезисы докладов участников конференции в журнале «Вестник ин-

тегративной психологии», а также научный сборник «7 волна психологии».

По результатам работы методологического семинара будет издан 7-й том Трудов Ярославского методологического семинара.

Тезисы докладов просим высылать до 8 марта 2010 г.

В тезисах указать в правом верхнем углу ФИО, учреждение, город, затем название доклада (заглавные буквы, жирный шрифт, расположение по центру).

Тезисы докладов просим высылать на электронный адрес marp2@ Rambler.ru. Объем от 2 до 4 полных страниц, компьютерного набора (word/98, шрифт 14 «Times new Roman», через 1,0 интервал, распечатка контрастная, черная, лист формата А4, поля справа 15 мм, слева — 25 мм, сверху и снизу 20 мм, абзацный отступ 5 знаков; в тезисах не должно быть таблиц, рисунков, подстрочных символов, списка литературы; дискеты и печатный текст не возвращаются).

Научные статьи в сборник «7 волна психологии» (объем 5 стр.) будут приниматься в те же сроки и по тому же адресу и с теми же требованиями, что и в журнал «Вестник интегративной психологии» с пометкой «7 волна психологии».

Почтовый адрес: 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская 9–2. Козлову В.В.

Электронный адрес профессора В.В.Козлова marp2@ Rambler.ru.

Регистрация участников: 21 апреля с 9.00 до 21.00 в пансионате «Красный Холм» по адресу: Ярославский р-н, п/о «Михайловское», пансионат «Красный Холм».

25 апреля 2011 года на ж/д вокзале «Ярославль-Главный» в 17.00 Вас ожидает транспорт с символикой Конференции.

Конференция начинает работу 25 апреля в 21:00 в актовом зале пансионата «Красный Холм» (организационное собрание). Пленарные доклады 26 апреля в 10.00.

Информация для контактов:

Ярославль: тел.: (4852) 72–83–94; сот. 89159911278

E-mail: marp2@ Rambler.ru (Владимир Васильевич Козлов).

Тел.: (085–2) 23–71–83, 72–54–85. **E-mail:** mazilov@yspu.yar.ru (Мазиллов Владимир Александрович).

Москва: тел.: (495) 379–04–65; **e-mail:** ignikkar@mail.ru (Игорь Николаевич Карицкий).

Организационный взнос для участников конференции составляет:

Студенты и аспиранты — 1000 рублей.

Граждане РФ, ближнего зарубежья — 2000 руб.

Представители дальнего зарубежья — 3000 руб.

Ориентировочная стоимость проживания и питания в пансионате «Красный холм» — 1000 рублей в сутки.

**Председатель конференции
Президент МАПН, доктор психологических наук,
профессор
Владимир Козлов**

Всероссийская научно-практическая конференция**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»****с 19 по 21 мая 2011 года, Ярославль**

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова совместно с Институтом психологии РАН, Администрацией Ярославской области, Российским психологическим обществом и Международной академией психологических наук

Уважаемые коллеги!

Оргкомитет приглашает Вас принять участие в конференции **«Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы»**, которая состоится в Ярославле с 19 по 21 мая 2011 г.

Основными **целями** конференции являются обобщение передового опыта ведущих научных школ страны в решении методологических, теоретических и прикладных проблем психологии в основных сферах профессиональной деятельности и общественной практики.

Работа конференции будет организована по следующим **основным направлениям и поднаправлениям**:

1. Методологические и теоретические проблемы современной психологии. Методологические проблемы современной психологии: предмет, метод, интерпретация. Методологические проблемы интеграции психологической науки и практики. Закономерности и пути развития психологии в России (историко-методологические вопросы развития психологической науки). Психология сегодня: диалог парадигм (полипарадигмальность психологической науки). Системный и метасистемный подход к исследованию психики.

2. Современное состояние эмпирических и экспериментальных исследований. Проблемы экспериментального метода

в психологии. Принципы соотношения эмпирической и экспериментальной психологии. Познание в практической деятельности. Проблемы психологической интерпретации в современных исследованиях. Проблемы практического мышления. Психология психических состояний. Психология когнитивного развития. Основные проблемы личности и социальной психологии. Проблема профессионального становления личности. Проблема профессиональных деструкций. Проблема способностей. Психология творческого мышления профессионала.

3. Современное состояние прикладной психологии. Организационная психология и менеджмент. Психология образования. Психология в системе здравоохранения. Психология в системе госслужбы, силовых структур и общественного развития. Психологическое консультирование: организационное и управленческое консультирование, бизнес-консультирование. Психология спорта. Психология социальной адаптации. Психология безопасности. Современная конфликтология. Экопсихология образовательной среды. Проблемы непрерывного психологического образования. Современные подходы к подготовке и сертификации психолога.

4. Ярославская психологическая школа: вчера, сегодня, завтра. Становление Ярославской психологической школы в контексте развития российской психологии. Творческое научное наследие ведущих представителей Ярославской психологической школы. Основные направления, традиции и перспективы развития Ярославской психологической школы.

Программа конференции включает также работу следующих **круглых столов**:

– «Психология общих и профессиональных способностей: теоретические и прикладные аспекты. Круглый стол посвящен памяти В.Н.Дружинина».

– Ярославская психологическая школа: история, традиции, современность».

Формы работы конференции: секции, круглые столы, вечерние лекции.

Техническая информация:

К началу работы конференции планируется издание **сборника материалов конференции**. Публикация материалов осуществляется бесплатно. Требования к оформлению материалов: Объем до 5

страниц (10000 печатных знаков) в редакторе Word–97/98, .doc, 14 кегль, интервал 1,5; шрифт Times New Roman, абзац 1,25, поля 2 см со всех сторон; сноски в квадратных скобках внутри текста, список литературы в конце текста.

В тезисах не должно быть выделений, подстрочных символов, таблиц, формул, рисунков.

Название тезисов дается полужирным шрифтом, выравнивание от центра. Без отступа, курсивом фамилия и инициалы, автора(ов), выравнивание от центра. С отступом в 1 строку основной текст. Список литературы отделяется также одним отступом.

Материалы принимаются до 15 марта 2011 года по электронному адресу: yaг-40@ya.ru

Регистрация участников будет проходить 19 мая с 9.00 до 10.00 по адресу: г. Ярославль, ул. Советская 14 (главный корпус ЯрГУ им. П.Г.Демидова)

Организационный взнос составляет 1000 рублей для участников из РФ и СНГ. **Оплата проживания** осуществляется участниками конференции.

Председатель организационного комитета конференции, декан факультета психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова, член-корр. РАО, д.пс.н., профессор.

А.В.Карпов